

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 4 (70). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

ISSN 2413-1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

**Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:**

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;
Апатова Н. В. – д-р экон. наук, д-р пед. наук, проф.;
Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;
Дадашев В. А. – д-р экон. наук, проф.;
Звонова Е. А. – д-р экон. наук, проф.;
Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;
Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;
Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;
Нижегородцев Р. М. – д-р экон. наук, проф.;
Панков Д. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;
Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;
Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;
Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;
Цехла С. Ю. – д-р экон. наук, проф.;
Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 07 июня 2018 г.**

Подписано в печать 07.06.2018. Формат 70x100 1/16.
14,3 усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/220. Бесплатно.
Дата выхода в свет 20.11.2018.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-ecomana.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2018 г.

УДК 330.8

К. МАРКС И СОВРЕМЕННОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Безматерных В. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: bezmaternyhvg2009@rambler.ru

В статье детально проанализированы закономерности и особенности российского первоначального накопления капитала, происходящие в переломный для государства период перехода от экономики административно-командной, с ее общественной собственностью на средства производства, к экономике рыночного типа. Обоснована эволюционная закономерность первоначального накопления капитала в условиях постсоциалистической экономики. Показано, что экономическое наследие К. Маркса, касающееся эпохи первоначального накопления капитала, актуально для современной истории России.

Ключевые слова: первоначальное накопление капитала, экономическое наследие К. Маркса, переходная экономика, приватизация, общественная собственность на средства производства, частная собственность, теневая экономика.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обращения к марксистской теории первоначального накопления капитала обусловлена необходимостью анализа этой важнейшей научной категории применительно к переходной экономике России. Как известно, К. Маркс рассматривал проблему первоначального накопления капитала как необходимую составляющую формирования капиталистической экономики. У К. Маркса так называемое первоначальное накопление капитала является предпосылкой, исходным пунктом формирования буржуазного способа производства, а не его результатом [1, с. 725–727]. Превращение примитивных, докапиталистических форм капитала в промышленный, торговый и ссудный капитал, по мнению К. Маркса, происходит на основе насилия (в отличие от гипотезы А. Смита, считавшего, что эти процессы происходили на основе права и труда) [1, с. 760]. При этом используются средства как экономического, так и неэкономического насилия: государственный долг, фискальная система, международные кредиты и др. В руках государства эти средства стали мощнейшим инструментом становления капиталистического способа производства. К. Маркс рассматривает процесс первоначального накопления капитала на примере Англии, где он в XV–XVIII вв. проходил, по его мнению, в классической форме.

В экономической науке России в последнюю четверть века, на наш взгляд, недостаточно полно изучены закономерности и особенности российского первоначального накопления капитала, происходящие в переломный для государства период – период перехода от экономики социалистической к экономике рыночной. Данной проблематикой в нашей стране в разное время занимались такие ученые, как Плышевский Б., Чернышев С. Б., Краснов В., Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. и другие. Вместе с тем многие аспекты интересующей нас темы остаются слабо

разработанными. Наблюдается определенная фрагментарность, недостаточная комплексность в исследовании проблемы.

Целью данной статьи является выявление закономерностей и особенностей российского первоначального накопления капитала, происходящих в переломный для России период, связанный с переходом от экономики социалистической (командно-административной) к экономике рыночной.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В постсоветской России в результате рыночных преобразований первоначальное накопление капитала начинается во второй раз, поскольку впервые этот процесс имел место при переходе от феодальной экономики к капиталистической в XVII–XIX вв. Как показал опыт всех бывших социалистических стран, выводы К. Маркса о неизбежности эпохи так называемого первоначального накопления капитала и всех ее последствий были абсолютно верны. Несмотря на то, что К. Маркс анализировал закономерности перехода от феодализма к капитализму, а в нашей стране происходил переход от экономики социалистической (командно-административной) к экономике рыночной, мы наблюдаем похожие явления и процессы.

Назовем и проанализируем особенности первоначального накопления капитала, имевшие место в России в конце XX века.

Важнейшей особенностью является то, что здесь имеет место переход не от феодальной экономики к капиталистической, а от социалистической к рыночной. В процессе первоначального накопления капитала в новых исторических условиях главными действующими персонажами, в отличие от прежней эпохи, были советская номенклатура, деятели так называемого теневого рынка. При этом номенклатура, не являвшаяся формально владельцем общенародной собственности, фактически ею являлась. Стремление узаконить подобное положение и стать полноценными обладателями общенародного имущества привело к тому, что именно номенклатура при определенных сложившихся политических обстоятельствах инициировала и руководила приватизацией. Целью ее было преобразование формы собственности с учетом нового курса страны на построение экономики рыночного типа. Трудящиеся, формально являвшиеся собственниками общего имущества государства, никогда таковыми себя не чувствовали. Это явилось причиной того, что передел собственности в нашей стране произошел без пролития крови. В отличие от событий Гражданской войны 1917–1921 гг. состав советской номенклатуры был различен. Ведущую роль играла номенклатура топливно-энергетического комплекса страны. Номенклатура военно-промышленного комплекса оказалась на втором плане, несмотря на то, что в СССР она была на первом месте по могуществу и влиянию на все сферы общества. Это связано с тем, что позиции военно-промышленного комплекса были существенно ослаблены распадом Советского Союза, социалистической системы, разоружением России. Номенклатура топливно-энергетического комплекса оказалась наиболее приспособленной к рыночной системе в силу того, что ее продукция оказалась чуть ли не единственной конкурентоспособной среди российских отраслей в мировом хозяйстве.

Следующая особенность «первоначального накопления капитала» состояла в том, что этот процесс проходил в стране индустриальной, а это означало, что перераспределять было что. Номенклатурой было создано множество способов такого перераспределения. Отличительной чертой этого процесса стал раздел общенародного имущества в форме приватизации. При переходе от феодальной к капиталистической экономике ничего подобного, естественно, быть не могло. Кроме того, в конце XX века «первоначальное накопление капитала» происходит относительно быстро, измеряясь не столетиями, а десятками лет. Особенность этого процесса состоит в том, что он происходит не в окружении стран с феодальной экономикой, как это было в классический период, а в эпоху глобализации, где Россия окружена странами с развитой рыночной экономикой, и в связи с этим – еще одно отличие. Первоначальное накопление капитала происходит в условиях активного вмешательства иностранных государств и в экономику, и в политику страны, преследуя при этом свои корыстные цели. Наконец, еще одной отличительной чертой первоначального накопления в России явился отток национального капитала в громадных размерах за рубеж. Ничего подобного невозможно представить в экономике Англии классической эпохи.

Конкретными формами первоначального накопления капитала в переходной экономике нашей страны стали: массовая приватизация бывшей социалистической общенародной собственности, присвоение в огромных масштабах государственных финансовых средств, коррупция среди работников государственного аппарата, в ходе приватизации получил самое широкое использование административный ресурс, массовое мошенничество, в ряде случаев в масштабе огромной страны, с использованием центрального телевидения, радио, других средств массовой информации, применение законодательства страны как инструмента передела общенародного имущества (с этой целью использовались законы об арбитраже, о банкротстве, всевозможные инвестиционные конкурсы, аукционы и т. д.), значительных масштабов достигло в этот период криминальное обогащение, с целью быстрого обогащения использовались войны и локальные конфликты, в России в процессе «первоначального накопления капитала» нашел широкое распространение такой источник доходов, как громадный разрыв в ценах отечественных и мировых, особенно на товары топливно-энергетические и добывающих отраслей экономики.

Рассмотрим подробнее важнейшие из форм «первоначального накопления капитала».

Приватизация государственной собственности в условиях переходной экономики России явилась одним из главных источников формирования новых капиталов и появления капиталистов, а также основным средством лишения непосредственных производителей (работников) ранее общенародных средств производства. Практически во всех бывших социалистических странах приватизация проходила через следующие этапы.

Первым этапом была стихийная приватизация государственной социалистической собственности. Начальной стадией накопления капитала в недрах еще социалистической собственности была нелегальная деятельность так называемых «цеховиков». Это были предприниматели, которые вели свою деятельность на социалистических предприятиях, используя ресурсы предприятий, с целью извлечения

собственной прибыли. Это была абсолютно противозаконная деятельность. Многие из них были осуждены советским судом. Парадокс в том, что когда в нашей стране в начале 90-х годов начали строить рыночную экономику, где главными действующими лицами должны были стать предприниматели, десятки их единомышленников еще сидели в колониях, осужденные за то, что в новых исторических условиях приветствовалось.

В соответствии с официальной оценкой Госкомстата России, масштабы доходов от «теневой» экономики огромны. По этим данным, в 1980 году 1/16 часть всех доходов населения Советского Союза являлась предпринимательской прибылью, а значит была незаконным, нетрудовым доходом [2].

Стихийная приватизация началась в СССР после принятия во второй половине 80-х годов ряда законов, послуживших мощным толчком к началу приватизационных процессов. Это были: постановления Верховного Совета СССР и РСФСР, Закон о разграничении государственной собственности на федеральную, республиканскую и местную, законы о кооперативной деятельности, о государственном предприятии, об аренде. В течение ряда лет, еще до начала рыночных преобразований, сложились условия, которые позволяли, прежде всего, руководителям социалистических предприятий использовать ресурсы общенародной собственности в личных интересах.

Созданные в конце 80-х годов кооперативы формально не являлись, но фактически стали первыми капиталистическими предприятиями в условиях существовавшего еще социалистического общественного строя. Но это был уже период развала социалистического государства. В это время происходит интенсивный процесс накопления капитала небольшой частью населения из числа руководителей различного звена государственных предприятий, а также разного рода криминальных элементов. Происходят процессы формирования идеологических и политических сил, которые выражали интересы нарождающегося нового класса капиталистов. Именно эти силы и пришли к политической власти в стране в начале 90-х годов.

Следующим этапом приватизации в России явилась ваучерная, или чековая, приватизация. Сроки ее проведения устанавливались от трех до пяти лет. Ваучерная приватизация проводилась в нашей стране в 1992–1994 годах. С целью ее проведения летом 1991 года были приняты законодательные акты Верховного Совета РСФСР. Они предусматривали выкуп государственных предприятий и их преобразование в акционерные общества. В это же время был принят закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», в соответствии с которым каждый гражданин нашей страны должен был получить именной приватизационный счет. На него должны перечисляться денежные средства, предназначенные для оплаты приватизируемой государственной собственности. Это закон запрещал продажу приватизационных вкладов другим гражданам. Однако закон не был выполнен в полном объеме.

На местах, где проводилась приватизация, чиновники руководствовались указами Президента Российской Федерации «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 29 декабря 1991 г.), «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 29 января 1992 г.), «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий,

добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» (от 1 июля 1992 г.), «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» (от 14 августа 1992 г.), «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» (от 24 декабря 1993 г.).

В середине 1992 года ваучеры, или приватизационные чеки, бесплатно раздавались населению. Теоретически их можно было обменять на долю в акциях любого акционерного предприятия. Практически же большинство приватизационных чеков было приобретено спекулянтами в силу того, что эти ценные бумаги не являлись именованными (хотя это было предусмотрено в первоначальном законе о приватизации).

Номинальная стоимость ваучера была определена в 10 тысяч советских рублей. Все имущество огромной страны, всех предприятий оценили в 1400 миллиардов рублей. На эту сумму были напечатаны ваучеры. Глава Госкомимущества Анатолий Чубайс, руководивший приватизацией, утверждал, что на один ваучер можно будет приобрести два автомобиля «Волга».

Чернышев Сергей Борисович, профессор Высшей школы экономики, член Экспертного совета при Правительстве России в статье «Особенности национальной приватизации» от 2004 года оценивал стоимость приватизационных бумаг следующим образом: «Новые менеджеры Государства российского сыграли в бесплатное ПРО, раздав населению титулы собственников всего национального богатства в форме приватизационных чеков. Впиаривая согражданам приватизацию, они верховными устами озвучили ожидания, ваучер будет стоить две “Волги”. А рынок цинично оценил его в 27 долларов. Никто не тормознул аукционы в ожидании, куда рынок одумается и отслюнит за приватизационный чек толстую стопку гринов. На одну чашу весов сложили основные материальные активы страны, на другую – ваучерную массу, скупленную у населения за указанный бесценно. Считается, что считать рынок умеет. Индустриальные гиганты сбыли по цене ларьков. Тем самым по факту было признано: из общенародного достояния безвестно сгинули 1 триллион 496 миллиардов долларов. Где-то между 1990 и 1994 годами неслышно грянула глобальная катастрофа, на вторую по размерам экономику мира обрушился невидимый астероид, и 99,7 % ее стоимости испарились» [3].

Таким образом, реальная стоимость ваучера оказалась равной цене двух бутылок водки.

Анатолию Чубайсу в его деятельности оказывали активную поддержку зарубежные консультанты. Например, в их составе был Шлейфер Андрей, профессор американского Гарвардского института, бывший гражданин Советского Союза, выехавший из нашей страны по израильской визе в США в 70-х годах. Его деятельность в России подробно описана в статье Дэвида МакКлинтика «Как Гарвард потерял Россию», опубликованной в 2006 году в журнале «Institutional Investor» [4].

МакКлинтик подробно прослеживает деятельность Шлейфера и его команды в Москве на протяжении с 1992-го по 1997-й год, когда жалобы от многих лиц заставили правительство США свернуть всю программу и начать судебное расследование.

Согласно МакКлинтику, когда в октябре 1992-го года Буш-отец подписал «Акт поддержки свободы, демократии и открытого рынка» в России и ассигновал

350 миллионов долларов, Шлейфер были уже тут, чтобы получить для Гарварда контракт на продвижение реформ в России. Первоначально Агентство США по международному развитию (USAID) передало Гарвардскому проекту 2,1 миллиона долларов, но всего на проект ушло больше 57 миллионов. Советником у Гайдара, директором Русского проекта назначили Шлейфера.

Было решено, что Шлейфер займется вплотную приватизацией с Чубайсом. Ее решили проводить по методу «шоковой терапии». Советник Анатолия Чубайса настаивал, что для приватизации 225 тысяч госпредприятий постепенность вредна, а действовать надо одним махом. Процесс выдачи гражданам ликвидных ваучеров пошел так быстро, что в конце 1992-го года уже 46 тысяч малых предприятий было в частных руках. «Чубайс и Шлейфер начали круто» [4], – пишет МкКлинтик. По его мнению, Шлейфер стоял перед трудной дилеммой. С одной стороны, он знал все об экономике и финансах великой державы, а с другой стороны, условия контракта «запрещали всем лицам, участвовавшим в проекте, их семьям и доверенным делать инвестиции из своего кармана в России и вообще лично участвовать в российских предприятиях или финансовых сделках» [4]. Соблазн поживиться оказался сильнее контрактных и этических сдержек. Согласно МкКлинтнику, Шлейфер и его американская жена Нэнси Зиммерман начали заниматься запретными инвестициями с июля 1994-го года. Благо помощники тут же нашлись. «Шлейфер и Зиммерман вложили в 1994 году 200 тысяч долларов в фирму Блаватника “Ренова-Инвест”, которая в свою очередь инвестировала в группу корпораций, подлежащих приватизации под руководством того же Шлейфера» [4]. В нее входили такие гиганты как Газпром, Ростелеком и алюминиевые заводы в Иркутске, Саянске и Братске.

Правительство США обвинило Шлейфера, а заодно и Гарвард в «конфликте интересов», то есть в том, что они инвестировали в корпорации, которые полагались на советы Шлейфера по приватизации, а помимо того получали даром юридические услуги на деньги американских налогоплательщиков. Все махинации Шлейфера и членов его команды довольно тщательно отследил МкКлинтник. Славная американская инициатива научить русских прозрачности в экономике и финансах завершилась тем, что 30 апреля 1977 года агенты ФБР начали допрос членов этой команды, а уже 9 мая главой Гарвардского института Саксом Шлейфер был снят с контракта и отстранен от проекта. Тут уж и Чубайс, как первый заместитель премьера, спохватился. 19 мая он грозно потребовал от американского правительства отменить все программы Гарвардского института в России за ненадобностью [5].

Ваучерная форма приватизации должна была выглядеть справедливым способом отделения непосредственного работника от ранее общенародных средств производства и имущества. Задача ее заключалась в том, чтобы у граждан страны создать видимость равного участия всех граждан в разделе государственной собственности и таким образом политически и социально нейтрализовать возможное недовольство населения России. Реально же граждане страны были поставлены перед выбором: либо получить загадочную ценную бумагу, либо не получить ничего. Однако получив ваучер, нужно было принять решение о наилучшем его использовании.

В странах Восточной Европы (Чехии, Словакии, Венгрии, Польше), бывших социалистических странах, где ваучерная приватизация также проводилась, были

применены более эффективные ее технологии. Здесь ваучеры были именными. Их можно было применять только целевым образом – на приобретение акций приватизируемых предприятий. Оценка инвестиционной привлекательности приватизируемых объектов была гласной. Все было направлено на то, чтобы обеспечить наибольшую эффективность деятельности предприятий. В результате таких действий произошло реальное наполнение стоимости ваучеров. Они в большей степени выполняли свою главную функцию – превращение значительной части общенародной собственности в частную собственность.

В нашей стране ваучер, вследствие определенных особенностей проведения приватизации, оказался обесцененным. Здесь все действия «приватизаторов» были направлены на то, чтобы как можно быстрее сформировать частных собственников, чтобы ваучеры в кратчайшие сроки были сконцентрированы в руках у небольшого числа людей.

В условиях России такая политика привела к целому ряду негативных последствий. Идеологи такой модели ваучерной приватизации утверждали, что у населения и предприятий отсутствовали средства для выкупа крупных и средних предприятий в нашей стране. Но в других странах, проводивших подобную приватизацию, где у населения также не было средств для выкупа, решения были приняты не столь разрушительные для экономик этих стран.

В России к 1994 году было приватизировано около 100 тысяч предприятий. Это составило больше 2/3 всех промышленных предприятий, примерно 40 млн человек стали владельцами ценных бумаг, более 1 млн человек создали предприятия малого бизнеса [2].

Провозглашенные ваучерной приватизацией лозунги, а именно создание эффективного собственника, повышение эффективности предприятий, создание социально ориентированной рыночной экономики не были реализованы на практике. Участвовавшие в ходе приватизации граждане не имели равных прав. Например, работникам предприятий предоставлялись льготы при приобретении акций предприятий, на которых они трудились. Ученые, учителя школ, медицинские работники, другие категории трудящихся никаких льгот не имели.

Таким образом, большинство граждан России в приватизации не принимали участия. Большая часть населения, не зная, что делать с ваучерами, продала их мошенникам-скупщикам. К маю 1993 года цена ваучера снизилась до 3–4 тысяч рублей. Для того, чтобы помочь в реализации ваучеров, были созданы чековые инвестиционные фонды, которые обменивали ваучеры на акции тех или иных предприятий. Предполагалось в результате ваучерной приватизации создать средний класс России. Однако ее итогом стало гигантское неравенство в обществе.

В 2017 году исполнилось 100 лет с начала Октябрьской революции в России. Это был удивительный эксперимент по установлению социального равенства граждан. В определенной степени он стал своеобразным примером для всего мира. Сегодня же наша страна стала лидером по имущественному неравенству в обществе.

К 100-летию юбилею Октября международный коллектив экспертов во главе с Томасом Пикетти опубликовал доклад «От Советов к олигархам. Неравенство и бедность в России. 1905–2016 гг.» [6]. По мнению авторов доклада, драматический

провал идей советского коммунизма привел к крайнему неравенству в России, прямому разграблению природных ресурсов страны и выводу капиталов за рубеж. «Объем офшорного капитала россиян превышает примерно в три раза уровень валютных резервов страны. К 2015 году объем активов, выведенных в офшоры, составил около 75 % от национального дохода страны. То есть за рубежом – в Великобритании, Швейцарии, на Кипре и в других подобных офшорных центрах – содержится столько же финансов богатых россиян, сколько все население России держит внутри своей страны» [6].

Следующим этапом российской приватизации стала денежная приватизация, которая началась в России с 1 июля 1994 года. По сравнению с ваучерным этапом доходы от нее в долларовом исчислении выросли в несколько раз. В денежной приватизации выделяется два этапа. Первый этап с 1994 по 1999 год. Второй – с 2000 по 2002 год. Характерной чертой первого этапа явились постоянные скандалы, обнажившие крайне несправедливую, коррумпированную суть российской приватизации.

С 1997 года в России начались так называемые залоговые инвестиционные аукционы. В результате их огромное число предприятий обрабатывающей промышленности и добывающих отраслей оказалось в руках небольшой группы людей, которых позже в народе назвали олигархами. Аукционы проводили, по версии руководства страны, для того, чтобы наполнить бюджет государства. В действительности же острый бюджетный дефицит был создан посредством выдачи не обеспеченных активами государственных денежных займов. Их получателями стали будущие олигархи. Денежные средства использовались для участия в залоговых аукционах. Полученные кредиты в полном объеме так и не возвратили государству. Таким образом при активной поддержке руководства страны было совершено мошенничество в гигантских размерах. Идею аукционов для наполнения бюджета предложил Владимир Потанин, возглавлявший «ОНЭКСИМ-банк». Эту инициативу поддержали Анатолий Чубайс, в то время занимавший должность вице-премьера, и заместитель председателя правительства Егор Гайдар. Курировал проведение аукционов глава Госкомимущества Альфред Кох. К продаже были предложены высокодоходные предприятия. Залоговыми эти аукционы назывались потому, что компании как бы отдавались в залог. Но выкуплены они так и не были. Выставленные на аукционе цены, по мнению многих экспертов, были фантастически низкими. Конкурса на этих аукционах практически не было, потому что многие потенциальные покупатели к ним допущены не были. В ряде случаев в таких конкурсах принимало участие несколько фирм, которые принадлежали одному человеку, а иногда группе людей.

За период денежной приватизации государство продало еще примерно половину имущества, оставшегося у него после ваучерной приватизации.

Среди других массовых форм первоначального накопления капитала в России необходимо назвать отмену монополии государства на внешнюю торговлю.

В начале 90-х годов мировые цены на нефть, газ, ряд других сырьевых товаров превышали внутренние российские цены практически в сто раз. Отмена монополии внешней торговли и формальное превращение предприятий-экспортеров в

акционерные общества позволяли им получать миллиардные доходы без каких-либо усилий. При этом от них не требовалось ничего изменять в производстве, технологиях, в управлении. Одно только введение квотирования экспорта тех же товаров, то есть разрешение на определенную долю экспорта, предоставляло чиновникам возможность получения огромных доходов без усилий, за подпись нужной бумаги (внесение в реестр экспортеров того или иного предприятия). Тогда с этой целью появлялись фирмы одного дня. Их создатели за взятку становились экспортерами. Они ничего не производили, перекупая сырье в стране по внутренним низким ценам и продавая его на мировом рынке по цене во много раз выше. Так практически мгновенно возникали миллионные состояния. Бывшие советские директора стали владельцами огромных состояний.

Отмена монополии на производство и сбыт алкогольной продукции и акционирование предприятий по производству вино-спирто-водочной продукции привела к фантастическому обогащению руководителей этих предприятий, ставших, как правило, их владельцами. Масштабы этого обогащения впечатляющи. До 1991 года эта отрасль приносила в государственный бюджет до трети всех доходов страны. Отмена монополии привела к появлению большого числа новых фирм, производящих алкогольные напитки. В эту высокодоходную сферу устремился криминал, став его легальным производителем.

Одним из тяжелейших негативных последствий «первоначального накопления капитала» в переходной экономике России стал высокий уровень криминализации экономической деятельности.

Либералы, проводившие приватизацию в нашей стране, ставят себе в заслугу то, что она была осуществлена быстро и мирным путем. Но скорость проведения обернулась огромным спадом в производстве.

За годы реформы страна по уровню социально-экономического развития оказалась отброшенной на десятилетия назад, а по некоторым показателям – в дореволюционный период. Никогда за обозримый период, даже после разрушений от гитлеровского нашествия, не наблюдалось столь продолжительного и глубокого снижения уровня производства почти во всех отраслях отечественной экономики. Продолжительность экономического спада оказалась огромной – 9 лет, максимальная глубина спада в годовом измерении достигла почти половины ВВП (примерно 40 %) [7].

«Мирный» передел собственности стал причиной резкого роста преступности в обществе. О мирном перераспределении можно вести речь только в смысле того, что государство и его органы насильственными средствами его не осуществляли. Сложившиеся в ходе приватизации порядки привели к криминальной войне в обществе. По своей жесточенности, числу вовлеченных в нее граждан это было похоже на события, происходившие в нашей стране после Октябрьской революции.

Рост преступлений, связанных с приватизационными процессами, хорошо прослеживается при его сравнении с уровнем преступности в 1991 году. Число убийств в 1992–1998 гг. возросло по отношению к 1991 г. на 37 тыс., тяжких преступлений в форме разбоя и грабежа – на 1,1 млн, количество лиц,

совершивших преступления, увеличилось на 1,5 млн человек (все эти показатели рассчитаны как сумма прироста преступлений за семь лет). В местах заключения под арестом находилось более 1 млн человек [8, с. 19].

В этот период многие владельцы фирм, различных коммерческих предприятий, не доверяя милиции, формируют свои вооруженные службы охраны. Растущее число преступлений в значительной степени было связано с борьбой за раздел собственности. В различные преступные сообщества людей в этот период подталкивали, с одной стороны, крайнее обнищание, а с другой – крайняя несправедливость, творившаяся у них на глазах, в виде сказочного обогащения небольшого числа т. н. «новых русских».

Важнейшим источником первоначального накопления капитала в переходной экономике России наряду с приватизацией является резкое снижение реальных доходов населения. Они сократились почти вдвое, социально-экономическое расслоение населения стало вопиющим. Доля нищих и бедных даже по российским критериям, огромна: в периоды максимального снижения она составляла 1/3 населения страны.

Поддержка государством «первоначального накопления капитала» состояла в отказе от советской политики обеспечения полной занятости. Считалось, что это противоречит цели формирования рынка труда, а также эффективному использованию трудовых ресурсов. Появившаяся вместе с рыночными преобразованиями безработица в стране (не столько явная, сколько скрытая) рассматривалась доморощенными реформаторами как условие снижения издержек производства и стимулирования трудовой мотивации. Позиция государства также в значительной степени оказала влияние на снижение реального уровня жизни населения: посредством законодательно установленного прожиточного минимума, минимальной заработной платы и пенсий, сворачиванием общественных фондов потребления, формировавшихся, как известно, из государственных бюджетных средств, а также средств предприятий.

Кроме того, были сокращены социальные гарантии населению со стороны государства. В огромной степени к снижению уровня жизни населения приводила «бушевавшая» на просторах страны инфляция. Однако механизм инфляции был использован владельцами фирм, компаний как инструмент снижения номинальной заработной платы, ухудшения условий труда работников, сокращения отчислений в Фонд социального страхования рабочих и служащих. Гиперинфляция в первой трети 90-х годов привела к тому, что практически все имевшиеся с советских времен денежные накопления населения были полностью обесценены.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики России, в 2016 году доходы ниже прожиточного минимума в нашей стране имели 22,7 млн человек. Это 15,7 % от общего числа жителей страны [2]. Многие эксперты считают размер его существенно ниже нормы. В соответствии с определением относительной бедности в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Евростата (англ. Eurostat, статистическая служба Европейского союза), к числу бедных относят тех, у кого доход составляет ниже 60 % среднего дохода по стране. В 2015 году он в России составил 22,7 тыс. руб. [2]. Используя этот метод

расчета уровня бедности ОЭСР и ЕС, мы получим цифру в 25 % бедного населения в нашей стране.

ВЫВОДЫ

К. Маркс, обобщив историю западноевропейского первоначального накопления капитала, показал методы и способы его осуществления. Им была обоснована роль насилия в процессе формирования капиталистического строя. Он обстоятельно раскрыл особенности экономического развития общества на этом историческом этапе. Маркс глубоко проанализировал роль государства в эпоху первоначального накопления капитала.

Экономическое наследие К. Маркса, касающееся данной эпохи, актуально для современной истории всех бывших социалистических стран и особенно России, поскольку для нее период 90-х годов XX века – это во многом классическая эпоха первоначального накопления капитала.

Она, безусловно, была обогащена конкретной российской практикой формирования капиталистической или, как сегодня принято говорить, рыночной экономики. Ей присущ ряд особенностей, обусловленных и тем, что капитализм уже во второй раз приходит в Россию, и тем, что он приходит на смену социализму, чего нигде и никогда в истории человеческого общества не было. Есть и другие отличительные особенности, но это не отменяет общих закономерностей первоначального накопления капитала, о которых писал К. Маркс в бессмертном «Капитале» и которые в полной мере проявили себя в России.

У данного направления исследования имеются перспективы. Они связаны с изучением и обобщением положительного зарубежного опыта приватизационной политики и разработкой практических рекомендаций по его возможному использованию.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Глава 24. М.: Политическая литература, 1978. 907 с.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
3. Чернышев С. Б. Особенности национальной приватизации [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/pole/Osobennosti-nacional-noj-privatizacii>.
4. Дэвид МакКлинтик. Как Гарвард потерял Россию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.DavidMcClintick.com>, "How Harvard Lost Russia," Institutional Investor, January 2006.
5. Краснов В. Медвежья услуга Гарварда России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perevodika.ru>.
6. Томас Пикетти. От Советов к олигархам. Неравенство и бедность в России. 1905–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w23712>.
7. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/rs/books/whitebook/whitebook_content.ht.
8. Пльшевский Б. Первоначальное накопление капитала: тенденции и проблемы // Экономист. 2000. № 8. С. 15–27.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 332.146.2

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ТОЧЕК РОСТА РЕГИОНА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТОЧКИ РОСТА

Ванюшкин А. С., Друзин Р. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vanyushkin2@yandex.ru

В статье систематизировано 12 ограничений, накладываемых на точки роста региона, выявлена их взаимосвязь друг с другом; обосновано, что можно минимизировать влияние части из этих ограничений на точки роста региона с помощью внедрения инноваций; выявлено семь важнейших направлений инноваций, имеющих целью снижение дефицита и экономии ключевых ресурсов; приведены условия, при соблюдении которых эти направления инноваций способны стать самостоятельными и устойчивыми точками роста региона.

Ключевые слова: точки роста, регион, ограничения, влияние, инновации.

ВВЕДЕНИЕ

Ввиду значительных диспропорций регионального развития, присущих экономике РФ, тематика развития точек роста региона весьма актуальна. На текущий момент имеется значительное количество публикаций, посвященных этой тематике. В них, как правило, рассматриваются либо отраслевые предпочтения для выбора точек роста, либо критерии выявления действующих или потенциальных точек роста экономики региона. Однако, несмотря на обилие публикаций на данную тему, практическая реализация парадигмы точек роста в России представлена пока что единичными случаями. Точка роста, получившая успешный старт и развитие в одном регионе страны, может «забуксовать» и потерпеть провал в другом регионе. Причина такой довольно типичной ситуации кроется в наличии множества ограничений, накладываемых на возможности развития той или иной точки роста региона. Однако в научной периодике, посвященной точкам роста региона, данная проблема освещена весьма скудно.

Так, в статье А. А. Виноградовой, С. Е. Дронова «Ограничения реализации государственной политики активизации региональных точек роста» [1] приведены следующие ограничения региональной политики по активизации точек роста: организационные факторы (отсутствие взаимодействия между предприятиями), инвестиционные факторы (сложности привлечения значительных инвестиций), инновационные факторы (проблемы развития малого инновационного бизнеса). С точки зрения многоаспектности экономической среды региона становится понятно, что приведенный перечень ограничений не является исчерпывающим.

Анализ ограничений на точки роста региона сам по себе имеет определенную практическую ценность, которая может заключаться в разработке алгоритма отсева заведомо нереализуемых или неустойчивых точек роста. Тем не менее ценность анализа подобных ограничений резко возрастает, если вслед за этим выявляются пути их преодоления или минимизации влияния на точки роста. При этом гипотезой является то, что сами пути устранения ограничений развития точек роста региона

могут стать самостоятельными точками роста. В таком виде данное высказывание является гипотезой, которая нуждается в проверке. Однако в научной периодике на тему точек роста вопросы, связанные с данной гипотезой, слабо проработаны. Это указывает на актуальность выбранной темы данного исследования.

Тематика «точек роста» затронута также в публикациях В. П. Федько, Л. Г. Кирьяновой, Н. П. Драгун, И. В. Ивановской, И. В. Швецова, Л. М. Борщ, А. А. Виноградовой, С. Е. Дронова, Л. Н. Ивановой, Г. А. Терской и др. Однако в трудах перечисленных авторов мало внимания уделено анализу ограничений, препятствующих возможности развития точек роста региона.

Цель исследования: выявить пути преодоления ограничений, накладываемых на точки роста региона, и обосновать целесообразность позиционирования таких путей как самостоятельных точек роста.

Для достижения поставленной цели требуется решение таких задач:

- классификация ограничений, накладываемых на точки роста региона;
- выявление взаимосвязи и взаимозависимостей ограничений, накладываемых на точки роста региона;
- выявление возможностей и путей снижения влияния указанных ограничений и обоснование превращения этих путей в новые точки роста региона.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Ввиду вышеупомянутой многоаспектности экономической среды региона для выявления перечня ограничений, накладываемых на точки роста региона, рассмотрим разные аспекты экономики абстрактного региона. Во-первых, следует помнить о том, что многие отрасли ввиду своей специфики весьма тесно привязаны к источникам сырья. Причем это относится не только к добывающим, но к целому ряду перерабатывающих отраслей (металлургия, химическая промышленность, производство строительных материалов, агропромышленный комплекс и др.) [2]. Кроме наличия самих ресурсов, весьма важное значение имеют и цены на них, т. к. от этого напрямую зависит себестоимость любой продукции и рентабельность любого производства или оказанных услуг.

Очевидно, что для успешного развития экономика региона должна быть конкурентоспособной. При этом для ее анализа и выявления путей повышения следует опираться на положения теории конкурентоспособности М. Портера [3]. Одним из главных постулатов этой теории является то, что экономическое процветание страны зависит не от наличия у нее природных ресурсов, а от эффективности их использования. Эффективность использования ресурсов раскрывается через такие показатели, как производительность труда, энергоемкость, материалоемкость производства. Эти показатели возможно объединить под общим термином технологических ограничений, т. к. все они напрямую зависят от используемой в производстве технологии. От указанных показателей также в решающей мере зависят себестоимость любой продукции, товаров, работ, услуг и рентабельность ее производства. Другим фундаментальным показателем конкурентоспособности производства является качество товаров, работ, услуг. Очевидно,

что если качество товаров, работ, услуг в регионе ниже аналогов из других регионов, то такой регион вряд ли будет конкурентоспособным.

В связи с упоминанием показателей себестоимости и рентабельности производства следует отметить, что они зависят не только от цен на ресурсы, производительности труда, энергоемкости и материалоемкости, но и от масштаба производства. Последнее связано с т. н. «эффектом масштаба», суть которого сводится к тому, что при увеличении объемов производства до определенных пределов, которые зависят от отрасли, снижаются удельные издержки. Как известно, это происходит благодаря тому, что издержки делятся на условно постоянные и переменные, и при росте объемов производства до некоторых пределов условно постоянные издержки остаются неизменными [4].

В связке с эффектом масштаба находится показатель капиталоемкости производства. В свою очередь, капиталоемкость определяет размер требуемых инвестиций в проекты модернизации существующих или создания новых производств. Очевидно, что у любого региона есть верхний предел объемов инвестиций, который он в сложившихся условиях в состоянии привлечь из всех возможных источников. Как известно, такой предел напрямую зависит от состояния инвестиционной привлекательности и бизнес-климата в регионе. Бизнес-климат региона характеризуется целой совокупностью показателей. Например, качеством сопровождения проектов инвесторов, прозрачностью налоговой системы, процедур выделения земли, получения разрешений на строительство, лицензий на право осуществления ряда видов деятельности [5]. Таким образом, бизнес-климат в регионе напрямую зависит от состояния его институциональной среды. В связи с этим возможно выделить отдельный класс ограничений – институциональные.

Выше были рассмотрены ресурсные ограничения, в которых затронуты только материальные ресурсы. При этом не меньшее, а для наукоемких отраслей пятого и шестого технологических укладов гораздо большее значение имеют человеческие, интеллектуальные ресурсы – т. е. квалифицированные кадры. Именно интеллектуальные ресурсы являются двигателем малого и среднего инновационного бизнеса. Без высококвалифицированных кадров (инженеров, технологов, научных работников) практически невозможно организовать производство конкурентной по качеству высокотехнологичной продукции в таких ключевых отраслях, как электроника, машиностроение, биотехнологии и фармацевтика. Вышеперечисленные отрасли как раз составляют ядро пятого и шестого технологических укладов, потому они являются ключевыми для успешного развития национальной экономики [6]. Одной из характеристик интеллектуальных ресурсов являются научные и конструкторские школы, без задела которых ряд стратегически важных отраслей не в состоянии развиваться. Это касается авиастроения, ракетостроения, двигателестроения (производство турбин, ДВС), производства микросхем. Перечисленные отрасли являются наукоемкими, а это означает, что без поддержания минимально необходимого уровня затрат на НИОКР они вряд ли смогут достичь конкурентоспособности своей продукции.

Поскольку современная экономика в той или иной степени является рыночной, то в ней актуальны рыночные ограничения, которые можно интерпретировать в виде

емкости рынка сбыта в регионе. Как известно, этот показатель является критически важным для определения жизнеспособности любого инвестиционного проекта. В обосновании целесообразности инвестиций, будь то бизнес-план или ТЭО, одним из важных разделов является анализ рынка, в котором как раз и анализируется емкость рынка [7].

Современная рыночная экономика характеризуется в том числе тем, что существенное внимание уделяется не только процессу производства продукции, но и организации системы ее сбыта, а также логистике доставки готовой продукции и комплектующих. Очевидно, что затраты на логистику поставок в конкретном регионе прямо зависят от состояния транспортной инфраструктуры. Кроме того, затраты на организацию производства на конкретной территории в значительной мере зависят от состояния коммунальной и энергетической инфраструктуры: мощности электрических сетей, трубопроводов подачи воды, отвода канализационных стоков, наличия и мощности очистных сооружений, а также степени их износа [8]. Все эти ограничения логично объединить одним термином – инфраструктурные.

В целях более полного выявления путей устранения или минимизации влияния вышеприведенных ограничений на развитие точек роста региона, выявим взаимосвязи между ними. Самая очевидная связь между ограничениями по количеству и ценам на имеющиеся ресурсы в регионе. Следующая чуть менее очевидная связь между ограничениями по количеству ресурсов в регионе и эффектом масштаба. Данная связь заключается в том, что недостаточное количество ресурсов в регионе не даст достигнуть необходимого для конкретной отрасли эффекта масштаба при размещении производства на его территории.

С другой стороны, ограничение по эффекту масштаба напрямую связано с емкостью рынка сбыта в регионе. Так, в ситуации, когда емкость сбыта в регионе существенно меньше объемов, соответствующих эффекту масштаба для конкретной отрасли, необходим выход на межрегиональные или национальные, а иногда и зарубежные рынки сбыта. В свою очередь, это означает, что появляется необходимость выбора наиболее подходящего региона размещения производства, исходя из критериев состояния бизнес – климата, т. е. институциональной среды региона, состояния всех видов инфраструктуры. Таким образом, потребность в выходе на межрегиональные/национальные рынки сбыта актуализирует связь ограничения по эффекту масштаба с институциональными и инфраструктурными ограничениями. Кроме того, все три приведенные ограничения связаны с пределом возможностей привлечения инвестиций. Так, требование достижения определенного эффекта масштаба определяет минимально необходимый уровень капиталоемкости производства. Таким образом, достижение этого уровня зависит от возможностей привлечения инвестиций в регион. То же можно сказать и в отношении капиталоемкости всех видов инфраструктуры. С другой стороны, состояние бизнес-климата, институциональные ограничения прямо влияют на возможности привлечения инвестиций в регион, т. е. инвестиционные ограничения.

Как известно, снижение энергоемкости, материалоемкости производства, повышение производительности труда, т. е. улучшение показателей, связанных с технологическими ограничениями, возможно только на основе инноваций [9]. В свою

очередь, инновации требуют наличия интеллектуальных ресурсов, а также определенного уровня затрат на НИОКР. Таким образом, технологические ограничения напрямую обусловлены ограничениями квалифицированных кадров и затрат на НИОКР. Помимо этого, эти же два ограничения обуславливают также возможности повышения качества продукции, которое требует инноваций. В то же время известно, что полноценная инновационная деятельность возможна только при благоприятном бизнес-климате, который в значительной мере определяет выгодность вложений именно в инновации, а не, к примеру, в торговлю, недвижимость и т. п. [10]. Из этого следует прямая зависимость среднего уровня затрат на НИОКР в регионе от сложившегося в нем бизнес-климата.

Вышеизложенное по поводу взаимосвязи ограничений, накладываемых на точки роста региона, отображено на рис. 1. На рис. 1 показаны два вида связей: равноправные (линия без стрелочки) и односторонняя зависимость (стрелочка). Равноправная связь означает, что два связанных таким образом ограничения влияют на точки роста совместно, усиливая друг друга. Связь типа односторонней зависимости означает, что одно из ограничений точек роста региона прямо и непосредственно влияет на другое ограничение. Из этого следует, что изменения по влияющему (независимому) ограничению автоматически сказываются на состоянии зависимого ограничения. Очевидно, что это следует учитывать при выявлении возможностей и путей снятия таких ограничений.

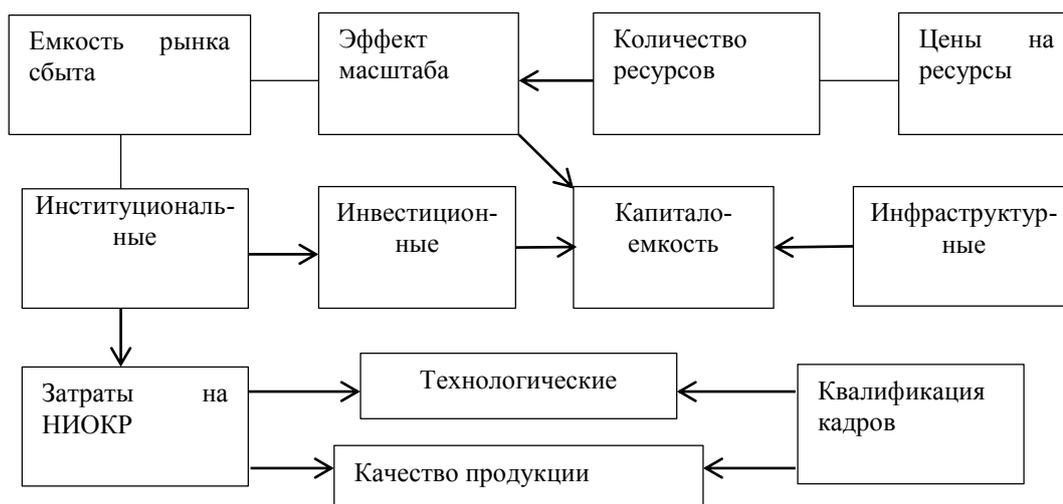

Рис. 1. Взаимосвязь ограничений, накладываемых на точки роста региона

Все приведенные на рис. 1 ограничения следует разделить на те, которые возможно устранить или минимизировать их влияние на точки роста с помощью внедрения инноваций, и на те, по отношению к которым такой путь невозможен. К последней категории, на наш взгляд, следует отнести институциональные, финансовые, инфраструктурные ограничения, емкость рынка сбыта, а также квалификацию кадров и затраты на НИОКР. Оставшиеся ограничения развития точек

роста на рис. 1 вполне возможно устранить или минимизировать их влияние с помощью внедрения инноваций.

Ввиду разнообразия различных видов материальных ресурсов, а также зависимости многих из них друг от друга в рамках технологических цепочек следует более подробно рассмотреть взаимосвязь ресурсных ограничений. По нашему мнению, сильнее всего такая взаимозависимость присутствует в рамках агропромышленного комплекса. При этом характерной особенностью такой зависимости является наличие ключевого ресурса, ограничение по которому ведет к невозможности полноценного развития сырьевой базы по зависимым видам сельскохозяйственного сырья. Наиболее наглядным примером подобной зависимости является ограничение по воде в Республике Крым. Так, нехватка воды в Крыму имеет разветвленную цепь последствий для сельского хозяйства региона. Во-первых, в условиях дефицита воды ограничено выращивание целого ряда пользующихся спросом сельскохозяйственных культур, таких как рис, кукуруза, рапс, подсолнечник и др. Во-вторых, дефицит воды ограничивает возможности выращивания целого ряда кормовых культур для животноводства, к которым относятся в том числе кормовая свекла и кукуруза. В итоге из-за дефицита воды и вызванной им нехватки кормовых культур становится нецелесообразным разведение КРС в регионе. В-третьих, ограниченная вследствие дефицита воды урожайность подсолнечника делает нецелесообразным производство растительного масла в регионе. Вторым после воды примером ключевого ресурса в агропромышленном комплексе являются агроклиматические условия, в т.ч. почвы. Примерами производных ресурсов в агропромышленном комплексе любого региона являются мясо, зерно и молоко.

В промышленности, в целом, также можно выделить ряд ключевых ресурсов: газ, нефть, электроэнергия (из традиционных и альтернативных источников). Что касается электроэнергии, то важность этого ресурса подтверждается также наличием показателя энергоемкости в составе вышеупомянутых технологических ограничений. Газ является ключевым ресурсом для электроэнергетики России, поскольку в стране идет активная замена выработавших свой ресурс тепловых электростанций на современные установки на парогазовом цикле. Две такие электростанции построены в Крыму. Помимо этого, газ является сырьем для химической промышленности. Практически то же самое можно сказать и о нефти. С одной стороны, на НПЗ нефть перерабатывают в топливо для транспорта, с другой стороны, при более глубокой переработке из нефти получают целый ряд полезных продуктов: полиэтилены, пенопласты и т.п. Также ключевым, стратегическим ресурсом остаются все виды металлов.

Среди пяти направлений инновационного развития экономики России, обозначенных высшим руководством страны еще в 2009 г. и не утративших свою актуальность и поныне, находится энергоэффективность и энергосбережение [11]. Помимо этого, среди перечня критических технологий, утвержденных Указом Президента РФ № 899 от 07.07.2011 г., находятся следующие [12]:

– технологии энергоэффективного производства и преобразования энергии на органическом топливе,

- технологии создания энергосберегающих систем транспортировки, распределения и использования энергии,
- технологии новых и возобновляемых источников энергии,
- геномные и постгеномные, клеточные технологии, биоинженерия,
- технологии получения и обработки наноматериалов.

Исходя из их сути указанных направлений инноваций, именно они наиболее тесно связаны с преодолением упомянутых выше ресурсных ограничений. Таким образом, наиболее ценными инновациями, и, соответственно, перспективными точками роста будут являться такие, которые позволят:

- получать воду по приемлемой себестоимости из нетрадиционных источников (напр., усовершенствованное опреснение морской воды, конденсация воздуха),
- увеличить надой молока у КРС, набор веса при его выращивании на мясо за счет селекции более производительных пород животных,
- повысить урожайность зерновых культур за счет селекции их новых сортов,
- снизить расход электроэнергии, напр., путем разработки более совершенных высокочастотных преобразователей тока – инверторов,
- снизить потребление топлива за счет разработки более экономичных ДВС, газовых турбин для транспорта и электростанций,
- снизить потребление газа в химической промышленности за счет разработки более экономичных технологий;
- снизить потребление металла за счет внедрения технологий его замены на более дешевые материалы (напр., композитная арматура в строительстве).

В статье И. В. Швецова «Концепция “точек роста” и стратегия развития региона» [13] приведены следующие условия прогресса «точек роста» региона:

- наличие потенциала для прорывов в фундаментальных исследованиях,
- активное создание и коммерциализация продуктов интеллектуального труда,
- интенсивная и всесторонняя интеграция производства, науки, образования.

Очевидно, что потенциал для прорыва в исследованиях опирается на опытные научные кадры, а создание и коммерциализация инноваций невозможны без затрат на НИОКР. Последнее условие, по сути, является элементом бизнес-климата и относится к институциональным ограничениям. Из этого следует, что для того чтобы вышеперечисленные направления ключевых инноваций превратились в «точки роста» экономики региона, необходимо соблюдение условий, показанных на рис. 1:

- наличие квалифицированных кадров, способных создать требуемые инновации,
- уровень соотношения затрат на НИОКР к ВРП не ниже среднего по стране.

Если приведенные два условия в регионе не соблюдаются, то высока вероятность того, что вышеперечисленные инновации не появятся или не будут внедрены, а значит, и основанные на них «точки роста» нежизнеспособны.

На основании систематизации ограничений точек роста (см. рис. 1) и содержательной увязки с ними направлений инновационного развития и перечня критических технологий РФ можно считать доказанной высказанную в начале данной статьи гипотезу о том, что инновации, способствующие снятию ограничений точек роста региона, сами по себе способны стать перспективными

самостоятельными точками роста при соблюдении ранее указанных условий по интеллектуальному потенциалу и размеру затрат на НИОКР.

ВЫВОДЫ

На развитие точек роста региона решающим образом влияет 12 взаимосвязанных ограничений: емкость рынка сбыта, эффект масштаба, количество и цены на ресурсы, инфраструктурные, институциональные, финансовые, технологические, капиталоемкость, затраты на НИОКР, качество продукции, квалификация кадров. Часть из этих ограничений – технологические, качество продукции, количество и цены на ресурсы, капиталоемкость и эффект масштаба – возможно устранить или ограничить их влияние на потенциальные точки роста с помощью инноваций. Наибольший потенциальный эффект имеют инновации, направленные на снижение дефицита и экономию таких ключевых ресурсов, как вода, электроэнергия, газ, нефть, металл, а также увеличение производительности по молоку, мясу, зерну.

Разработка и внедрение перечисленных направлений инноваций может превратиться в самостоятельные и устойчивые точки роста при выполнении как минимум двух условий: наличие высококвалифицированных кадров, способных создать требуемые инновации, а также превышение фактического уровня среднеотраслевых затрат на НИОКР на территории над их требуемым объемом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта №18-010-00117 «Инициация портфеля взаимодополняющих проектов развития как портфеля точек роста региона в рамках ОЭЗ РФ на примере Крыма».

Список литературы

1. Виноградова А. А., Дронов С. Е. Ограничения реализации государственной политики активизации региональных точек роста. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 12. С. 36–40.
2. Региональная экономика / Под ред. Е. Л. Плисецкого, В. Г. Глушковой. М.: Юрайт, 2014. 583 с.
3. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.
4. Микроэкономика / Под ред. А. С. Булатова. М.: Юрайт, 2014. 439 с.
5. Зайцев Ю. К. Инвестиционный климат. М.: Юрайт, 2018. 123 с.
6. Авербух В. М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского гос. университета. 2010. № 71. С. 159–166.
7. Бизнес-планирование / Под ред. В. З. Черняка, Г. Г. Чараева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 591 с.
8. Слущина С. А. Инфраструктура и логистика промышленных предприятий. Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2015. 88 с.
9. Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А. Н. Асаул, Б. М. Карпов, В. Б. Перевязкин, М. К. Старовойтов. СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. 606 с.
10. Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия. М.: Политиздат, 1996. 285 с.
11. Пять направлений инновационного развития экономики по Д. Медведеву [Электронный ресурс]. URL: http://www.strf.ru/ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=21029#.W270RegzaUk.
12. Перечень критических технологий Российской Федерации. Утверждено Указом Президента РФ № 899 от 07.07.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55171684/>.
13. Швецов И. В. Концепция «точек роста» и стратегия развития региона // Российский Север: стратегическое качество управления: Вып. 11. М: ООО «Тайдекс Ко». С. 16.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 330.131.7:004.946.5

ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ КИБЕРРИСКОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ БИЗНЕСЕ

Горда А. С., Горда О. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx7777@mail.ru

Исследованы сущность, особенности и условия возникновения и реализации киберрисков в международном бизнесе. Выделены причинно-следственный, секторальный и инструментальный подходы к определению дефиниции киберрисков. Предложено рассматривать киберриски в широком и узком понимании. Систематизированы криминальные и некриминальные источники киберрисков. Изучены явления кибератаки и киберинцидента как основные инструменты реализации киберриска. Выявлены киберугрозы для развития внешней торговли. Проанализированы основные киберинциденты глобального уровня.

Ключевые слова: киберриск, кибератака, киберугроза, киберинцидент.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десятилетий развитие Интернета обусловило революционные изменения в сфере связи и коммуникации, что стало существенным фактором мирового экономического роста. С одной стороны, это дало возможность субъектам хозяйствования и населению во всем мире получить выгоды от эффективности, скорости и удобства цифровых операций и мгновенного обмена информацией, а с другой стороны, обусловило для субъектов международного бизнеса рост вероятности получения финансовых убытков, потери данных и ухудшения репутации из-за киберпреступных действий конкурентов и хакеров.

Начиная с 2012 г. проблема киберрисков на мировом уровне была официально названа одной из пяти ключевых угроз человечеству. В материалах Мирового экономического форума 2012 г. кибератаки заняли четвертое место в рейтинге угроз. Через пять лет в подобном рапорте были отмечены новые типы киберугроз – кража и мошенничество с данными [1]. Активизация данных процессов обуславливает актуальность проведенного исследования детерминант формирования и проявления киберрисков в международном бизнесе.

В современной научной литературе экономическим аспектам киберрисков и методам управления ими посвящено относительно незначительное количество работ. Следует отметить, что темпы исследований данной проблематики в развитых странах несколько опережают отечественные разработки. Такой разрыв, с одной стороны, объясняется уровнем развития финансовой системы и ее зависимостью от информационных технологий. А с другой стороны – проблема киберрисков объединяет в себе две различные сферы: финансовую и информационную, что требует междисциплинарного подхода к их исследованию.

Существенную роль в исследовании сущности, факторов и последствий киберрисков в международной экономической деятельности играют частные учреждения: консалтинговые, страховые компании и компании по разработке

информационно-программного обеспечения, в частности такие, как AON, PricewaterhouseCoopers, Deloitte, Ernst & Young, Society of Actuaries, International Association, Allianz, Geneva Association и др. С ростом киберрисков и негативных финансовых последствий их проявления все большее внимание этой угрозе уделяют государственные и коммерческие учреждения, в частности Федеральное бюро расследований США, Банк международных расчетов и др.

В различных источниках киберриски рассматриваются в таких аспектах, как:

- систематические риски в деятельности финансовых учреждений и финансовых рынков [2];
- составляющая операционных рисков компаний [3; 4];
- вероятность наступления событий в сфере информационных активов, компьютерных и коммуникационных ресурсов [5];
- вероятные преступления, совершенные с помощью сети Интернет [6].

Одной из наиболее полных теоретических разработок считается работа Eling M. [7], где рассмотрено 209 позиций по тематике киберрисков. При этом автор выделил 7 сфер исследований киберрисков.

Среди отечественных исследователей следует выделить работы Бочковой А. А. [8], Безкоровайного М. М., Татузова А. Л. [9], Талиповой Л. Р. [10], Булай Ю. Г., Булай Р. И. [11], Карповой Д. Н. [12], Бураевой Л. А. [13], Згоба А. И., Маркелова Д. В., Смирнова П. И. [14], которые уделили внимание проблемам киберугроз, вопросам обеспечения кибербезопасности, изучению киберпреступлений и киберпреступности и др. Несмотря на то, что в указанных исследованиях отражены отдельные аспекты проявления киберрисков, в отечественной научной литературе пока недостаточно внимания было уделено комплексным исследованиям экономических проблем киберрисков.

Целью статьи является исследование детерминант возникновения киберрисков и их негативного влияния на мировую и национальные экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

На основе изучения существующих наработок в научной литературе и нормативно-правовых актов представляется возможным выделить три подхода относительно понимания сущности категории киберриска в международном бизнесе: причинно-следственный, секторальный и инструментальный.

Причинно-следственный подход связывает последствия проявления киберрисков и источников их возникновения. Согласно данному подходу, киберриск – это любой риск финансовых потерь, сбоев или нанесения вреда репутации предприятия или организации вследствие отказов систем информационных технологий [15]. Рабочая группа Комитета по выплатам и рыночной инфраструктуре и Международная организация комиссий по ценным бумагам Банка международных расчетов рассматривают киберриск как объединение вероятности события, которое происходит в сфере информационных активов организации, компьютерных и коммуникационных ресурсов и последствий этого события для организации [5].

В секторальном подходе акцент делается на сферах реализации киберрисков. Киберриск может быть определен как угроза, связанная с онлайн-активностью, интернет-торговлей, электронными системами и технологическими сетями, а также хранением персональных данных [16].

В основе инструментального подхода – инструменты, с помощью которых происходит реализация киберрисков. Форум Chief Risk Officers (CRO) определил киберриски как любые риски, возникающие при использовании электронных данных и их передаче, включая технологические инструменты, такие как Интернет и телекоммуникационные сети. Сюда же включаются физические убытки, обусловленные нарушениями кибербезопасности, мошенничеством, злоупотреблениями данными, любой ответственностью, которая возникает вследствие хранения данных, а также доступности, целостности и конфиденциальности электронной информации относительно частных лиц, компаний или правительств [17].

Анализ вышеперечисленных подходов дает возможность утверждать, что киберриску присущи признаки операционного риска. Следует заметить, что средой возникновения киберрисков является киберпространство. Несмотря на существование множества подходов к определению киберпространства, можно выделить его признаки, присутствующие во всех подходах. Так, киберриск не может существовать без материальных элементов киберпространства, он содержит информацию и является виртуальным [18]. Подобного подхода придерживается Федеральная служба расследований США и трактует киберриски как вероятные преступления, осуществленные при посредничестве сети Интернет [6].

Понятие киберрисков можно рассматривать в узком и широком значении. В узком значении киберриски связаны с операционными угрозами информационным и технологическим активам, которые отрицательно влияют на конфиденциальность, доступность и целостность информации или информационной системы. Киберриск – это операционный риск, который заключается в получении прямых или косвенных убытков экономическими субъектами вследствие их функционирования в киберпространстве. В широком значении киберриски – это вероятность угрозы интерактивным цифровым сетям, которые используются для передачи, модификации и хранения информации.

В большинстве случаев киберриски возникают вследствие совершения киберпреступлений. Киберпреступления представляется возможным разделить на две группы: киберзависимые преступления и кибервозможные преступления. Под киберзависимыми преступлениями понимают преступления, осуществляемые лишь с использованием устройств информационно-коммуникационных технологий, которые является одновременно инструментом и целью преступления. Например, разработка и распространение вредоносного программного обеспечения для получения финансовой выгоды, осуществления взлома для кражи, повреждения или уничтожения данных и/или сетевой активности.

Кибервозможные преступления – это традиционные преступления, которые могут быть увеличены в масштабе с помощью компьютеров, компьютерных сетей или других форм информационно-компьютерной техники. Например,

мошенничество с использованием кибертехнологий и кража данных [19].

Учитывая проблему быстрой диффузии киберугроз и практически полное отсутствие контроля за их распространением, необходимо выделить уровни проявления киберпреступлений:

- микроуровень (уровень отдельных домохозяйств и предприятий);
- макроуровень (уровень отдельных отраслей);
- мезоуровень (уровень отдельных стран или их объединений).

Источники возникновения операционных киберрисков систематизировали Sebula J. J. и Young L. R., выделив четыре класса: действия людей, бездеятельность систем и технологий, ошибки во внутренних процессах и внешние события [4]. Каждый класс делится на подклассы, которые в своем составе имеют различные элементы-факторы. С точки зрения управления рисками подчеркивается, что самое большое значение для субъектов бизнеса имеют перебои (бездеятельность) в системах и технологиях (табл. 1).

Таблица 1.

Систематизация источников киберрисков

Источники киберрисков			
Некриминальные		Криминальные (киберпреступные)	
Форс-мажорные	Отключения электроэнергии, природные катастрофы, уничтожение серверов, компьютерной техники вследствие пожаров, наводнений т. д.	Физические атаки	Осуществление кражи физических данных, в частности кража конфиденциальных банковских данных клиентов сотрудниками банков
Технические недостатки	Сбои в работе оборудования, в частности потеря данных вследствие поломки жестких дисков или других компонентов компьютера; ошибки в программном обеспечении	Хакерские атаки	Шпионаж за данными клиентов или саботаж процессов функционирования компаний, в частности DDos-атаки, использование вирусов, «червей», «тройанских коней» и т. п.
Человеческий фактор	Неумышленное раскрытие информации на веб-страницах, ошибочные уведомления и т. д.	и Шантаж и вымогательство	Действия преступных группировок, нацеленные на шантаж и угрозы, в частности похищение конфиденциальных, секретных данных с требованием выплаты выкупа, зачастую в криптовалюте

Источник: составлено авторами на основе [19]

Одним из инструментов реализации киберрисков является кибератака. Федеральный совет экспертизы финансовых учреждений США (Federal Financial Institutions Examination Council, FFIEC) разграничивает понятие кибератаки и

киберинцидента. Под кибератакой понимается попытка повредить, нарушить или получить несанкционированный доступ через киберпространство к компьютеру, компьютерной системе или электронной сети связи с целью нарушения, выключения, уничтожения или злонамеренного контроля над вычислительным механизмом или инфраструктурой; или уничтожение целостности данных, или похищение информации [20]. Киберинцидент рассматривается FFIEC как действия с использованием компьютерных сетей, которые приводят к фактическому или потенциально неблагоприятному влиянию на информационную систему или информацию.

В докладе британской специализированной страховой компании «Hiscox» за 2016 г. отмечено, что киберпреступления принесли убытки мировой экономике на сумму в 450 млрд долл. США. Было похищено свыше 2 млрд записей персональных данных [21]. В том же 2016 г. вредоносная интернет-активность нанесла экономике США убытков на сумму от 57 до 109 млрд долл. США. Следует отметить, что 43 % кибератак в США направлено на малый бизнес [22]. Согласно данным правительства Великобритании, обработанных совместно с фирмой Pricewaterhousecooper, убытки от кибератак для малого и среднего бизнеса страны в 2015 г. составили от 75 тыс. до 310 тыс. фунтов и от 1,46 млн до 3,41 млн фунтов – для субъектов крупного бизнеса [23].

К перечню форм реализации киберриска следует добавить и третью категорию – кибер-терроризм. Особенностью кибер-терроризма является мотивация, которая заключается в деструктивном влиянии на социально важную инфраструктуру (систему электроснабжения, водоснабжения, железнодорожного сообщения и т. д.) [24]. Четвертой категорией, которую следует рассматривать как наиболее тяжелую форму проявления киберрисков, является кибервойна, характерной особенностью которой является использование информационных технологий одной страной с целью разрушения и создания нестабильности в другой стране или группе стран. Ключевой критерий деления на такие формы реализации киберрисков – это мотивация кибервмешательства и механизм его влияния на информационные системы. На практике провести такое четкое разделение – довольно сложная задача, поскольку зачастую тяжело определить основную мотивацию преступного кибердействия.

Консалтинговая компания Phenomenon провела опрос среди 2168 фирм в странах Европы, Южной Америки, Азии и Африки, которые ввели управление киберрисками как составляющую системы управления рисками. Ответ респондентов показал, что 46 % имели опыт с кибератаками, причем они носили различный характер: 46 % – были связаны с попытками разрушения бизнеса и IT-процессов, 34 % – были направлены на повреждение или кражу конфиденциальных данных фирмы (например, интеллектуальной собственности), 26 % – направлялись на кражу конфиденциальной информации частных лиц [25]. Согласно исследованиям страховой компании Allianz, к киберрискам, которые в максимальной степени влияли на деятельность компаний, принадлежат прерывание бизнес-процессов, кража интеллектуальной собственности и кибервымогательство [26].

По данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS),

количество значительных киберинцидентов возрастает практически каждый год. При этом наблюдается четкая тенденция роста их количества в течение 2014–2017 гг. (рис. 1).

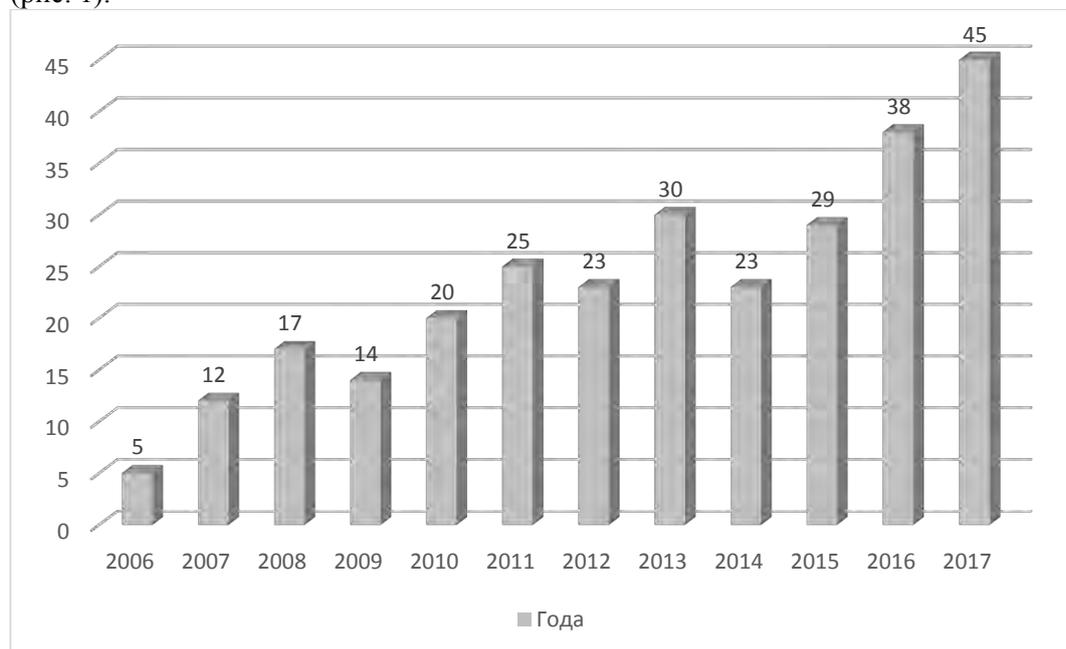

Рис. 1. Динамика роста количества киберинцидентов в мире.
Источник: составлено авторами на основе [27].

Совместные исследования CSIS и компании McAfee свидетельствуют, что ежегодная стоимость ущерба от киберпреступлений в глобальном масштабе составляет 445–600 млрд долл. США. Это составляет приблизительно 1 % мирового ВВП [28]. В структуре мотиваций кибератак по состоянию на январь 2018 г. наибольшую долю занимают киберпреступления – 81,7 %. Доля кибершпионажа составила 12,2 %, кибервойн – 4,3 %, хактивизма – 1,7 % [29]. По векторам воздействия кибератак по состоянию на январь 2018 г. преобладали вредоносные программы – 43,5 %. При этом доля похищения учетных записей составила 14,8 %, неизвестных атак – 13 %, целевых атак – 9,6 %, DDos-атак – 6,1 % [29]. Наиболее мощными киберинцидентами в 2017 г. стали Wannacry, Petya, Dragonfly 2.0, Equifax, Deloitte LLP (табл. 2).

В настоящее время наблюдается активизация влияния рынка криптовалют на реализацию кибератак. Национальное криминалистическое агентство Великобритании (NCA) отмечает, что криптовалюты помогают киберпреступникам получать платежи от жертв, содействуют росту киберпреступности как услуги, облегчают проведение финансовых операций в киберпреступном мире [35].

Таблица 2.

Краткая характеристика крупнейших киберинцидентов в 2017 году

Название	Период	Программное обеспечение	Масштабы распространения	Размер убытков
<i>Wannacry</i>	Май 2017 г., четыре дня	<i>Ransomware.</i> Использовалась уязвимость <i>Eternal Blue</i> в <i>Windows XP</i> и <i>Windows Server 2003</i>	Количество стран охвата – 150. Количество жертв – около 200 тыс.	Около 4 млрд долл. США
<i>NotPetya</i>	Впервые появился как <i>Petya</i> в 2016 г. <i>NotPetya</i> – в июне 2017 г.	<i>Malware.</i> Использовались уязвимости <i>Eternal Blue</i> и <i>Eternal Romancey</i> в <i>Windows XP</i> и <i>Windows Server 2003</i>	Количество стран охвата – свыше 60. Нидерланды: судоходная компания <i>TNT Express</i> , дочерняя компания <i>FedEx</i> . Дания: конгломерат по транспорту и логистике <i>Maersk</i> . Испания: транснациональные компании. Австралия: юридическая фирма <i>DLA Piper</i> , авиалинии « <i>Qantas</i> ». Украина: правительственные организации, банки, государственные энергетические учреждения и железнодорожные компании, аэропорты «Борисполь» и «Жуляны», автозаправки, организации водоснабжения, телефонные компании и др.	Неизвестен
<i>Dragonfly 2.0</i>	Первая половина 2017 г.	Троянские программы удаленного доступа, замаскированные под обновления <i>Flash: Backdoor.Goodor</i> , <i>Backdoor.Dorshel</i> и <i>Trojan.Karagany.B</i>	Ориентирован на критические отрасли энергетики США, Турции и Швейцарии	Неизвестен
<i>Equifax</i>	Сентябрь 2017 г.	Нарушение данных (<i>data breaches</i>)	Британское отделение американского кредитно-рейтингового агентства <i>Equifax</i> признало, что почти 700 тысяч британских потребителей имели доступ к личным данным других клиентов после кибератаки, что намного больше, чем считалось ранее	27,3 млн долл. США
<i>Deloitte LLP</i>	Март 2017 г.	Нарушение данных (<i>data breaches</i>)	<i>Deloitte</i> – одна из крупнейших частных фирм Нью-Йорка, зарегистрированная в Лондоне. Предоставляет консультации по аудиту, налогообложению, кибербезопасности для крупнейших банков мира, международных компаний, медиа предприятий, фармацевтических фирм и государственных учреждений. Гипотетически могли быть похищенные данные с 5 млн писем в облаке. Однако официально было заявлено, что лишь 350 клиентов могут оказаться под угрозой	Неизвестен

Источник: составлено авторами на основе [30–34]

Во время опроса риск-менеджеров финансовых услуг, проведенного компанией Depository Trust&Clearing Corporation (DTCC), 70 % респондентов заметили, что киберриск имеет наиболее существенное влияние на функционирование глобальной финансовой системы. Вместе с тем к пяти наиболее значимым рискам, которые угрожают функционированию глобальной финансовой системы, также принадлежат: географический риск (50 %), влияние новых регуляторных требований (41 %), экономический спад (33 %), монетарная политика (31 %) [36]. Однако сфера финансовых услуг и глобальная финансовая система не являются исключениями для киберугроз. Их мощное влияние также испытывают сферы коммунальных услуг, транспорта, здравоохранения, нефтегазовая индустрия, правительственные органы и др. В декабре 2015 г. в Турции произошли кибератаки на сети, используемые банками, правительством и средствами массовой информации. Среди сфер международного бизнеса наиболее чувствительными к киберугрозам являются телекоммуникации, логистика и производство.

Не является исключением для влияния киберрисков и сфера международной торговли, основой расширения которой в настоящее время становится Интернет, информационные и коммуникационные технологии. Прежде всего, это касается трансграничной e-коммерции, доля которой уже составляет около 7 % общего объема e-коммерции [37]. Использование современных технологий обусловило не только значительный рост e-коммерции, но и активизацию киберугроз в виде несанкционированного доступа к персональным данным потребителей, их использования или модификации. Это касается заражения компьютеров вредоносными программами, в частности вирусами, «червями», «тройными конями»; хактивизма, кибершпионажа путем доступа к незащищенной информации через Wi-Fi, подделки IP-адресов и сканирования портов. Кибершпионаж становится одним из значимых инструментов получения конкурентных преимуществ на международном рынке. При этом зачастую финансирование кибер-шпионажа осуществляются правительствами. Ярким примером является взаимное обвинение Китая и США в кибершпионаже и применение на этой почве взаимных санкций.

Значительное влияние кибератаки оказывают на объекты глобального снабжения. Примером является кибератака на гигант судоходства «Maersk» летом 2017 г., осуществляющего международные перевозки товаров, в частности нефти. Она послужила причиной значительную перерыва в работе компании во время отключения компьютеров с помощью вредоносного программного обеспечения и принесла убытки в размере около 300 млн долл. США [28]. Хотя подобные инциденты могут обусловить и гораздо более серьезные последствия для глобальной экономики.

Следует заметить, что последствия (в экономическом контексте – потери) от реализации киберрисков делятся на прямые и косвенные [2]. Прямые потери связаны с экспертизой, расследованием, правовой защитой, информированием клиентов, укреплением систем защиты данных клиентов и компании. Косвенные расходы менее заметны, но долгосрочны и более сложны в оценке. В табл. 3 отражены основные негативные последствия реализации киберриска в международном бизнесе.

Таблица 3.

Последствия реализации киберрисков в международном бизнесе

Прямые	Опосредованные
Потеря собственных данных компании (коммерческих тайн, конфиденциальной информации)	Отзыв продукта(ов) с рынка
Потеря клиентов	Расторжение контрактов
Санкции от государственных органов	Кадровые изменения
Активизация технических и технологических исследований	Рост страховых премий
Усиление общественных связей	Рост расходов на обслуживание займов
Повышение уровня кибербезопасности	Обесценивание торговой марки
Информирование о взломе и/или краже данных клиентов	Потеря интеллектуальной собственности
Формирование систем защиты клиентов от взлома	Потери доходов по контрактам
Затраты на адвокатские гонорары и судебные разбирательства	Потеря ценности связи с клиентом
Расходы, связанные с выплатами компенсаций клиентам	Потеря репутации и значительные финансовые и временные затраты на ее восстановление

Источник: составлено авторами на основе [37]

В 2016 г. вредоносная активность в Интернете была по масштабам вторым в мире типом экономической преступности и затронула 32 % организаций. В Индии за период с 2004 г. по 2014 г. уровень преступности в Интернете увеличился в 19 раз. Одновременно с этим она сейчас занимает третье место после США и Китая по количеству источников вредоносной онлайн-деятельности. В Великобритании за 2016 г. каждое пятое предприятие подвергалось кибератакам, и лишь 24 % британских компаний утверждает, что они в состоянии обеспечить безопасность и защиту от кибервзломов [39]. В США в 2017 г. кибератакам также подвергалась каждая пятая компания. При этом две трети предприятий страны считают киберриск фундаментальным вызовом для своего бизнеса [40]. Последствия от кибератак становятся все более ощутимыми из-за применения киберпреступниками все более совершенных технологий, которые содействуют этому виду преступной деятельности.

ВЫВОДЫ

Киберриск является динамичным риском, в основе которого лежит вмешательство и нарушение целостности информационного обеспечения. Киберриск чаще всего проявляется через кибератаки, последствия которых могут быть как прямыми, так и опосредствованными, что значительно усложняет процесс оценки финансовых и экономических потерь. Кроме того, финансовые потери от реализации киберрисков не ограничены во времени, то есть могут проявиться намного позднее, после непосредственно кибератаки.

Ежегодно фиксируется стремительный рост количества киберинцидентов и их стоимости. Объектами кибератак могут быть физическое и юридическое лица, являющиеся субъектами внешнеэкономической деятельности, отдельные отрасли экономики, страны или даже группы стран. Наиболее угрожающей формой проявления киберриска является кибервойна, которая может охватывать целую страну.

Основными инструментами обеспечения кибербезопасности участников трансграничной e-коммерции являются аутентификация клиентов, антивирусное программное обеспечение, шифрование, цифровая подпись. Такие технологии, как биометрия и искусственный интеллект способствуют идентификации клиентов, обеспечению безопасности транзакций и минимизации убытков от кибермошенничества.

Кроме того, для предупреждения реализации киберрисков киберпространство должно регулироваться определенными правилами и нормами поведения. Национальные органы кибербезопасности должны получать от субъектов национальной экономики своевременные и точные отчеты о киберсобытиях. Национальные и наднациональные инструменты и механизмы минимизации киберрисков должны предусматривать предоставление внутренних данных компаний финансовым учреждениям и их автоматическую обработку. На первом этапе это может осуществляться на периодической основе, а в дальнейшем – в режиме реального времени. При этом должна осуществляться проверка надежности данных.

Учитывая криминальную природу кибератак, органы надзора за рынками финансовых услуг должны взаимодействовать с соответствующими правоохранительными органами на основе двустороннего предоставления информации. Для быстрой адаптации к постоянно модифицируемым киберугрозам регуляторные правила для финансовых учреждений должны быть максимально гибкими. В данном направлении во многих странах уже сделаны первые шаги, но основная работа по формированию действенных и эффективных механизмов предотвращения и минимизации последствий киберрисков еще впереди, в том числе и на уровне международных организаций и наднациональных органов ведущих интеграционных объединений.

Список литературы

1. Global Economic Forum. The Global Risks Report 2017. 12th Edition [Электронный ресурс]. URL: <http://wef.ch/risks2017>.
2. Kopp E., Kaffenberger L., Wilson C. Cyber Risk, Market Failures, and Financial Stability. Working Paper, 2017. International Monetary Fund. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/~media/Files/Publications/WP/2017/wp17185.ashx>.
3. Peters Gereth W., Shevchenko P. V., Cohen D. R., Maurice D. Understanding Cyber Risk and Cyber Insurance, FinTech: Growth and Deregulation. [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3065635.
4. Cebula J. J., Young L. R. A Taxonomy of Operational Cyber Security Risks, Carnegie Mellon University. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sei.cmu.edu/reports/10tn028.pdf>.
5. Committee on Payments and Market Infrastructures and International Organization of Securities Commissions, Guidance on Cyber Resilience for Financial Market Infrastructures. June 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d146.htm>.

6. Federal Bureau of Investigation, Internet Crime Report. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://pdf.ic3.gov/2016_IC3Report.pdf.
7. Eling M. What do we know about cyber risk and cyber risk insurance? // The Journal of Risk Finance. 2017. Iss. 5. P. 474–491.
8. Бочкова А. А. Киберугрозы на фондовых рынках: критерии анализа // Скиф. 2017. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-ugrozy-na-fondovyh-rynkah-kriterii-analiza>.
9. Безкоровайный М. М., Татузов А. Л. Кибербезопасность подходы к определению понятия // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya>.
10. Галипова Л. Р. Международно-правовая регламентация киберпреступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-reglamentatsiya-kiberprestupnosti>.
11. Булай Ю. Г., Булай Р. И. Профилактика и противодействие киберпреступности, а также международным киберугрозам // Академическая мысль. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-i-protivodeystvie-kiberprestupnosti-a-takzhe-mezhdunarodnym-kiberugrozam>.
12. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. 2014. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-globalnaya-problema-i-ee-reshenie>.
13. Бурева Л. А. О некоторых вопросах обеспечения кибербезопасности в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-obespecheniya-kiberbezopasnosti-v-sovremennyh-usloviyah>.
14. Згоба А. И., Маркелов Д. В., Смирнов П. И. Кибербезопасность: угрозы, вызовы, решения // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 5 (8). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-ugrozy-vyzovy-resheniya>.
15. Institute of Risk Management. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theirm.org/knowledge-andresources/thought-leadership/cyber-risk>.
16. Olsen T. Cyber risk insurance. 18.06.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.dk/da/arrangementer/assets/cyber-tineolsen.pdf>.
17. CRO Forum. The Cyber Risk Challenge and the Role of Insurance. December 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thecroforum.org/cyber-resilience-cyber-risk-challenge-role-insurance>.
18. Rajnovic D. Cyberspace – What is it? Cisco Blogs. July 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.cisco.com/security/cyberspace-what-is-it>.
19. Eling M., Wirfs J. H. Cyber Risk: Too Big to Insure? Risk Transfer Options for a Mercurial Risk Class Institute of Insurance Economics Universitat St. Gallen. 2016, 174 p. [Электронный ресурс]. URL: www.ivw.unisg.ch.
20. FFIEC. Cybersecurity Assessment Tool Glossary. June 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ffiec.gov/pdf/cybersecurity/FFIEC_CAT_App_C_Glossary_June_2015_PDF5.pdf.
21. Киберпреступления обошлись мировой экономике в \$450 миллиардов в 2016 году. [Электронный ресурс]. URL: http://biz.censor.net.ua/news/3020281/kiberprestupleniya_oboshlis_mirovoyi_ekonomike_v_450_milliardov_v_2016_godu.
22. CEA Report: The Cost of Malicious Cyber Activity to the U.S. Economy. February 16, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/cea-report-cost-malicious-cyberactivity-u-s-economy>.
23. PricewaterhouseCooper. 2015 Information Security Breaches Survey. Department for Business, Innovation and Skills. [Электронный ресурс]. URL: www.pwc.co.uk/services/audit-assurance/insights/2015-information-security-breaches-survey.html.
24. Hua J., Vapna S. The economic impact of cyber terrorism. The Journal of Strategic Information Systems. 2013. № 22 (2). P. 175–186.
25. Ponemon Institute LLC. Global Cyber Risk Transfer Comparison Report. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aon.com/risk-services/thought-leadership/2017-global-cyber-risk>.

transfercomparison-report.jsp.

26. Allianz Global Corporate and Speciality. A Guide to Cyber Risks. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agcs.allianz.com/assets/PDFs/risk%20bulletins/CyberRiskGuide.pdf>.

27. Significant Cyber Incidents Since 2006: Center for Strategic&International Studies. [Электронный ресурс]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/180308_Significant_Cyber_Events_List.pdf?Szs5ZuZShJAIfgcUXRsvB5T8C76PJR0y.

28. Lewis J. Economic Impact of Cybercrime No Slowing Down. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mcafee.com/us/resources/reports/restricted/economic-impact-cybercrime.pdf?utm_source=Press&utm_campaign=bb9303ae70-EMAIL_CAMPAIGN_2018_02_21&utm_medium=email&utm_term=0_7623d157be-b9303ae70.

29. Passeri P. Cyber Attacks Statistics. January 2018. Nextgen Network Monitor. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hackmageddon.com/2018/02/22/january-2018-cyber-attacks-statistics>.

30. WannaCry Ransomware – A Wake-Up Call for Cybersecurity and Data Management. [Электронный ресурс]. URL: <http://en.finance.sia-partners.com/20170609/wannacry-ransomware-wake-callcybersecurity-and-data-management>.

31. Personal details of almost 700,000 Britons hacked in cyber-attack. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/oct/11/personal-details-of-almost-700000-britons-hacked-in-cyber-attack>.

32. Surane J. Equifax Is Haunted By Its Costly Cyber Attack. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-09/equifax-haunted-by-cyberattack-as-costs-jump-lawsuits-abound>.

33. Deloitte hit by cyber-attack revealing clients' secret email. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/business/2017/sep/25/deloitte-hit-by-cyber-attack-revealing-clients-secret-emails>.

34. The Biggest Cybersecurity Threats of 2017: The Need to Prepare. 24.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://en.finance.sia-partners.com/20171024/biggest-cybersecurity-threats-2017-need-prepare>.

35. UK national risk assessment of money laundering and terrorist financing. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/655198/National_risk_assessment_of_money_laundering_and_terrorist_financing_2017_pdf_web.pdf.

36. Reagan J., Raghavan A., Thomas A. Quantifying risk: What can cyber risk management learn from the financial services industry? Deloitte Review. Iss. 19. July 25, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/deloitte-review/issue-19/quantifying-risk-lessons-from-financial-services-industry.html>.

37. 5 ways to make global e-commerce easier for everyone. December, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/12/ecommerce-trade-wto-growth-opportunity>.

38. Bahar M., Satnick T. Cyber Kinks in the Global Supply Chain. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globaltrademag.com/global-trade-daily/commentary/cyber-kinks-global-supply-chain>.

39. Payment cybersecurity: Be prepared. Be protected. London: Worldpay 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://offers.worldpayglobal.com/rs/850-JOA-856/images/Worldpay_Security_Whitepaper_v10.1.pdf?mkt_tok=eyJpIjoiTXpsa05EZ3hOR1F3T1RRNSIsInQiOiJGWiVjTDVdZjdGOUVTa1BwNHlWYXExNU14WXJQVTlpM2NHRmtNOU5vZDJIcG1TWITRDZGcFBibUkwakxpNVpTZ2VScFF0MlIEclV0b2FBOUtMQ21qdHhacU1MXC9VYVMyQ01zdWQrUm9PWIFzT0k3T21YUXQ0R01OWllyQ2todDAifQ%3D%3D.

40. Willis Towers Watson. Cyber Risk Survey Report 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.willistowerswatson.com/en/insights/2017/06/2017-cyber-risk-survey-report>.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 338.33:334:012

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Иванов Г. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: 380503447627@mail.ru

В статье отражены теоретические подходы к сущности эффективности агропромышленного комплекса, на основе изучения исследований отечественных и зарубежных авторов уточнена трактовка эффективности перерабатывающей отрасли АПК. Рассмотрены отдельные составляющие понятийного аппарата эффективности АПК, ее виды и их экономическая сущность. По результатам проведенного исследования выявлена системообразующая роль экономической эффективности аграрного сектора экономики, объединяющей различные виды эффективности агропромышленного производства.

Ключевые слова: эффективность, эффективность агропромышленного комплекса, перерабатывающая отрасль АПК, сельское хозяйство, аграрный сектор экономики, виды эффективности, экономическая эффективность.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие эффективности является одним из ключевых понятий любой системы, общества, страны, региона, области, предприятия, производства. Однако наибольшее значение этот термин получил в экономике, так как она должна постоянно создавать такие блага, которые необходимы для жизнедеятельности людей и без которых общество не сможет развиваться. Именно экономика помогает удовлетворить потребности человека в мире ограниченных ресурсов и поэтому она должна быть эффективной, т. е. отвечать условиям достижения высоких результатов при минимальных затратах капитала, финансов, труда и т. п. [1].

От успешного решения проблем экономического и социального развития аграрных предприятий и в целом АПК как приоритетного сектора экономики страны в значительной мере зависят развитие других отраслей национального хозяйства, продовольственная безопасность и финансовое обеспечение государства, формирование внутреннего и внешнего рынков, повышение благосостояния населения. Поэтому вполне закономерно, что проблемам эффективности агропромышленного производства посвящено весомое количество исследований, научных работ, монографий, учебников и учебных пособий.

Один из основоположников современной экономической теории, А. Смит, связывал эффективность промышленного производства с необходимостью разделения труда, Д. Рикардо внес вклад в теорию оценки эффективности капитала, рассматривая эффективность как отношение результатов к определенным затратам, тем самым исследуя эффективность как экономическую категорию [2].

Научно и методологически обоснованные теоретические положения об экономической эффективности приводятся в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые оценивали тенденцию капиталистического производства как необходимость

производить данный продукт меньшими затратами, экономно расходовать свои силы и средства [3].

Ф. У. Тейлор и его последователи впервые использовали научный подход к решению проблемы производительности труда рабочих, способствующий повышению эффективности промышленного производства. Как управленческая категория эффективность впервые была исследована Г. Эммерсоном, который исследовал общие принципы эффективного управления, использование рабочей силы и техники [4].

Экономисты советской школы – В. А. Добрынин [5], О. С. Либкинд [6], К. Л. Оболенский [7] и другие ученые – рассматривали эффективность сельскохозяйственного производства как политэкономическую категорию, которая отображает общественные отношения, связанные с получением максимального количества продукции с каждого гектара земли при наименьших затратах живого и овеществленного труда на производство единицы продукции.

По мнению Ю. Г. Новикова [8], эффективность деятельности аграрных предприятий может быть выражена увеличением производства экономически чистого продовольствия и сырья в необходимом ассортименте и качестве с каждого гектара земли в расчете на душу населения при систематическом росте производительности сельскохозяйственного труда и снижении затрат на каждую единицу продукции при рациональном использовании всех ресурсов, сохранении плодородия земли и нормальных экологических условий.

Отечественные экономисты более склонны рассматривать эффективность как категорию, которая отображает отношение эффекта, результата деятельности к затратам в микроэкономическом аспекте. В частности, Л. И. Абалкин определяет понятие экономической эффективности как получение определенного результата на единицу используемых ресурсов [9], С. В. Кузнецов, по аналогии с зарубежными исследователями, подразделяет общую эффективность деятельности предприятия на результативность (внешнюю эффективность) и внутреннюю эффективность [10], а Т. Т. Цатхланова указывает, что эффективность сельскохозяйственного производства зависит от эффективности использования всех его ресурсов, являющихся факторами производства [11].

Экономика агропромышленного производства в целом развивается по общим экономическим законам, но ее эффективность имеет довольно существенные отличия от эффективности промышленности или сферы обслуживания. И это связано не только с биологическими активами растениеводства и животноводства или с использованием и плодородием почв, но и с тем, что аграрный сектор есть практически в каждой стране, даже в каждом регионе, а его рентабельность не всегда принимается во внимание, так как этот комплекс обеспечивает продовольственную безопасность государства.

Многие вопросы остаются открытыми и в методике определения эффективности деятельности агротоваропроизводителей. Несмотря на то, что за последнее десятилетие взгляды ученых и практиков на сущность эффективности, а также на фундаментальные основы расчетов ее показателей в АПК значительно сблизились, единого критерия эффективности в сельском хозяйстве до сих пор не существует,

наоборот, он постоянно дополняется новыми признаками, сущностными сторонами и уточнениями.

Необходимость исследования эффективности агропромышленного производства в современных условиях существенным образом усиливается и в связи с трансформацией экономики в социально ориентированную, а также формированием качественно новой внутренней и внешней среды деятельности аграрных предприятий.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Обобщая результаты научных исследований, можно выявить ряд проблемных вопросов в понятийном аппарате эффективности агропромышленного комплекса. Во-первых, эффективность в АПК чаще всего рассматривается с позиций его основной сферы – сельского хозяйства, во взаимосвязи с природно-климатическими и экологическими аспектами. Во-вторых, условия рыночной экономики несколько изменили круг интересов современных исследователей, в центр внимания которых вышли понятия устойчивого развития, конкурентоспособности, финансового состояния, глобализации и интеграции в противовес собственно эффективности производства. Исходя из этого, эффективность АПК в целом должна опираться на эффективность использования природно-ресурсного потенциала сельских территорий, а эффективность сферы переработки сельскохозяйственного сырья рассматриваться в контексте результативности реализации аграрной продукции на рынке.

Эффективность аграрного производства – это результативность финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта в агропромышленном комплексе, способность обеспечивать достижение высоких показателей производительности, экономичности, прибыльности, качества продукции. Эта экономическая категория сегодня рассматривается как совокупность нескольких видов эффективности, которые вместе представляют единое целое.

Например, отдельные экономисты выделяют четыре вида эффективности АПК: технологическую, экономическую, социальную и экологическую. Под технологической эффективностью при этом понимается степень использования ресурсов в процессе расширенного производства; под экономической – степень реализации производственных отношений, выраженной в наличии определенного производственного эффекта; под социальной – определенная степень социального развития коллектива, направленного на повышение уровня жизни его членов; а под экологической – максимально возможное обеспечение общественных потребностей людей продовольствием, полученном при оптимальных удельных затратах производства, полном сохранении плодородия почвы и условий воспроизводства окружающей среды.

Отдельные авторы дополняют эту классификацию собственными разработками, в частности, В. Т. Водяников считает целесообразным выделение еще одной формы эффективности – энергетической – как формы рационального использования

энергетических ресурсов, обосновывая свою точку зрения постоянным ростом цен на энергоносители [12].

В теории и практике маркетинга существует и такой вид эффективности, как эффективность психологического влияния отдельных средств рекламы на сознание человека (привлечение внимания к рекламе, фиксация в памяти и т. п.) [13].

Обобщенно характеристика отдельных видов эффективности агропромышленного производства представлена в таблице 1:

Таблица 1

Основные виды эффективности АПК

Виды	Характеристика
Экономическая	Отражает степень реализации производственных отношений и характеризует эффективность производства продукции
Социальная	Характеризует социальное состояние и степень достижения нормативного уровня развития сельских социально-территориальных образований
Технологическая	Показывает уровень использования ресурсного потенциала в процессе производства аграрной продукции
Экологическая	Характеризует совокупную экономическую результативность процесса производства аграрной продукции с учетом влияния сельского хозяйства на состояние окружающей природной среды
Финансовая	Характеризует прирост величины собственного капитала на основе постоянно возобновляющегося и совершенствующегося процесса поиска наиболее выгодных способов его привлечения
Институциональная	Отражает степень соответствия деятельности агропромышленных предприятий действующим законодательно-правовым нормам в экономике
Инновационная	Показывает прирост производства аграрной продукции за счет внедрения той или иной инновации в производственный процесс, направленный на удовлетворение общественной потребности в продовольственных ресурсах
Инвестиционная	Характеризует наращивание темпов и объемов производства аграрной продукции за счет инвестиционных вложений в экономические объекты и процессы, связанные с производственной деятельностью АПК

Источник: составлено автором на основании проведенного исследования.

Но действительно ли представленные в табл. 1 виды эффективности имеют существенные отличия от эффективности экономической, что требует их отдельного выделения и исследования?

По нашему мнению, в условиях рыночного хозяйства и товарно-денежных отношений эффективность производства, в том числе и сельскохозяйственного, – это

эффективность именно экономическая, которая уже включает такие структурные элементы, как технологическая, социальная, экологическая, энергетическая эффективность и т. п. Эта современная трактовка понятия эффективности агропромышленного производства обусловлена тем, что любая эффективность в конечном итоге имеет стоимостную оценку и должна привести к определенному экономическому эффекту. Так, например, в отрасли виноделия технологическая эффективность, которая подразумевает максимальное использование биопотенциала технического винограда на основе научно обоснованной системы его выращивания, сбора и переработки, является действительно эффективной, если эти действия дадут повышение чистого дохода и прибыли предприятий виноградарско-винодельческого подкомплекса АПК. Повышение энергетической эффективности, которая в молочной промышленности имеет довольно большое значение, должно привести к снижению затрат на потребление электроэнергии, что также отобразится на росте рентабельности производственной деятельности агропромышленных предприятий. Даже психологическая эффективность рекламной кампании по продвижению и сбыту продукции винзаводов и молокозаводов будет результативной только в том случае, если она приведет потенциальных потребителей к осуществлению покупки.

Отдельного внимания заслуживают и такие виды эффективности, как экологическая и социальная. Если связь между технологической, энергетической, психологической эффективностью и эффективностью экономической довольно простая и прямая, то затраты на экологические мероприятия и поддержание уровня жизни работников, наоборот, имеют обратный эффект – снижение прибыльности предприятия. Но это только то, что лежит на поверхности: исследование синергетического проявления таких затрат показывает, что приемы биодинамического и экологически чистого производства значительно повышают качество агропромышленной продукции, а следовательно, и ее цену, а ответ созданию оптимальных условий труда работникам – рост их заинтересованности и производительности.

Предложенный подход к трактовке категории эффективности агропромышленного производства имеет действительно синергетическую форму, при которой совокупный результат превышает сумму его факторов. Иначе говоря, каждая взятая отдельно форма эффективности усиливает влияние всех других, воплощенных в экономическую форму.

Если опираться на общепринятые показатели экономической эффективности деятельности предприятий перерабатывающей отрасли АПК (в частности, сумму чистой прибыли и уровень рентабельности), то оценка аграрного производства во многих регионах будет отрицательной. Но если рассматривать экономическую эффективность как совокупность производственной, социальной, энергетической эффективности, то деятельность предприятий аграрного сектора экономики заслуживает в целом положительной оценки.

Действительно, во многих предприятиях АПК в последние годы увеличивается ресурсный потенциал по отдельным видам ресурсов, возрастают показатели эффективности использования основных производственных фондов, положительной динамикой характеризуется производительность труда, что в совокупности приводит

к соответствующему росту объемов реализованной продукции. Однако финансовые результаты деятельности агротоваропроизводителей, по которым в конечном итоге оценивают эффективность аграрного производства, могут не соответствовать затраченным ресурсам.

Аграрный сектор сегодня является достаточно высококонкурентной средой, следовательно, эффективность АПК в аграрноориентированных регионах выходит на передний план. От того, насколько эффективным и прибыльным окажется предприятие, прямо зависит, сможет ли оно закрепиться на рынке. Однако агропромышленное производство имеет некоторую специфику, связанную с характером произведенного им продукта.

Чаще всего государство не может позволить себе допустить банкротство аграрного предприятия, если оно поставляет потребителям необходимые продукты питания. В такой ситуации традиционные рыночные механизмы не работают (табл. 2), а на смену им приходят обязательства государства перед населением. Именно по этой причине во многих странах с развитой экономикой в аграрном секторе чаще всего присутствует государство.

В большинстве случаев государство оценивает эффективность АПК и старается вмешиваться в работу только тех сфер, в которых существуют реальные проблемы. Если в государстве имеются объективно малорентабельные отрасли агропромышленного производства, в которых малый бизнес работать принципиально не готов, то государственная система вправе взять инициативу в свои руки. Здесь есть два варианта развития событий. Если продукция этой отрасли остро необходима стране и ее невозможно приобрести по приемлемой цене за рубежом, чаще всего создается государственное предприятие, целью которого не является получение прибыли любой ценой. Если же есть возможность достаточно выгодно приобретать товар за рубежом, государство может и вовсе отказаться от развития этой отрасли.

Таким образом, можно сказать, что эффективность аграрного сектора экономики является достаточно относительным понятием. Нередко по всем расчетам выходит, что проще и дешевле импортировать какую-либо продукцию, но на деле оказывается, что зависимость от импорта приводит к еще более отрицательным последствиям для экономики страны, чем даже производство в убыток. А поскольку АПК ориентировано на производство продовольствия, то нет никаких сомнений в том, что стабильность аграрного сектора выступает одним из важнейших условий поступательного развития каждого государства.

Таким образом, деятельность предприятий АПК можно считать экономически эффективной, учитывая не только их конечные финансовые результаты, но и показатели производства их продукции и использования ресурсного потенциала. Вместе с тем максимально возможный уровень эффективности агротоваропроизводителей достижим только при условии действительной государственной поддержки. И это касается не только нормативно-законодательной базы и агротехнологических условий производства, но и показателей социальной и экологической эффективности как элементов эффективности экономической.

Таблица 2

Оценка подходов к трактовке ситуации на аграрном рынке

Классическая экономическая теория	Возможные условия рыночной экономики
Действия всех экономических субъектов уравниваются в одной точке	Существует субъективное восприятие действительности (личностная теория), согласно которому будут действовать индивиды, невзирая на действия, которые приведут к изменению их теории. Поэтому существует не одно равновесие, а несколько
Экономические субъекты производят выбор в повторяющихся ситуациях с одинаковыми вариантами выбора	Индивиды сталкиваются с уникальными неповторимыми вариантами выбора в условиях неполной информации и неопределенных последствий
Индивиды имеют устойчивые предпочтения, следовательно, выбор осуществляется на основе устойчивых критериев	Изменения, хотя и медленно, затрагивают сознание человека, то есть его предпочтения, а значит, и выбор. Этим можно объяснить отказ от собственности на человека, демократический выбор, повышение внимания к экологическим проблемам
Индивид выбирает альтернативы, максимизируя прибыль	Обратная информационная связь может быть слабой, неточной и несвоевременной, что не дает возможности индивиду выбрать лучшие альтернативы
Под действием конкуренции рыночное равновесие наступает очень быстро, максимизируя прибыль участников	Конкуренция может быть скрытой, поэтому ее эволюционные последствия не будут достигнуты в течение длительного времени
Максимизируя прибыль, индивиды согласовывают свое поведение, так как оно предвидено	Несогласованность поведения вытекает из изменения предпочтений индивидов, а также их альтруистических намерений

Источник: составлено автором на основании проведенного исследования

Уровень эффективности агропромышленного производства в целом зависит от множества факторов: природно-климатических условий, уровня квалификации кадров, спроса на произведенную продукцию и многих других. При этом обеспечить сектор высококвалифицированными кадрами в силах государства, для чего необходимо стимулировать людей выбирать среди других именно те специальности, которые так или иначе связаны с аграрным сектором, и повысить престижность профессии в целом, предоставляя пакет социальных услуг молодым специалистам. Аналогично мероприятия по сохранению экологического равновесия – это прерогатива государства, что обусловлено масштабностью таких мер и их влиянием

на деятельность довольно крупного числа аграрных предприятий и регионов их расположения.

При соблюдении этих условий экономическая эффективность агропромышленного производства будет трактоваться как система разных видов эффективности и иметь следующий вид (рис. 1):

Рис. 1. Виды экономической эффективности современного агропромышленного производства

Источник: составлено автором на основании проведенного исследования

Таким образом, если даже один из рассмотренных видов эффективности имеет положительную оценку, то это приведет к росту общей экономической эффективности агропромышленного производства, а если таких факторов несколько, то рост экономического эффекта будет прямо пропорциональным. Несмотря на то, что практически и экстенсивный, и интенсивный рост производства тесно взаимосвязаны и обеспечивают соответствующий синергетический эффект, в условиях ограниченности ресурсов более эволюционным для предприятий является интенсивный путь развития.

ВЫВОДЫ

Понятие эффективности является многоаспектным, многоплановым, имеет разные формы выражения и модифицируется в зависимости от общественной формы производства. Сущность и характер экономической эффективности АПК и ее понятийный аппарат отдельными исследователями трактуются по-разному, поскольку существуют сложности в однозначном толковании эффективности на всех уровнях агропроизводства из-за особенностей исследуемой экономической категории.

Эффективность аграрного производства зависит, в первую очередь, от эффективности использования всех его ресурсов, которые являются производственными факторами: земли, капитала, труда и предпринимательской способности. Но, с другой стороны, все эти факторы, равно как и разные виды эффективности, имеют определенную экономическую оценку.

Современное трактование эффективности агропромышленного производства – это экономическая эффективность как синергетическая форма проявления

технологической, социальной и экологической эффективности, критерием которой выступает максимальное получение аграрной продукции при наименьших затратах живого и овеществленного труда в условиях сохранения экологической и продовольственной безопасности на региональном и национальном уровнях.

Список литературы

1. Максакова Л. М. Сучасне трактування ефективності сільськогосподарського виробництва // Науковий вісник Чернівецького національного університету: Збірник наукових праць. Чернівці: Чернівецький національний університет, 2012. Вип. 623–626. Економіка. С. 275–279.
2. Шишкин М. В., Борисов Г. В., Сутырин С. Ф. История экономических учений. М.: Юрайт, 2017. 230 с.
3. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо, 2017. 1200 с.
4. Мазур И. И., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г. Всеобщая история менеджмента. М.: ИЦ Елима, 2013. 784 с.
5. Экономика сельского хозяйства / В. А. Добрынин, А. В. Беляев, П. П. Дунаев и др.; Под ред. В. А. Добрынина. М.: Высшая школа, 1999. 476 с.
6. Либкинд А. С. Эффективность сельскохозяйственного производства. Экономико-статистические методы анализа. М.: Статистика, 1976. 361 с.
7. Оболенский К. Л. Экономическая эффективность сельскохозяйственного производства (теория и практика). М.: Экономика, 1974. 246 с.
8. Новиков Ю. Н. Методика расчета экономической эффективности // Экономика и управление. 1996. № 1. С. 10–13.
9. Абалкин Л. И. Конечные народнохозяйственные результаты. Сущность, показатели, пути повышения. М.: Экономика, 1982. 236 с.
10. Кузнецов С. В. Метод оценки общей эффективности на предприятиях агропромышленного комплекса // Известия АлтГУ. 1999. № 2 (12). С. 134–136.
11. Цатхланова Т. Т. Методические аспекты оценки и повышения эффективности сельскохозяйственного производства // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. Кисловодск: Кисловодский институт экономики и права, 2011. № 33. С. 8–37.
12. Водяников В. Т. Методы оценки уровня эффективности использования энергоресурсов в сельском хозяйстве // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. 2012. № 1. С. 85–89.
13. Карбанова И. С. Построение математической модели оценки экономической эффективности рекламной кампании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2011. № 41 (258). С. 167–170.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 339.5:51–7

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ СТРАН БРИКС

Илясова Ю. В., Шкурина А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: ilyasovajuli@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные экономико-математические методы с целью прогнозирования показателей международной торговли стран БРИКС. В результате исследования был выявлен наиболее весомый фактор, влияющий на объемы мирового ВВП. Установлено, что объемы экспорта будут расти ежегодно в среднем на 70 млрд долл. США. Также построены эконометрические модели, на основе которых были спрогнозированы экспорт и ВВП стран БРИКС.

Ключевые слова: международная торговля, страны БРИКС, множественная регрессия, дисперсионный анализ, экономико-математическая модель, экспорт, импорт, объемы ВВП, прогноз показателей.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование позиций экономического развития стран мира и интеграционных объединений – одна из самых актуальных задач современной экономической науки, ведь темпы экономического роста имеют решающее влияние на социальное развитие страны и ее значение в мировом экономическом пространстве.

Последняя четверть XX – начало XXI века отличились ускорением экономической динамики и усилением геоэкономической роли стран БРИКС. В связи с этим приобретает актуальность исследование действия факторов экономического развития стран БРИКС, направлений и закономерностей их взаимоотношений и влияния на мировое экономическое пространство.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Рассматривая методологические аспекты решения проблемы международного экономического сотрудничества, необходимо исходить из определения сущности проблемы как сложного теоретического и практического вопроса, требующего изучения теории для его разрешения.

Именно поэтому мы систематизировали методы исследования выбранной темы в виде таблицы, которая раскрывает их сущность и ожидаемый результат (табл. 1).

Такой подход к оценке альтернатив объясняется, прежде всего, их многовариантностью и возможными результатами от их осуществления на практике.

Множественная регрессия дает возможность оценить связь результативного признака с любым факторным при фиксированном значении других, включенных в регрессионную модель.

Таблица 1

Основные методы исследования и прогнозирования показателей международной торговли товарами стран БРИКС

Название группы методов	Задание	Ожидаемый результат
Множественная регрессия	Проанализировать влияние экспорта и импорта стран БРИКС на объемы мирового ВВП	Выявить один фактор, который больше влияет на объемы ВВП
Экономико-математическая модель	Разработать модель экономического сотрудничества стран БРИКС	Прогнозирование сотрудничества стран БРИКС на основе модели

Источник: составлено автором на основе [1]

На практике часто используют множественные, многофакторные уравнения регрессии, когда на величину результативного признака влияет 2, 3 и более факторов. Уравнение множественной регрессии выглядит следующим образом:

$$y=f(x_1, x_2, \dots, x_k),$$

где y – зависимая переменная (результативный признак),
 x_i – независимые переменные (признаки-факторы).

Следует учесть тесноту корреляционной связи между признаками. При наличии связи, близкой к функциональной (мультиколлинеарности), оценки параметров многофакторной модели будут ненадежными. Для оценки мультиколлинеарности между признаками достаточно ограничить соответствующие коэффициенты корреляции двух факторных признаков. Если он близок к 1, то одну из них надо исключить. На этом этапе важно не только выбрать факторы, но и раскрыть структуру взаимосвязей между ними [1].

Как правило, изменение значений одного фактора вызывает явные изменения во всей системе взаимосвязанных факторов. Более углубленный статистический анализ взаимосвязи факторов возможен при использовании систем уравнений регрессии (рекуррентные системы).

С нашей точки зрения, несомненный интерес вызывает проблема экономико-математического моделирования в контексте эффективности сотрудничества стран БРИКС.

Экономико-математическое моделирование является одним из эффективных методов описания функционирования сложных социально-экономических объектов и процессов в виде математических моделей, объединяя тем самым экономику и математику.

Международная торговля стран БРИКС нуждается в более полном исследовании с помощью построения математических моделей по данным за 4 года (2013–2016 гг.). Проанализируем влияние экспорта из стран БРИКС на объем ВВП мира (табл. 2).

Таблица 2

Показатели, которые осуществляют значительное влияние на объемы ВВП стран БРИКС, млрд долл. США

Годы	ВВП, млрд долл. США (y)	Экспорт, млрд долл. США (x ₁)	Импорт, млрд долл. США (x ₂)
2013	30382,9	3074,1	3410,3
2014	32702,3	3032,9	3473,4
2015	34678,0	2814,8	3150,9
2016	36898,4	3028,6	3261,9

Источник: составлено и рассчитано автором на основе [2; 3; 4].

С помощью средств Microsoft Excel проведем анализ данных табл. 2 и получим следующую таблицу (табл. 3).

Столбец «Коэффициенты» содержит найденные параметры уравнения регрессии. То есть линейная двухфакторная эконометрическая модель имеет вид:

$$\widehat{y}_x = -2548,68 + 2,741 x_1 - 0,785x_2.$$

Таблица 3

Расчеты двухфакторной эконометрической модели

Регрессионная статистика						
Множественный R	0,972					
R-квадрат	0,946					
Стандартная ошибка	339,689					
Дисперсионный анализ						
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>	
Регрессия	2	2044120	1022060	8,857	0,231	
Остаток	1	115389,2	115389,2			
Итого	3	2159509				
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95 %</i>	<i>Верхние 95 %</i>
Y-пересечение	-2548,68	4850,14	-0,525	0,691	-64175,6	59078,19
Переменная X 1	2,741	2,202	1,244	0,430	-25,239	30,721
Переменная X 2	-0,785	3,234	-0,242	0,848	-41,884	40,313

Источник: составлено и рассчитано автором на основе [1].

По коэффициентам регрессии можно дать объяснение. Например, если импорт x₂ увеличится на 1 млрд долл. США, то ВВП стран БРИКС снизится в среднем на

0,785 млрд долл. США. При этом значения переменных x_1 , x_2 должны оставаться неизменными.

Множественный коэффициент корреляции R характеризует тесноту линейной связи рассматриваемого набора факторов x_1 , x_2 с исследуемым признаком y . Пределы изменения коэффициента множественной корреляции – от 0 до 1. Чем ближе его значение к 1 (в нашем случае $R=0,972$), тем теснее линейная связь результативного признака со всем набором исследуемых факторов.

Множественный коэффициент детерминации $R^2=0,946$ свидетельствует о том, что дисперсия (т. е. разброс) ВВП стран БРИКС y на 94,6 % объясняется регрессией, т. е. зависимостью от показателей x_1 , x_2 . Величина $1 - R^2=0,054$ (то есть 5,4 %) характеризует долю дисперсии y , вызванную влиянием не учтенных в модели факторов.

Раздел «Дисперсионный анализ» содержит обозначение df (degree of freedom) – число степеней свободы. В уравнение регрессии входит $m=4$ независимых переменных (строка «Регрессия»), в строке «Остаток» содержится $n-m-1=1$, что в сумме (строка «Итого») составляет $n-1=5$.

Последний раздел содержит коэффициенты регрессии:

$$a = -2548,68, b_1 = 2,741, b_2 = -0,785.$$

В столбце «Стандартная ошибка» расположены:

$$\hat{\sigma}(a) = 4850,14, \hat{\sigma}(b_1) = 2,202, \hat{\sigma}(b_2) = 3,234$$

Для проверки значимости коэффициентов регрессии применяют статистический t – критерий Стьюдента. Фактические значения t -критерия Стьюдента помещены в столбце « t – статистика»:

$$t(a) = -0,525, t(b_1) = 1,244, t(b_2) = -0,242.$$

Далее рассчитаем P и исключим из модели показатель с наиболее большой вероятностью ошибки:

$$P(b_1) = 0,431, P(b_2) = 0,848.$$

Из полученных результатов мы видим, что исключенным из модели должен быть показатель b_2 – импорт.

Составим новую эконометрическую модель, в которой на объемы ВВП стран БРИКС будет влиять лишь один весомый фактор – экспорт.

На основании данных из таб. 4 линейная равнофакторная эконометрическая модель имеет вид:

$$\widehat{y}_x = -3671,98 + 2,222x_2.$$

Множественный коэффициент корреляции $R=0,971$ близок к 1, то есть наблюдается высокая теснота линейной связи фактора x_2 с исследуемым признаком y . Из-за того, что множественный коэффициент детерминации $R^2=0,943$, дисперсия ВВП стран БРИКС на 94,3 % объясняется найденной регрессией.

Величина $1 - R^2=0,057$ (то есть 5,7 %) характеризует долю дисперсии, вызванную влиянием не учтенных в модели факторов.

Рассчитав P , мы видим $P(b_3) = 0,028$ меньше $\alpha=0,05$, что указывает на то, что однофакторное уравнение регрессии значимо с надежностью не менее 95 %.

Таблица 4

Расчеты однофакторной эконометрической модели

Регрессионная статистика						
Множественный R	0,971					
R-квадрат	0,943					
Стандартная ошибка	247,178					
Дисперсионный анализ						
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>	
Регрессия	1	2037316	2037316	33,34573	0,028	
Остаток	2	122193,5	61096,74			
Итого	3	2159509				
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95 %</i>	<i>Верхние 95 %</i>
Y-пересечение	-3671,98	1060,959	-3,461	0,074	-8236,92	892,957
Переменная X ₁	2,222	0,384	5,774	0,028	0,566	3,878

Источник: составлено и рассчитано автором на основе [1].

Алгоритм пошагового регрессионного анализа завершен. Построена равнофакторная модель – это уравнение регрессии с максимальным числом ($m=1$) значимых коэффициентов.

В столбцах «Нижние 95 %» и «Верхние 95 %» содержатся интервальные оценки параметров уравнения регрессии. Они вычислены по данным столбца «Коэффициенты» и «Стандартная ошибка»:

$$-8236,92 \leq a \leq 892,95, 0,566 \leq b_3 \leq 3,878.$$

Таким образом, мы выяснили, что на объем ВВП стран БРИКС из перечисленных факторов более всего влияет объем экспорта. Далее мы рассчитаем прогнозные значения для обоих показателей с помощью средств Microsoft Excel.

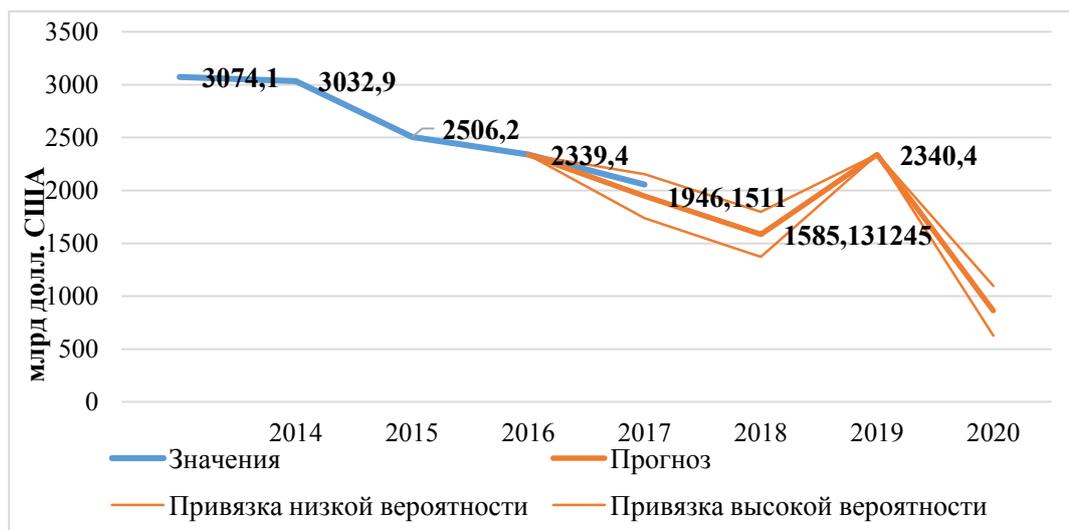

Рис. 1. Прогноз экспорта стран БРИКС до 2020 года, млрд долл. США
 Источник: составлено и рассчитано автором на основе [2; 3; 4]

На основе рис. 1–2 мы можем сделать вывод, что к 2020 году ВВП стран БРИКС должен увеличиться в 1,5 раза, в свою очередь объемы экспорта стран БРИКС будут расти с каждым годом в среднем на 70 млрд долл. США.

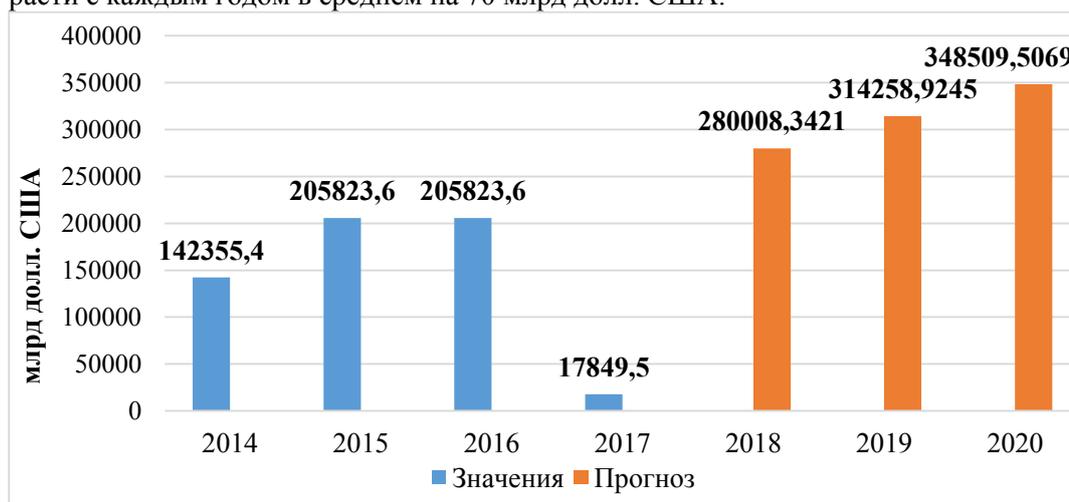

Рис. 2. Прогноз ВВП стран БРИКС до 2020 года, млрд долл. США
 Источник: составлено и рассчитано автором на основе [2; 3; 4]

Углубление интеграционных процессов в системе БРИКС будет иметь положительное влияние на увеличение объемов поступления прямых иностранных инвестиций в экономики исследуемых стран, расширение их внешнеэкономических связей, ускорение экономического развития на инновационной основе, что обеспечит создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры.

ВЫВОДЫ

В настоящее время роль стран БРИКС в мировой политике и экономике постоянно возрастает. БРИКС из неформального объединения постепенно превращается в мощный межгосударственный блок, который активно участвует в глобальном регулировании. Его все чаще сравнивают с такими многосторонними неформальными институтами, как G7 и G20 [4].

При построении экономико-математической модели мы пришли к выводу, что наибольшее влияние на объемы валового внутреннего продукта стран БРИКС из таких факторов, как объемы экспорта и объемы импорта, оказывают объемы экспорта, а наименьшее влияние оказывает импорт. Средний темп роста ВВП до 2020 года будет составлять 20 млрд долл. США, средний темп роста объемов экспорта – 3 млрд долл. США. В 2020 году прогнозируется, что ВВП составит 225,2 млрд долл. США, объемы экспорта будут составлять 43,3 млрд долл. США.

Установлено, что страны БРИКС в своем взаимодействии демонстрируют модель развития многополярного мира, которая обусловлена территориальной спецификой, отличием национальной экономической модели. Определено, что вклад стран БРИКС в создание мирового ВВП постепенно и стабильно увеличивается, что обеспечит в долгосрочной перспективе более глубокую экспансию корпораций этих государств на глобальный рынок.

Список литературы

1. Айвазян С. А. Прикладная статистика. Основы эконометрики: Учебник для вузов в 2-х т. Т. 2. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 432 с.
2. База данных Международного торгового центра ЮНКТАД-ВТО [Электронный ресурс]. URL: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx.
3. Науменко Р. В., Никитина М. Г. Эффективность торговой интеграции БРИКС // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. Том 1 (67). 2015. № 2. С. 123–134.
4. Шкурина А. А., Илясова Ю. В. Foreign direct investment in the BRICS countries // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве: сб. науч. трудов. Симферополь, 2016. С. 140–142.
5. Central Intelligence Agency, section – statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>
6. International trade statistics introduced / Eurostat Statistics Explained. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/International_trade_statistics_introduced

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 65.012.122

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ВНЕДРЕНИЯ БЕЗОТХОДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АПК РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Майданевич А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: vovan2010xxx@mail.ru

В статье представлены результаты исследования возможностей внедрения безотходных технологий производства агропромышленной продукции в аграрном секторе экономики Республики Крым. На основании теоретического и расчетно-экономического обоснования показана роль безотходных технологий в повышении прибыльности и рентабельности взаимосвязанных отраслей агропромышленного комплекса (пивоваренной промышленности и животноводства), подтверждена их комплексная и синергетическая эффективность (социальная, экологическая, экономическая).

Ключевые слова: загрязнение окружающей среды, отходы производства, безотходные производства, безотходные технологии, агропромышленный комплекс, Республика Крым, пивоваренная промышленность, животноводство, эффективность, синергетический эффект.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из глобальных проблем современности является проблема загрязнения окружающей среды, увеличения выбросов вредных веществ и отходов промышленного производства, рост риска экологических катастроф и катаклизмов. Решение этой проблемы сегодня направлено, в первую очередь, на разработку и финансирование мероприятий защитного характера, в том числе с помощью сборов за использование источников выбросов вредных веществ как с юридических, так и с физических лиц. Однако эти меры носят последующий характер, не являясь превентивными, то есть они не влияют непосредственно на причину первоначального загрязнения природных ресурсов, являются весьма затратными и плохо контролируемыми. Например, посадка так называемых «киотских», или «углеродных», лесов, в соответствии с Киотским протоколом 1997 г. [6] имеющая своей целью уменьшение эмиссий парниковых газов промышленностью участвующих в нем стран, приводит к осязаемому эффекту только через несколько лет после посадки леса, причем фактически невозможно экономически связать вред, наносимый конкретным предприятием, с пользой, принесенной новыми территориально удаленными от него лесопосадками.

Еще одна скрытая проблема загрязнения окружающей среды – недооценка роли агропромышленного производства в загрязнении различных природных ресурсов. Естественный, наиболее приближенный среди других отраслей промышленности к природному, характер аграрного производства создает необъективное мнение об органичности и биологичности не только производимой им продукции, но и его отходов. В реальности предприятия АПК выбрасывают в биосферу твердые промышленные отходы, опасные сточные воды, газы, различные по размерам и химическому составу аэрозоли. Общее количество сельскохозяйственных отходов в России, по оценкам экспертов, ежегодно составляет 630–650 млн т, отходов пищевых

производств – 30 млн т. Наибольшая часть отходов сельскохозяйственного происхождения приходится на отрасль животноводства (56,0 %), второе место занимают отходы растениеводства (35,6 %), на долю перерабатывающих отраслей приходится 4,7 % отходов в АПК [3].

В то же время природный характер агропромышленного производства позволяет в наибольшей степени минимизировать угрозы загрязнения окружающей среды его отходами при внедрении безотходных и малоотходных технологий, позволяющих максимально полно и эффективно использовать природно-ресурсный потенциал и погодно-климатические условия каждой сельской территории и агропроизводителя [7].

Целью проведенного исследования в рамках данной научной статьи явились изучение возможностей внедрения безотходных технологий в предприятиях агропромышленного комплекса Республики Крым и оценка их экономической эффективности.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Необходимость решения глобальной проблемы загрязнения окружающей среды, в том числе отходами агропромышленного производства, не вызывает сомнений. Однако, по обоснованному утверждению В. Л. Гаврикова и Р. Г. Хлебопоса, острота экологических проблем сама по себе не является ни гарантией, ни механизмом их разрешения. Решение, по мнению ученых, необходимо «встроить» в экономическую среду, которая может как остаться прежней, так и быть усовершенствованной. Нормализация экологической ситуации должна быть не только биологически возможна, но и экономически реализуема [2].

Для оценки эффективности мероприятий, направленных на сокращение загрязнения окружающей среды, в том числе с помощью внедрения безотходных технологий, необходимо, прежде всего, знать, какой процент отходов дает то или иное производство. В отношении промышленного производства аграрной продукции уже на данном этапе возникают проблемы методико-оценочного характера. Если раньше, в условиях жесткой регламентации производственных процессов, все предприятия АПК строго придерживались ГОСТов и установленных нормативов отходов производства, то в настоящее время в большей степени контролируются качественные, а не технологические показатели выпускаемой продукции. Это вызвано многими причинами, в числе которых – значительное расширение ассортимента товаров и реструктуризация состава и структуры собственников агропромышленных предприятий.

Сегодня удельные показатели образования отходов производства и потребления, утвержденные Государственным комитетом Российской Федерации по охране окружающей среды [11], носят для агропромышленных предприятий скорее рекомендательный, чем нормативно-регламентирующий характер. Но даже при соблюдении данных показателей величина возможных отходов аграрного производства в целом по Российской Федерации и в Республике Крым как в одном из аграрноориентированных регионов России весьма значительна (табл. 1).

Таблица 1

Оценка возможных объемов отходов агропромышленного производства в Российской Федерации и Республике Крым, 2016 год

Вид производства	Наименование образующихся отходов	Удельный вес отходов	Объемы			
			Российская Федерация		Республика Крым	
			Производства	Возможных отходов	Производства	Возможных отходов
Переработка зерновых культур (пшеницы, ржи, ячменя, риса) в крупу (муку)	Лузга (пшеничная, ржаная, ячменная, рисовая)	До 26,0 % от массы сырья	9909,5 млн т	2576,5 млн т	135,1 тыс. т	35,1 тыс. т
Переработка мяса (разделка мясных туш крупного скота, овец, коз и свиней)	Кость	15,0–17,0 % от переработки и массы туш	10109,0 тыс. т	1516,4–1718,5 тыс. т	68,4 тыс. т	10,3–11,6 тыс. т
Масложировое производство	Подсолнечная лузга	11,9–42,0 % от объема семян	5199,0 тыс. т (20796,0 тыс. т семян)	2474,7–8734,3 тыс. т	2596,4 т (10385,6 т семян)	1235,9–4361,9 т
	Жмых подсолнечный	34,3 % от объема семян		7133,0 тыс. т		3562,3 т
	Шрот подсолнечный	38,5 % от объема семян		8006,5 тыс. т		3998,5 т
Переработка томатов (производство томатных соков и пасты)	Томатные выжимки и семена томатов неиспользуемые)	11,0–32,0 % от массы переработки и сырья	1890,0 тыс. т	207,9–604,8 тыс. т	65,4 тыс. т	7,2–20,9 тыс. т
Переработка плодов фруктовых культур	Яблочные, айвовые выжимки	28–36,0 % от массы сырья	1482,0 тыс. т	415,0–533,5 тыс. т	72,0 тыс. т	20,2–25,9 тыс. т
	Отходы от плодов косточковых культур	4,1–10,1 % от массы сырья	505,0 тыс. т	20,7–51,0 тыс. т	43,1 тыс. т	1,8–4,4 тыс. т

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ВНЕДРЕНИЯ БЕЗОТХОДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ...

Вид производства	Наименование образующихся отходов	Удельный вес отходов	Объемы			
			Российская Федерация		Республика Крым	
			Производства	Возможных отходов	Производства	Возможных отходов
Винодельческое производство	Гребни	1,8–8,5 кг /100 кг винограда	51,5 млн дкл (686,0 тыс. т)	12,3–58,3 тыс. т	6813,3 тыс. дкл (90,8 тыс. т)	1,6–7,7 тыс. т
	Выжимки сладкие	7,0–17,0 кг / 100 кг винограда		48,0–116,6 тыс. т		6,4–15,4 тыс. т
	Жидкие дрожжевые осадки	2,0–7,0 кг / 100 кг винограда		13,7–48,0 тыс. т		1,8–6,4 тыс. т
	Отжатые дрожжевые осадки	0,5–2,5 кг / 100 кг винограда		3,4–17,2 тыс. т		0,5–2,3 тыс. т
Производство пива и безалкогольных напитков	Зерновые отходы	19 кг/т ячменя	1566,0 тыс. т	29,8 тыс. т	21,0 тыс. т	399,0 т
	Сплав ячменя	10 кг/т ячменя		15,7 тыс. т		210,5 т
	Солодовые ростки	3,5–6,0 % от массы готового солода	1221,5 тыс. т	42,8–73,3 тыс. т	16,4 тыс. т	0,6–1,0 тыс. т
	Солодовая дробина	2,5 т / 1000 дал пива	783,0 млн дкл	2,0 млн т	10,5 млн дкл	26,3 тыс. т
	Дрожжи пивные жидкие	1,0 % от массы пива		78,3 тыс. т		1,1 тыс. т
	Белковый отстой (прессованный)	35 кг / 100 дал пива		274,1 тыс. т		3,7 тыс. т

Источник: составлено автором на основании материалов [8–13]

В табл. 1 представлены только наиболее значимые пищевые отрасли для Республики Крым, в действительности функционирующих производств аграрного характера, включая непосредственно отрасли растениеводства и животноводства, в регионе гораздо больше, а тем более на уровне всей Российской Федерации. Соответственно, объемы образующихся в результате их деятельности отходов также гораздо выше, причем их точная оценка затруднена и большой вариативностью возможного процентного соотношения отходов в массе готового продукта. Так, как

видно из данных табл. 1, в масложировом производстве разница в возможных отходах в виде подсолнечной лузги может составлять до 30,0 %, в переработке томатов в виде соков и пасты – до 21,0 %, в виноделии при получении сладких выжимок (при использовании различных прессов) – до 10,0 %.

Отходы агропромышленного производства могут использоваться для различных целей промышленного и потребительского характера:

- в непереработанном виде (свежие корма – жом, патока, барда, обрат);
- как продукты переработки (комбинированные корма – зерновые и подсолнечные шроты, зерновая шелуха, отруби);
- в виде удобрений (виноградные и фруктово-ягодные выжимки, шелуха подсолнечника);
- в качестве альтернативных источников энергии (облущенные кочаны кукурузы, скорлупа орехов);
- как источник получения сорбционных материалов экологического, медицинского и пищевого назначения (отработанные дрожжи, грибы и т. п.).

Несмотря на столь широкие возможности аграрных безотходных технологий, их практическое внедрение в агропромышленном комплексе Республики Крым можно констатировать лишь в отдельных организациях, причем преимущественно носящих форму частных предприятий или фермерских хозяйств. Основными причинами такого положения является отсутствие соответствующих организационных механизмов реструктуризации аграрного сектора региона в целом и низкий уровень технологической компетентности руководящих работников, вследствие чего внедрение безотходных технологий воспринимается как скорее затратный, чем рентабельный в конечном итоге проект.

Действительно методические аспекты комплексной оценки эффективности внедрения безотходных технологий и безотходных производств в АПК в настоящее время не разработаны, особенно в части определения экономического эффекта. Большинство исследований данной проблематики находится в плоскости вопросов экологической, социальной и бюджетной эффективности, что обусловлено соответствующим общественным характером самого агропромышленного производства. Воспринимая АПК и производимую им продукцию как общественные блага, многие руководители различных уровней управления – от ведомственных до внутрихозяйственных – склонны переносить этот статус и на любые инновации, связанные с аграрным производством.

Однако инновационный подход к рациональному использованию отходов в АПК имеет не только социальный, но и экономический и экологический эффекты. Второй из них указывает на экономическую целесообразность утилизации отходов агропромышленного производства, поскольку с увеличением его масштабов возрастает также количество отходов и стоимость содержащихся в них полезных веществ. Третьим аспектом является непрерывный рост негативного влияния отходов аграрного производства на окружающую среду. Оно сопровождается загрязнением атмосферного воздуха в виде парникового эффекта и кислотных дождей, изменением его химических и физических свойств, разрушением озонового слоя, загрязнением почв токсичными веществами, ухудшением почвенной структуры, сокращением в

ней гумуса и питательных веществ, механическим разрушением и уплотнением грунта, загрязнением водных ресурсов и т. п. Значительные экологические убытки в конечном итоге снижают эффективность всего агропромышленного производства, а неиспользованные отходы приводят к сокращению не только современной, но и будущей ресурсообеспеченности общества, необходимости дополнительных затрат общественного труда на развитие сырьевой базы перерабатывающей промышленности.

Также немаловажным аспектом комплексной эффективности внедрения безотходных технологий в АПК является тот факт, что процесс переработки отходов аграрного производства, то есть недоиспользованной части сельскохозяйственного сырья, дает возможность создавать добавленную стоимость в межсезонный период, что экономически целесообразнее по сравнению с затратами на использование очистных систем для локализации отходов. Кроме того, оптимизация ритмичности агропромышленного производства и сокращение межсезонной дифференциации в доходах предприятий и оплате труда их работников повышают общую производительность аграрного сектора, в том числе и за счет улучшения мотивационных механизмов.

Для Республики Крым как многоотраслевого аграрного региона перспективными для внедрения являются многие из разработанных на сегодняшний день безотходных производств и технологий. Одним из таких направлений является сушка растительных остатков пищевой промышленности, в частности пивоваренного производства. Данная безотходная технология имеет значительные перспективы для АПК Крыма как в силу наличия в регионе крупного производителя пива (АО «Пивобезалкогольный комбинат «Крым»»), так и в условиях стремительного падения объемов производства продукции животноводства вследствие практически полного отсутствия соответствующей сбалансированной кормовой базы.

Технология сушки пивной дробины, которая образуется при производстве пива, обеспечивает продолжительный срок ее хранения и удешевляет транспортировку на длительные расстояния. Добавление сухой дробины в состав рационов животных обеспечивает оптимизацию их питания и снижение затрат на производство сельскохозяйственной продукции. По продуктивному действию сухая пивная дробина может быть заменителем высокобелковых кормов в рационах животных, что дает возможность экономии высококачественных зерновых кормов и улучшения экологического состояния близлежащих к животноводческим фермам территорий [15].

Альтернативные возможности производства сухой пивной дробины в Республике Крым с учетом данных по региональному выпуску пива за 2014–2016 гг. [10] представлены в табл. 2.

Анализируя представленные в табл. 2 данные, можно констатировать, что только за последние 3 года пивная промышленность Крыма недополучила 88,0 млн руб. за счет возможного использования отходов производства в виде сухой пивной дробины. При этом расчеты были произведены на основе средней рентабельности данного производства (25,0%), тогда как при максимально установленном ее уровне

(47,04 %) [15] данная сумма могла бы возрасти за анализируемый трехлетний период до 140,6 млн руб. (27,6 + 45,7 + 67,3).

Помимо непосредственного экономического эффекта для пивоваренной промышленности и экологического эффекта для окружающей среды г. Симферополя (где территориально расположено пивоваренное производство), безотходная технология сушки пивной дробины характеризуется комплексной, синергетической эффективностью для агропромышленного комплекса региона в целом. Это обусловлено как альтернативными возможностями дальнейшего использования полученного побочного продукта пивоварения, так и повышением эффективности производства продукции животноводства в сельскохозяйственных предприятиях при введении пивной дробины в кормовой рацион скота и птицы.

Таблица 2

Экономическая оценка альтернативных возможностей производства сухой пивной дробины в Республике Крым

Показатели	2014 год	2015 год	2016 год	2016 г. в % к 2014 г.
Производство пива, млн дкл	4,6	7,3	10,5	228,3
Расчетные показатели				
Выход сухой пивной дробины, тыс. т	11,5	18,3	26,3	228,7
Средняя цена реализации 1 т сухой дробины, тыс. руб.	7,5	7,8	8,0	106,7
Выручка от реализации, млн руб.	86,3	142,7	210,4	243,8
Полная себестоимость, млн руб.	69,0	114,1	168,3	243,9
Чистая прибыль от реализации, млн руб.	17,3	28,6	42,1	243,4
Уровень рентабельности производства, %	25,0	25,0	25,0	100,0

Источник: составлено автором на основании материалов [10, 11, 15]

Так, применение комбикорма с 15,0 % сухой пивной дробинкой в кормлении высокопродуктивных коров улучшало воспроизводительную способность животных, среднесуточный удой молока превышал контроль на 2,3 кг, или на 7,1 %, расход кормов на единицу молочной продукции был ниже на 4,5–5 %. В опытах на телятах-молочниках введение в комбикорм-стартер 10,0 % сухой пивной дробины обеспечивало увеличение прироста живой массы телят до 11,0 %. В опытах на баранах мясо-шерстного направления были отмечены положительный рост настрига шерсти в мытом волокне (на 4,0 % выше, чем в контроле), выхода мяса и его энергетической ценности, а также других показателей эффективности производства [14]. Также имеются многочисленные исследования, подтверждающие эффективность использования сухой пивной дробины не только в отрасли животноводства, но и в качестве сырья для хлебобулочной, мясной, микробиологической, фармацевтической промышленности и других отраслей экономики [1, 4, 5, 16].

В заключение следует отметить, что производство и использование сухой пивной дробины – это только одна их многих запатентованных и апробированных технологий безотходного производства в агропромышленном комплексе,

способных при их широком внедрении значительно повысить эффективность функционирования всего регионального АПК Республики Крым.

ВЫВОДЫ

Агропромышленные предприятия преобразуют практически все компоненты природы – воздух, воду, почву, растения и животных – в первичные продукты сельскохозяйственной переработки и отходы, содержащие большое количество веществ, не нужных для основного производства, но ценных для других отраслей экономики. Их рациональное использование является залогом не только сохранения экологического равновесия и недопущения дальнейшего загрязнения окружающей среды, но и в значительной степени повышает социальную, экологическую и экономическую эффективность агропромышленного производства.

Внедрение безотходных технологий и – в более глобальном смысле – безотходных производств в аграрном секторе экономики Республики Крым обладает комплексной, синергетической эффективностью, так как влияет сразу на несколько отраслей АПК. Так, на примере возможностей производства сухой пивной дробины было установлено не только получение ежегодного альтернативного дохода пивоваренной промышленности в размере 88,0–140,6 млн руб., но и рост качественных и количественных показателей отрасли животноводства за счет применения улучшенного состава комбикормов с пивной дробинкой.

В целом, предприятиям АПК необходимо применять интегрированный подход к комплексному использованию отходов производства. Оптимальная экономико-экологическая эффективность вторичной переработки отходов пищевой промышленности должна основываться на внедрении малоотходных, безотходных и энергосберегающих технологий, инновационных продуктов и обеспечении их экологичности на всех этапах полного производственного цикла.

Список литературы

1. Будакова Э. Д., Миронова И. В., Нигматьянов А. А. Отходы пивоварения в производстве комбикормов // Пища. Экология. Качество: сб. труд. XIII межд. науч.-практ. конф. (Красноярск, 18–19 марта 2016 г.). Красноярск: КГАУ, 2016. С. 175–179.
2. Гавриков В. Л., Хлебопрос Р. Г. Проблема создания углеродного леса: много или быстро? // Вестник Российской академии наук. 2014. Том 84. № 6. С. 519–524.
3. Голубев И. Г., Шванская И. А., Коноваленко Л. Ю., Лопатников М. В. Рециклинг отходов в АПК: справочник. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2011. 296 с.
4. Казмирова Е. А., Лютова Е. В. Технология хлебобулочных изделий, обогащенных компонентами // Вестник молодежной науки. 2016. № 4 (6). С. 8–13.
5. Кекибаева А. К., Байгазиева Г. И., Сатвалдинова А. Г. Использование пивной дробины при производстве кормов // Механика и технологии. 2016. № 2 (52). С. 86–92.
6. Киотский протокол к рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf>.
7. Майданевич А. А. Экономическая сущность и дефиниции безотходного производства // Тенденции, направления и перспективы развития экономических отношений в современных

- условиях хозяйствования: сб. тр. II регион. научн.-практ. конф. (Симферополь, 21–22 февраля 2017 г.). Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», 2017. С. 35–38.
8. Промышленное производство: официальная статистика Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым [Электронный ресурс]. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/stat_crimea/enterprises/production/.
 9. Промышленное производство: официальная статистика Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#
 10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сборник / Росстат. М., 2016. 1326 с.
 11. Сборник удельных показателей образования отходов производства и потребления, утвержденный Государственным комитетом Российской Федерации по охране окружающей среды 07.03.1999 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=80583&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.16070372298900248#0>.
 12. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство: официальная статистика Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/.
 13. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство: официальная статистика Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым [Электронный ресурс]. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/enterprises/agriculture/.
 14. Сырцев А. С. Эффективность использования сухой пивной дробины и пробиотика в комбикормах для жвачных // Современные проблемы животноводства в условиях инновационного развития отрасли: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Лесниково, 23 марта 2017 г.). Лесниково: КГСА им. Т. С. Мальцева, 2017. С. 228–231.
 15. Тимчак В. С. Оцінка еколого-економічної ефективності використання відходів харчової промисловості // Економіка АПК. 2016. № 10. С. 102–109.
 16. Цикин С. С. Использование пивной дробины при производстве мясных продуктов // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты: сб. матер. III Межд. научн.-практ. конф. (Кемерово, 29–30 января 2017 г.). Кемерово: ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2017. С. 395–398.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 332.122

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ ДЕФИНИЦИИ «РЕГИОН» В РАМКАХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Музыка А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: muzika29@mail.ru

В статье дается комплексный анализ наиболее употребляемых определений понятия «регион», представленных в работах ведущих ученых, с позиции междисциплинарного подхода. Рассматриваются основные критерии и параметры данного концепта с точки зрения развивающегося научного направления – пространственной экономики. Подчеркивается объективная необходимость учета региональной идентичности, включающей региональный уровень и региональную субъективность, как одного из важнейших факторов дифференциации рассматриваемого термина.

Ключевые слова: регион, пространственная экономика, региональный уровень, региональная субъективность, региональная экономическая структура.

ВВЕДЕНИЕ

Взгляды исследователей на определение смежных понятий, к которым относится и дефиниция «регион», варьируются в зависимости от сферы и предмета научного познания, находящихся в их компетенции. В настоящее время не существует универсального определения рассматриваемого термина, удовлетворяющего представителей всех научных сообществ без возникновения дебатов и разногласий между ними. Существующие трактовки понятия «регион» многообразны в своей вариативности и нуждаются в проведении комплексного анализа в разрезе междисциплинарного подхода.

Актуальность данного исследования обусловлена объективной необходимостью создания унифицированного понятия «регион» для нивелирования существующей избыточности использования и множественности коннотаций данного термина в современной науке. Целью данной статьи является выявление наиболее оптимальной формулировки с позиции различных комплексов наук, в том числе развивающегося направления – пространственной экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

История возникновения термина «регион» в отечественной науке связана с изданием в 1975 году монографии «Региональная экономика» [12], написанной известным советским исследователем Некрасовым Н. Н., который не только положил начало новому направлению в экономической науке, но и впервые ввел понятие «регион», отделив его от ранее повсеместно применяемого термина «район». В своем исследовании ученый провел зонирование территорий СССР, включающее Сибирь, Дальний Восток, Поволжье и другие зоны, в каждую из которых входят регионы:

союзные республики, экономические, сельскохозяйственные, промышленные районы СССР и т. д. В соответствии с формулировкой Некрасова Н. Н. «под регионом понимается крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой. Основным критерий выделения региона – общность народнохозяйственных задач – основан на совокупности используемых или намечаемых к эксплуатации природных богатств, исторически сложившейся структуре хозяйственной деятельности или плановой структуре экономического развития» [12, с. 37].

В современной науке дефиниция «регион» приобрела чрезмерную избыточность и многозначность: понятие фигурирует во многих областях научных знаний, среди которых можно назвать географию, социологию, экономику, политологию, культурологию и другие. Данное обстоятельство, в частности, объясняется тем фактом, что формулировок рассматриваемого термина великое множество и они отличаются в зависимости от точки зрения, которой придерживается тот или иной исследователь. Для географов «регион» является синонимом некоей территории, которая обладает рядом существенных признаков, отличающих ее от другого пространства. Так, например, Волкова Ю. Г. дает следующее определение региона: «...часть территории, обладающей общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий» [6, с. 25].

Для социологов свойственно акцентировать внимание на социальных аспектах термина «регион», рассматривая его как общность индивидов, развивающихся и функционирующих согласно определенным нормами и правилам, установленным в данном обществе. К примеру, Барбаков Ю. М. видит регион как «целостную социальную систему, обладающую всеми признаками социума, имеющую единую структуру, формирующие подструктуры, соответствующие им социальные институты» [2, с. 98].

В политологии сущностным ядром становится государственное политическое устройство той страны, внутри которой существует регион, то, какие функции и полномочия он имеет в связи с данным обстоятельством. Другими словами, для исследователя крайне важно осознавать, в какой именно стране расположен изучаемый им объект. Так, Лексин В. Н. и Швецов А. Н. используют в своих исследованиях понятие «регион», под которым понимают субъект Российской Федерации, административно-территориальное образование и даже город [9].

В отличие от строго внутривнутригосударственного подхода, позиционирование региона как объединения некоей группы стран, связанной между собой определенными типичными для них чертами, весьма свойственно экономической науке. Кузнецова С. А. дает следующее определение: «...обширный район, группа соседствующих стран или территорий, которые объединены по каким-либо признакам (например, Азиатско-Тихоокеанский регион, Сибирь, Южные районы страны)» [8, с. 1110].

Кроме того, в экономике делается особый акцент на существовании региона как системы, при этом исследователи замечают, что рассматриваемая дефиниция является не только статичной, но и претерпевающей определенные изменения в процессе своего развития территорией. На такие важные свойства, как системность и динамичность, указывают формулировки, которые зачастую используются учеными для описания сущности данного понятия: «...выделившаяся в процессе общественного (территориального) разделения труда часть территории...» [10, с. 158], «...достаточно высокий уровень развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры...» [13, с. 4], «...общность и специфический по отношению к другим территориям характер воспроизводственного процесса...» [10, с. 158] и другие. Ярким примером может служить формулировка понятия, данная Винокуровым М. А.: «...подсистема народного хозяйства, организованная на основе взаимодействия отраслевого и территориального разделения труда» [4, с. 3].

Некоторые ученые при формулировании понятия «регион» подходят к данному вопросу с нестандартной точки зрения, рассматривая его не как некое пространство, территорию либо систему, что является наиболее распространенным и привычным для нас, а видят регион как нечто абстрактное и оригинальное в своей исключительности. Так, например, Хеттне Б. заявляет, что рассматриваемая дефиниция есть не что иное, как «...процесс, так как регионы всегда эволюционируют и изменяются» [1, с. 31]. В данной трактовке совершенно отсутствуют какие-либо границы, будь то территориальные, административные, экономические и прочие, что совершенно не типично для большинства исследователей.

Еще одну неординарную формулировку изучаемого термина предложили Жангоразова Ж. С. и Устова Дж. А., справедливо отметив, что регион – это «определенная часть социального (в первую очередь населения), природного (включая природно-ресурсный и экологический), экономического, инфраструктурного, культурно-исторического и, наконец, собственно пространственного потенциалов государства, которая находится в юрисдикции субфедеральных органов власти» [17, с. 105]. Несмотря на обширную словесную конструкцию, данное определение является вполне однозначным и охватывает широкий спектр возможностей региона, которые представляются значимыми для государства, внутри которого он функционирует и развивается.

Такие исследователи, как Бутова Т. В., Тамразян Д. А. и Ядоян В. О., предлагают нетривиальное решение научных споров вокруг рассматриваемого термина посредством разработки нестандартного определения, понимая под регионом «способность потребительских и ресурсных звеньев замыкаться в рамках конкретной территории» [13, с. 4].

Множественность имеющихся подходов к определению рассматриваемого термина с дисциплинарным акцентом представлена в сводной таблице 1. Представленная систематизация включает экономический, политологический, культурологический подходы вместе с объединением различных подходов в рамках единого определения, предложенного различными исследователями, под названием «смешанный» подход.

Таблица 1

Междисциплинарная систематизация дефиниций категории «регион»

Автор определения	Понимание концепта
Экономический подход	
Новоселова А. С., Маршалова А. С.	«...достаточно самостоятельная часть социально-экономического комплекса страны с завершённым циклом воспроизводства, специфическими особенностями протекания социально-экономических процессов и особыми формами проявления стадий воспроизводства» [13, с. 3]
Добрынин А. И.	«...территориально специализированная часть народного хозяйства страны, характеризующаяся единством и целостностью воспроизводственного процесса» [15, с. 147]
Гутман Г. В.	«...территориальное образование, имеющее четко очерченные административные границы, в пределах которых осуществляется воспроизводство социальных и экономических процессов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, обусловленных местом региона в системе общественного разделения труда» [15, с. 147]
Аржановский И. В.	«...выделившаяся в процессе общественного (территориального) разделения труда часть территории страны, которая характеризуется специализацией на производстве тех или иных товаров и услуг; общностью и специфическим по отношению к другим территориям характером воспроизводственного процесса; комплексностью и целостностью хозяйства» [18, с. 2]
Шаталин С. С.	«...определенный социально-экономический организм, структура которого должна обеспечить повышение эффективности использования общественных фондов потребления, развития социальной и производственной инфраструктур» [14, с. 54–55]
Политологический подход	
Машина А. А.	«...некая территория, находящаяся в административных границах субъекта Федерации и характеризующаяся рядом признаков. К таковым можно отнести комплексность, целостность, специализацию и управляемость (иначе говоря, наличие политико-административных органов исполнительной власти)» [11, с. 141]
Игнатов В. Г., Бутов В. И.	«...территория в административных границах субъектов федерации, характеризующуюся такими основополагающими чертами как комплексность, целостность, специализация, и управляемость, то есть наличие политико-административных органов управления» [5, с. 6]
Тавбулатова З. К.	«...составная часть суверенного государства, наделенная свойственными ей природно-ресурсными, социальными, культурно-историческими, а также экономическими и инфраструктурными признаками» [17, с. 105]
Китинг М.	«...особый тип территории, промежуточный территориальный уровень между государством и местным сообществом» [1, с. 31]
Айзипова И. М., Пациорковский В. В.	«...административно-территориальная общность, которая характеризуется единством и достаточно высоким уровнем развития транспортной, производственной и социальной инфраструктуры с хорошо налаженными, постоянными социально-культурными и трудовыми связями населения» [13, с. 4]
Гладкий Ю. Н., Чистобай А. И.	«...субъект Федерации либо объединение нескольких субъектов с соблюдением принципа кратности районирования» [3, с. 4]

Автор определения	Понимание концепта
Культурологический подход	
Лескин В.	«... исторически сложившееся на определенной территории сообщество людей в составе одного большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, макроячейка его социокультурного пространства» [13, с. 3]
Бусыгина И. М.	«... целостная система со своими структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения» [15, с. 148]
Смешанный подход	
Бильчак В. С., Захаров В. Ф.	«... социально-экономическая целостность, характеризующаяся структурой производства всех форм собственности, концентрацией населения, рабочих мест, духовной жизни человека из расчета на единицу пространства и времени, имеющая местные органы управления своей территорией (республика, край, область)» [1, с. 22]
Кистанов В. В., Копылов Н. В.	«... часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий, отличающаяся какими-либо функциональными признаками» [7, с. 15]
Лапин А.	«... территориальная единица экономической, социальной, политико-административной и культурной структуры страны» [13, с. 3]
Черныш Е. А.	«... часть территории с более или менее однородными природными условиями, специфическими экономическими, демографическими, историческими условиями, на которой функционирует определенный комплекс отраслей производства, производственной и социальной инфраструктуры» [18, с. 3]

Источник: составлено автором на основе систематизации источников

Как видим, термин «регион» имеет множество разнообразных значений и зачастую представляет собой отдельные комплексы элементов и территориальных единиц (как в качественном, так и в количественном аспектах). Данное понятие часто сужается до конкретного типа регионов, таких как экономические, административные, городские, социальные, демографические регионы, регионы планирования, ландшафта и другие. Термин используется как для определения больших площадей, так и для обозначения совсем маленьких зон.

Несмотря на кажущуюся простоту и лаконичность определений «региона» по признаку сферы научного знания, не следует забывать, что в большинстве своем многие науки тесно переплетаются между собой, дополняя друг друга как эмпирически, так и теоретически. Трансдисциплинарность проявляется в существовании таких трактовок изучаемого термина, которые комбинируют необходимые признаки и свойства, выделенные исследователями из разных областей. Таким образом, формируются комплексные определения, которые дают более полную картину характеризуемого термина и могут применяться в исследованиях разной направленности, как, например, трактовка дефиниции «регион» Самариной В. П.: «... социально-экономическая система с позиций взаимодействия и сбалансированного развития трех ее основных составляющих: природной среды, общества, хозяйства» [16, с. 17].

Удачным примером применения смешанного подхода в отношении рассматриваемого термина можно считать определение, разработанное Бусыгиной И. М., которая обозначила регион как «целостную систему со своими

структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения» [15, с. 148]. В этом случае сохраняются два важнейших свойства региона, такие как системность и динамичность характеризуемой территории, в то же время в рассматриваемом понятии отражается междисциплинарный подход, применяемый исследователем для расширения заинтересованной аудитории.

Тем не менее ни один из вышеприведенных дисциплинарных подходов не привел к созданию единого унифицированного определения «регион», формулирование которого удовлетворяло бы большинство представителей различных сфер научного знания: одно и то же понятие зачастую употребляется для описания как гомогенных, так и гетерогенных регионов, которые характеризуются большим количеством разнообразных черт. Такой когнитивный и методологический хаос в научной литературе зачастую приводит к недопониманию и ненужным формальным спорам, препятствуя развитию тех наук, которые непосредственно занимаются исследованием различных регионов и их особенностей.

На наш взгляд, существующая множественность формулировок дефиниции «регион» связана в основном с тем фактом, что регион не является предметом исследования ни одной из вышеперечисленных наук, что ведет к выделению в предлагаемых определениях исключительно специфических каждой конкретной науке черт и полным игнорированием других. Следовательно, возникает объективная необходимость в появлении нового направления научного знания, предметом которого станет непосредственно сам регион как таковой. По мнению польских исследователей Кореник С. и Миштшак К., данному критерию соответствует так называемая пространственная экономика, или пространственная организация [23].

Согласно позиции авторов, пространственная экономика как точная наука относится к познанию и описанию деятельности человека в пространстве, в то время как с точки зрения нормативной науки она описывает эту деятельность с помощью практически осуществимых методов и принципов. Пространственная организация фактически содержит целый комплекс действий, связанных с модификацией окружающей среды, нацеленной на рациональное использование природных ресурсов для улучшения человеческой жизни, создание базы для развития и защиты уже существующих основ устойчивого развития для будущих поколений.

С нашей точки зрения, наиболее оптимальный вариант термина «регион» дают исследователи пространственной экономики, которые в общих чертах определяют регион как зональную подсистему пространственного характера, которая включает ряд соседних областей, отличающихся от других смежных областей определенными критериями [22]. В данном случае представляется необходимым наличие четкого разграничения критериев, используемых для определения границ областей. В работах, касающихся данной темы, можно найти значительное количество материала и множество способов определения термина «регион», которые зачастую сильно различаются относительно понимания ассоциированного пространства и его особенностей.

Современная литература, посвященная разграничению понятия «регион», предусматривает три фундаментальных критерия различия [19]:

1. физико-географический,

2. экономико-пространственный,
3. административный – принятие существующей административной структуры пространства.

Процесс регионального определения границ, основанный на вышеупомянутых критериях, показан на рисунке 1.

Рис. 1. Схема определения типа региональных границ, основанная на выбранных критериях

Источник: составлено автором на основе [21]

В рамках физико-географического критерия определение понятия «регион» основано на естественных качествах и особенностях области, таких как биологические, атмосферные и гидрологические параметры. Второй критерий учитывает не только запасы природных ресурсов, но также и деятельность человека, связанную с организацией пространства. Наконец, третий критерий имеет дело исключительно со структурой государственного управления в данном временном отрезке.

Кроме того, следует отметить, что регион – это не только экономическая и пространственная структура, но также и сообщество, характеризуемое определенной идентичностью (культурной, этнической, экономической). Такое сообщество определяется конкретными поведенческими моделями, обычаями, традициями и т. п., которые являются, с одной стороны, объединяющими факторами, а с другой стороны – теми элементами, которые отличают одно сообщество от других.

Следовательно, необходимо ввести два дополнительных термина для уточнения значения «местного сообщества». Первым термином – «региональный уровень» – обозначается область, характеризующаяся экономической, исторической, социальной и культурной однородностью, которая составляет социально-экономическую идентичность сообщества (выраженная в рамках этнических или культурных различий, определяющих экономические отношения внутри данного сообщества и отличающие его от других социальных групп) [21].

Другой термин – «региональная субъективность» [20] – характеризуется такими параметрами, как культурный, экономический и политический, которые визуально представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Параметры региональной субъективности
Источник: составлено автором на основе [20]

В то время как под культурным аспектом понимается как духовная, так и историческая преемственность поколений, дань традициям, а под экономическим – ориентир региона на возможную финансовую независимость и потенциальную самостоятельность, под политическим параметром подразумевается субъективизация регионального сообщества (регион должен иметь право избирать местные руководящие органы посредством демократических выборов) с сохранением автономии в отношении принятия различных решений, собственности и налоговой политики. Кроме того, типология регионов может быть основана на определении уровня экономического роста. Данный параметр отражает имеющееся количество ресурсов отдельных регионов, дифференцированный темп протекающих процессов и уровень развития самой территории. Суть данного подхода заключается в идентификации социально-экономических проблем в исследуемом регионе.

В целом, наиболее исчерпывающее определение понятия «регион» сформулировано представителями нового научного направления под названием

пространственная экономика, или пространственная организация, в основе которого лежит критериальность. На основе сформулированных критериев, специализированных терминов (таких как региональный уровень, региональная субъективность и ее параметры) появляются универсальные типологии регионов, которые не исчерпывают потенциал для дальнейшей разработки новых классификаций и определения роли региона в современной пространственной экономике, но с позиции дальнейшего обсуждения и литературных ссылок в данной работе представлены важнейшие вопросы и проблемы.

ВЫВОДЫ

Проведение анализа наиболее часто встречающихся трактовок термина «регион» в различных областях знаний наряду с их систематизацией позволило установить коннотативную асимметрию с расставляемыми исследователями акцентами согласно их научной сфере. На наш взгляд, наиболее оптимальный вариант формулировки дефиниции «регион» дают представители нового научного направления под названием «пространственная экономика», или «пространственная организация», по причине непосредственного рассмотрения региона как предмета данной сферы знаний.

Несомненным преимуществом перед трактовками данного понятия представителями других наук является введенная дифференцирующая критериальность, охватывающая физическо-географические, экономическо-пространственные и административные характеристики. Более того, особенно подчеркивается, что понятие «регион» включает как экономическую и пространственную структуру, так и местное сообщество со своей локальной идентичностью, которая определяется региональным уровнем и региональной субъективностью конкретной территориальной единицы. Дальнейшими перспективами исследования может стать разработка комплементарного понятийного аппарата для сужения словесной оболочки рассматриваемого понятия с целью повышения удобства его применимости в различных областях знаний.

Список литературы

1. Балде К. Б. Роль регионов в экономической интеграции ЕС // Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления в XXI веке. 2015. № 7. С. 29–32.
2. Барбаков О. М. Региональное управление: реалии и перспективы. СПб.: Лань, 2000. 288 с.
3. Горшенина Е. В. Регион как объект экономического исследования // Экономические исследования. 2010. № 1. С. 1–14. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-obekt-ekonomicheskogo-issledovaniya-1>.
4. Гусейнов А. Г. Методологические проблемы определения понятия «экономический регион» в контексте выделения региональной экономики как самостоятельного научного направления // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 1–7.
5. Игнатов В. Г., Бутов В. И. Регионоведение (экономика и управление). Ростов н/Д: МарТ, 2000. 416 с.
6. Казаченко Л. Д. Обзор научных подходов к определению категории «регион» // Вестник-экономист ЗабГУ (электронный научный журнал). 2012. № 4. С. 1–30. [Электронный ресурс]. URL: <http://vseup.ru>.

7. Кистанов В. В., Копылов Н. В. Экономическая география России и стран ближнего зарубежья. М.: Высшая школа, 2005. 551 с.
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
9. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Либроком, 2016. 370 с.
10. Малахова О. Б. Характеристика и особенности развития приграничных регионов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 9–2. С. 156–160.
11. Машина А. А. Стимулирование экономического роста региона // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 33. С. 141–150.
12. Некрасов Н. Н. Региональная экономика. М.: Экономика, 1978. 340 с.
13. Петрова Ю. И., Кривцова М. К., Подзорова М. А., Скопинский А. И. Понятие региона в контексте обеспечения возможности саморазвития территории в рамках единого государства // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 4 (23). С. 1–9. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22675620_92600381.pdf naukovedenie.ru/PDF/25EVN414.pdf.
14. Протасов А. С. Соотношение понятий «регион» и «региональная экономика» с позиций системного подхода // Вестник ЧелГУ. 2009. № 1 (139). С. 53–56.
15. Савельев А. В. Обзор подходов к определению понятия «регион» // Известия СПбУЭФ. 2013. № 6 (84). С. 146–148.
16. Самарина В. П. Социально-экономическое развитие проблемных регионов: теоретико-методологический аспект. Старый Оскол: ТНТ, 2010. 128 с.
17. Тавбулатова З. К. Экономическое содержание понятия «финансы региона» // Пространство экономики. 2012. Том 10. № 2. Часть 3. С. 104–107.
18. Шимин Н. А. Новый подход к трактовке понятия «туристский регион» // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. № 4 (24). С. 1–6. [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.mcnip.ru>.
19. Fenko A. B. Regions Up and Down; (re)Defining the Nature and Effects of the European Union Regional Agency // Journal of European Integration. Vol. 35. Iss. 1. 2013. P. 91–97. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07036337.2013.742245>.
20. Korenik S. Development of the region in the context of innovations – opportunities and threats // Biblioteka Regionalisty. № 16. 2016. P. 45–52. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dbc.wroc.pl/Content/36674/Korenik_Development_Of_The_Region_The_Context_Of_Innovations_2016.pdf.
21. Korenik S. Economic region in new public-economic realities. Warszawa: CeDeWu, 2011. 194 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.studreg.uw.edu.pl/pdf/2012_1_nowak_rec.pdf.
22. Schmitt-Egner P. The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. Vol. 24. Iss. 3. 2010. P. 179–200. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07036330270152196>.
23. Zakrzewska-Poltorak A. The smart city concept and its importance in the development of urban space // Biblioteka Regionalisty. № 15. 2015. P. 103–111. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dbc.wroc.pl/Content/32974/Zakrzewska-Poltorak_The_Smart_City_Concept_And_Its_Importance_2015.pdf

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 339.9

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДВУСТОРОННИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И РОССИИ

Науменко Р. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
E-mail nauменко23011994@gmail.com*

Двусторонние экономические отношения Индии и России занимают особое положение в процессе исследования воздействия межгосударственных взаимосвязей на мировую экономику. Расширение стратегического партнерства стран в сфере экономики и политики предусматривает необходимость учета комплекса факторов экономического развития государств, среди которых особое положение занимают историко-культурные и географические особенности кооперации. В статье представлена спецификация гравитационного уравнения, позволяющая оценить значение указанных факторов при формировании механизмов оптимизации билатеральных российско-индийских экономических отношений.

Ключевые слова: Индия, Россия, билатеральные экономические отношения, гравитационное уравнение, историко-культурные и географические факторы.

ВВЕДЕНИЕ

Двусторонние и многосторонние экономические отношения в современном мире основаны на комплексе показателей, характеризующих причинно-следственную связь функционирования тех или иных взаимоотношений. В условиях глобализации первостепенное значение отводится рыночной кооперации, что предполагает доминирование экономических факторов над неэкономическими.

Российско-индийское экономическое сотрудничество является чрезвычайно важным элементом экономической трансформации стран, в частности, и мировой экономики в целом. Статус стратегических партнеров в совокупности с благоприятными, но не системообразующими экономическими взаимосвязями является базисом диверсификации и экономического роста экономик Индии и России [1].

Формирование приоритетов билатеральной оптимизации Индии и России предусматривает необходимость комплексного анализа экономических и неэкономических особенностей взаимосвязей, что требует систематизации значительных объемов информации, характеризующих междисциплинарный аспект исследования.

Целью данной работы является выявление значения неэкономических факторов при определении направлений оптимизации билатеральных российско-индийских экономических отношений.

Вопросам изучения степени воздействия историко-культурных и географических факторов на экономические отношения стран посвящен значительный объем научных исследований [Каукин А, Идрисов Г., Маккалум Дж., Брюн Ж., Мело Дж., Гуилламон П., Карере С., Итон Дж., Кортум С., Фаджиоло Дж.

и др.]. Однако сегодня их значение в экономических взаимосвязях Индии и России является неопределенным.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

При анализе потенциала билатеральных экономических отношений необходимо уделять особое внимание вопросам исторической, культурной и географической близости стран. В историческом контексте важно осознавать современное положение государств и его взаимосвязь с историческим прошлым в рамках обзора причин возникновения и развития тех или иных событий [2]. Система этих взаимоотношений отражает основы стиля экономического мышления региона, что необходимо в контексте определения степени использования экономического потенциала партнерства. Именно формирование менталитета нации посредством общественно-политической и экономико-культурной деятельности лежит в основе коренных государственных преобразований [3]. Все это может быть следствием «структурного консерватизма», при котором стабильность государства обеспечивается исторической легитимацией современности [4].

Кроме того, с теоретической точки зрения культурная близость упрощает процесс бизнес-коммуникации на всех уровнях экономической жизни, а расстояние между экономическими центрами обуславливает зависимость экспортоориентированных отраслей от транспортных издержек.

География и экономика всегда имели точки соприкосновения предметов исследований. При этом направления изучения характеризовались моделированием процессов в экономике и непосредственным географическим размещением предприятий. Современное понимание мировой экономики строится на новой экономической географии, в основе которой лежит концепция рыночного потенциала (сила экономических взаимосвязей регионов). Она основана на существующем совокупном спросе всех регионов на товары и услуги данного региона с учетом расходов на преодоление расстояния [5, 6].

Принимая во внимание комплексный характер экономических отношений, необходимо охарактеризовать степень экономической преемственности исследуемых государств.

Российская Федерация на протяжении почти 70 лет являлась частью Союза Советских Социалистических Республик. В его рамках существовала единая система экономических отношений, в основе которой лежал принцип международного разделения труда. Безусловно, установление прозрачных и объективных предпосылок данного процесса является затруднительным ввиду массовой фальсификации экономических данных в то время. Однако в настоящее время бытует мнение, что современные экономические отношения России характеризуются географическим положением и историческим прошлым государства (ориентация на промышленность и АПК), в частности тесными взаимоотношениями с Беларусью и Казахстаном, залогом успешности которых было именно сосуществование в рамках СССР [7].

Индия, в свою очередь, до провозглашения независимости (1947 г.) являлась частью колониальной системы Великобритании, что с точки зрения теории экономических взаимоотношений должно оказывать воздействие на современное положение государства в мировой экономике. Издержки на налаживание экономических контактов с бывшими колониальными донорами и метрополией должны быть ниже, нежели строительство нового фундамента независимой внешнеэкономической политики. Кроме того, развитая сфера услуг имеет низкое соотношение с расстоянием до сбыта продукции, что повышает открытость экономики и расширяет спектр экономических партнеров.

Кроме того, в теории существование в рамках одной государственной системы формирует культурную близость ее элементов, основанную на принципах понимания, единения и взаимоуважения.

Безусловно, важным аспектом анализа экономики государства является учет конфликтов военно-политического характера, регулирование которых имеет первостепенное значение с точки зрения стабильности современных экономических отношений. Так, Кашмирский и Тибетский вопросы оказывают существенное значение не только на экономические отношения Индии с Пакистаном и Китаем, но и на религиозное спокойствие внутри государства, а следовательно, и на национальную безопасность региона [8]. Россия также имеет внешнеполитические конфликты, оказывающие непосредственное воздействие на ее экономику. Однако данный параметр является многофакторным, что делает невозможным процесс получения объективных данных.

Гравитационный подход активно применяется для анализа различных параметров двусторонних экономических отношений, так как позволяет выявить комплексную взаимосвязь элементов экономической цепочки.

Основу гравитационного уравнения составляет классический набор индикаторов (товарооборот между странами, их ВВП и расстояние между ними), выделенных Я. Тинбергеном [9]. С учетом анализа двусторонних экономических отношений скорректируем гравитационную модель путем исключения идентичного показателя (ВВП Индии и России):

$$\ln T_{ij} = a_0 + a_1 \ln Y_j + a_2 \ln D, (1)$$

где T_{ij} – товарооборот между странами, $\ln Y_j$ – ВВП страны-партнера, выбранной в качестве анализа, D – расстояние между странами (географический фактор), a_1, a_2 – коэффициенты эластичности товарооборота от ВВП и расстояния.

Индикаторами историко-культурного значения выступают фиктивные переменные, принимающие значения 1 и 0, что преобразует уравнение:

$$\ln T_{ij} = a_0 + a_1 \ln Y_j + a_2 \ln D + a_3 \ln COMCOL + a_4 \ln CONT + a_5 \ln COMLANG - OFF + a_6 \ln COMLANG - ETHNO + a_7 \ln COLONY, (2)$$

где $COMCOL$ – если страны были в составе одной колонии после 1945 года, $CONT$ – наличие общей границы, $COMLANG - OFF$ – 1, если страны имеют общий официальный язык, $COMLANG - ETHNO$ – 1, если на одном языке общаются более 9 % жителей в обеих странах, $COLONY$ – 1, если страны состояли в колониальных отношениях.

Задачи исследования предусматривают поиск экономических взаимосвязей и выявление трендов. В качестве источников информации используются базы данных Таможенной службы России, Министерства торговли и промышленности Индии, ЮНКТАД, СЕРП. Статистика по товарообороту и ВВП была взята за 2016 год. Анализ включал в себя 99 билатеральных цепочек для Индии и 67 для России.

Географические структуры экспорта и импорта Индии несколько разнятся. Основное место во внешней торговле Индии отводится США, Китаю и ОАЭ. Однако если говорить об экспорте, то здесь ключевую роль играют экономические отношения с Великобританией, Гонконгом и Сингапуром. Импорт, в свою очередь, ориентирован на Германию, Швейцарию, Саудовскую Аравию, Южную Корею и Австралию.

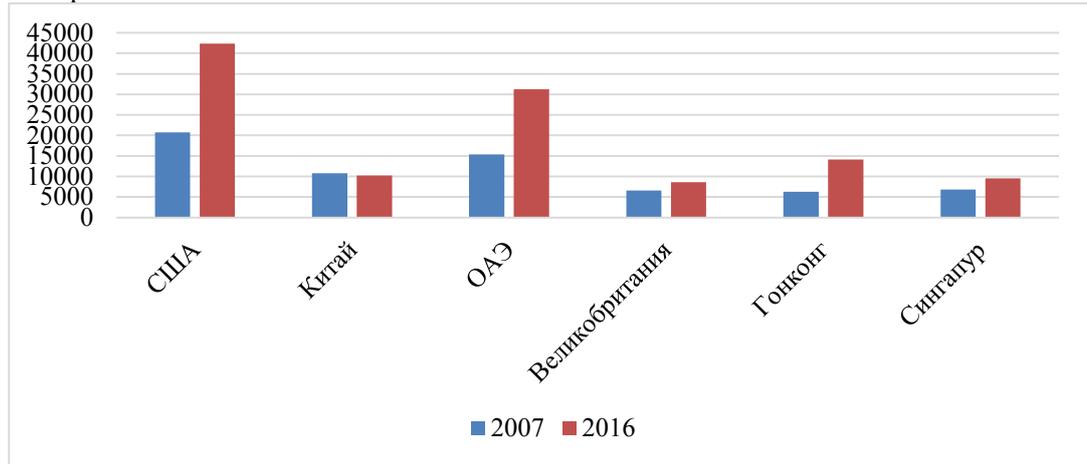

Рис. 1. Географическая структура экспорта Индии в 2007–2016 гг.
Источник: составлено автором на основе [10]

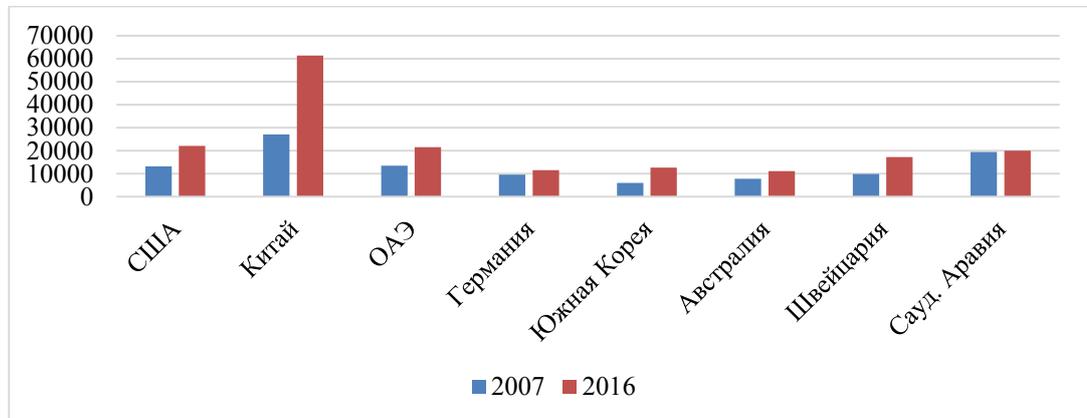

Рис. 2. Географическая структура импорта Индии в 2007–2016 гг.
Источник: составлено автором на основе [10]

Европейский союз является крупнейшим торговым партнером Индии (13 % совокупной внешней торговли). В ЕС ввозится текстиль и одежда, продукция химической промышленности и машиностроения. Индия же импортирует из ЕС драгоценные металлы и камни [11].

Проведем эмпирическую оценку уравнения (2) для Индии при помощи метода наименьших квадратов. Вычисления будут осуществляться при помощи программного пакета эконометрических исследований «Gretl». Расчеты представлены на рис. 3.

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	5286,34	1750,71	3,020	0,0033
GDPc	0,00419893	0,000337559	12,44	2,45e-021
Dist	-0,390531	0,209567	-1,864	0,0656
comcol	3959,49	2020,40	1,960	0,0531
contig	700,107	3245,94	0,2157	0,8297
comlang_off	29,9388	2821,54	0,01061	0,9916
comlang_ethno	-1581,30	2702,94	-0,5850	0,5600
colony	-33,6817	7388,89	-0,004558	0,9964

Рис. 3. Расчетные значения гравитационной модели историко-культурных факторов Индии по методу наименьших квадратов

Источник: составлено автором на основе [12–14]

Полученные данные говорят о средних значениях историко-культурных факторов во внешнеэкономической политике Индии. Взаимоотношения с метрополиями прошлого и единый язык оказывают не существенное воздействие в настоящее время на экономические отношения государства. Следует отметить лишь особое положение колониальной системы и налаженные в ее времена экономические контакты стран. Ключевое значение приобретают ОАЭ, Гонконг, Сингапур и Малайзия, являющиеся частью этой системы, на долю которых приходится 16,6 % совокупного товарооборота Индии. В целом, бывшие колониальные страны составляют почти 30 % индийской внешней торговли.

Показатель общей границы не занимает особого места в экономической политике Индии, в то время как коэффициент расстояния оказался значимым и отрицательным, что укладывается в общепринятый постулат гравитационных уравнений о существовании обратной связи торговли и расстояния между центрами притяжения экономической силы. Тренд взаимосвязи данных показателей также подтверждает имеющиеся при расчетах значения.

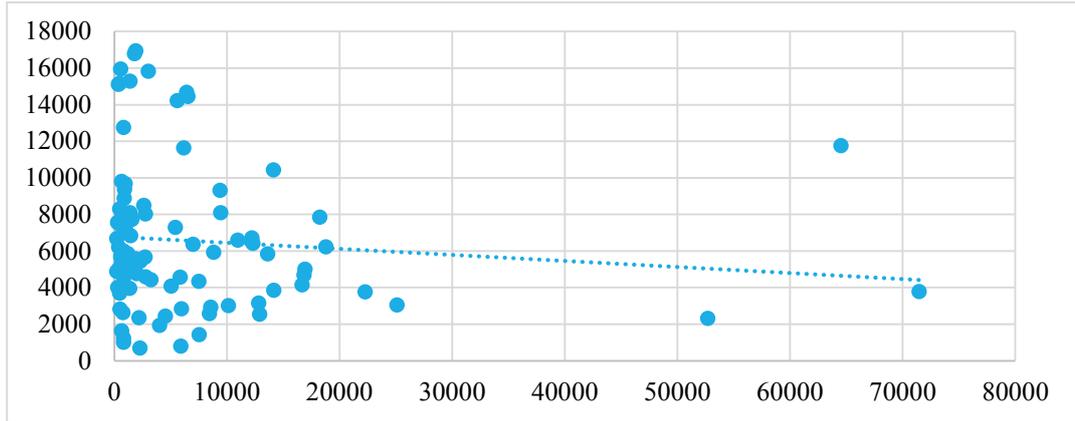

Рис. 4. Тренд зависимости товарооборота Индии от расстояния до страны-партнера

Источник: составлено автором на основе [12–14]

Причиной столь невысокого показателя приграничных стран в экономике Индии может служить межгосударственная конкуренция с Китаем. Доминирование Китая предполагает его повышенную привлекательность в экономической кооперации с более мелкими государствами Юго-Восточной Азии [15]. Увеличение объемов финансовой помощи странам АСЕАН свидетельствует об активизации геоэкономической политики Индии в данном регионе [16].

Гетероскедастичность данных отсутствует (тест Уайта), что говорит о корректности выбора метода исследования. Коэффициент детерминации данной модели составляет 0,65. Следовательно, полученная взаимосвязь является видимой с точки зрения анализа экономической политики Индии, однако не носит характера первостепенной. Исходя из этого, мы можем говорить о высокой роли рыночных отношений в системе внешнеэкономической деятельности страны. Все это подтверждается зависимостью масштабов внешней торговли от масштабов экономики партнера, наиболее крупные представители которых расположены в топ-40 торговых партнеров Индии. На их долю приходится 89 % внешней торговли страны.

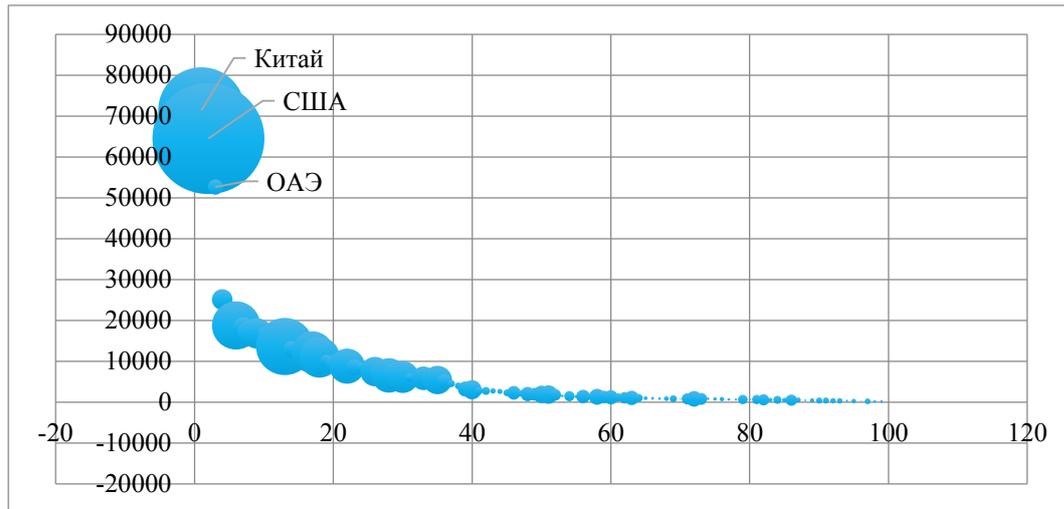

Рис. 5. Тренд взаимозависимости товарооборота Индии и масштабов экономики страны-партнера

Источник: составлено автором на основе [12–14]

В качестве приоритетных векторов экономического развития государства следует отметить европейское, американское и японское направления. Именно эти страны обеспечивают развитие наукоемких отраслей Индии и получение стабильных финансовых активов [16, 17].

Россия также имеет собственные особенности внешнеторгового сотрудничества, характеризующиеся масштабными изменениями в последние годы. Существенно возрастает значение восточного вектора внешнеэкономической деятельности, что активизирует гравитационные эффекты России, Китая и Индии [18]. Китай обеспечивает более 10 % совокупного товарооборота РФ. В то же время сокращается экспорт в страны ЕС и США (в сравнении с 2006 годом показатели выросли, однако в 2012–2013 годах товарооборот с США был выше, чем в 2016 году). Важно отметить стабильное сотрудничество с Казахстаном и систематический рост торговли с Беларусью.

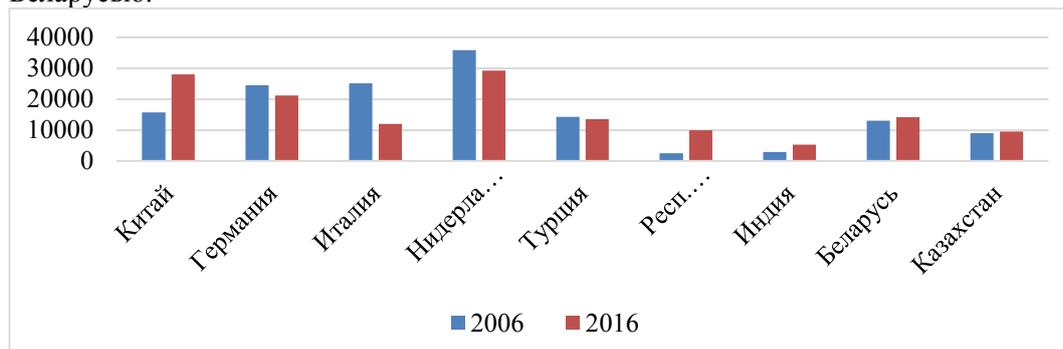

Рис. 6. Изменение направлений экспорта России (2006–2016 гг.)

Источник: составлено автором на основе [19]

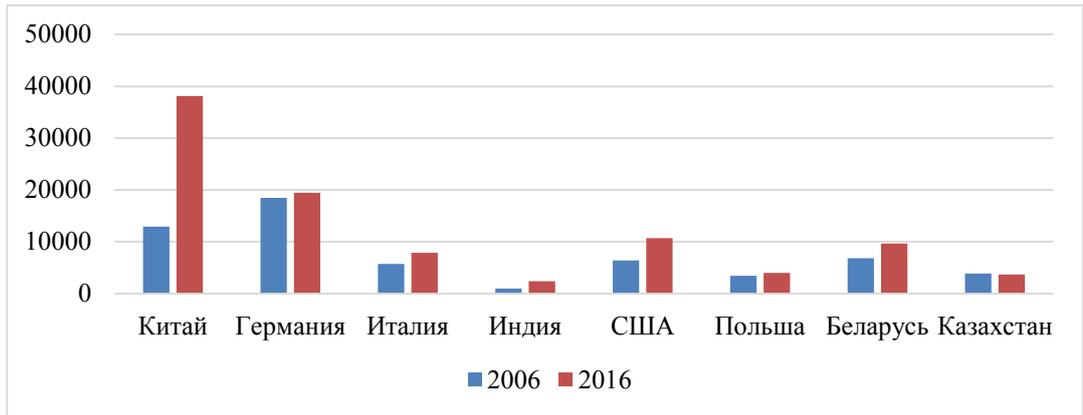

Рисунок 7. Изменение направлений импорта России (2006–2016 гг.)
 Источник: составлено автором на основе [19]

Проведем идентичный анализ модели (2) для России. Единственным исключением будет отсутствие в спецификации Российской Федерации показателя, отражающего единство существовавшей ранее колониальной системы. Так как страна является правопреемницей СССР, по данным СЕРП, к ней подобный индикатор не применим. Расчеты представлены на рис. 8.

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	6057,73	1933,26	3,133	0,0027
Yc	0,00234561	0,000387068	6,060	9,75e-08
D	-0,537967	0,276239	-1,947	0,0562
contig	7308,20	3082,57	2,371	0,0210
comlang_off	-2980,72	8349,08	-0,3570	0,7223
comlang_ethno	6148,45	6002,63	1,024	0,3098
colony	-4292,30	2986,43	-1,437	0,1558

Рис. 8. Расчетные значения гравитационной модели историко-культурных факторов России по методу наименьших квадратов
 Источник: составлено автором на основе [12, 13, 19]

Указанные показатели умеренно оказывают воздействие на торговые отношения России. Гетероскедастичность отсутствует. Коэффициент детерминации равен 0,46. В структуре уравнения взаимосвязь направления торговли с культурной близостью стран является слабой. Фактически лишь 4 государства имеют общий язык (Беларусь, Казахстан, Израиль, Киргизия), что является несущественной особенностью в масштабах выборки. Более значимая роль отводится именно географическим особенностям. Коэффициент расстояния имеет еще более отрицательное значение, чем у Индии, что усилено в том числе протяженностью российской территории.

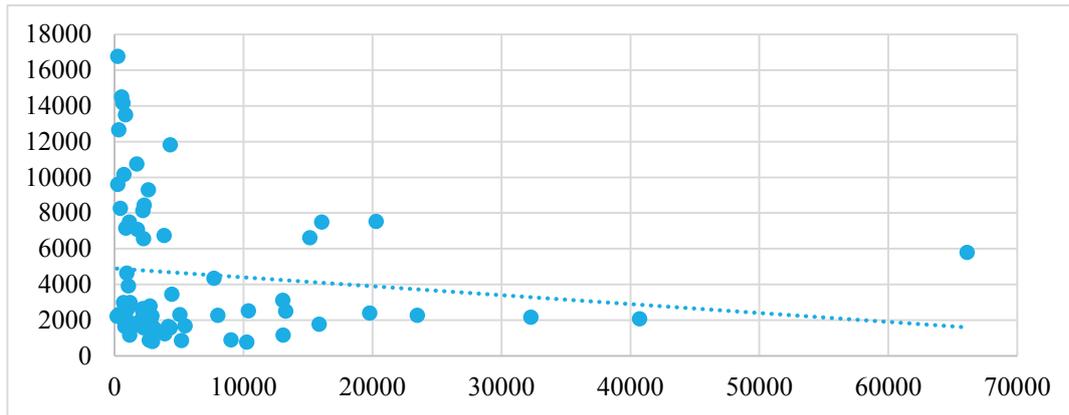

Рис 9. Тренд зависимости товарооборота России от расстояния до страны-партнера

Источник: составлено автором на основе [12, 13, 19]

Общая граница, несомненно, является одним из важнейших факторов направления внешней торговли. Высокое значение этого индикатора объясняется существующим Евразийским экономическим сообществом, которое предоставляет масштабные преференции при торговле с Беларусью и Казахстаном (4 и 12 место в совокупном товарообороте России). Следует также отметить определенную роль СССР в экономике современной России, практически укладывающуюся в 15 % вероятность ошибки, признанную допустимой нормой в гравитационной практике.

Значение рассматриваемых факторов для внешней торговли России немного меньше, чем для Индии. Государство также ориентировано на рыночные отношения, стремясь реализовать собственный природно-ресурсный потенциал. Большинство крупных мировых экономик входит в топ-30 стран – партнеров России. На них приходится 88 % совокупной внешней торговли государства.

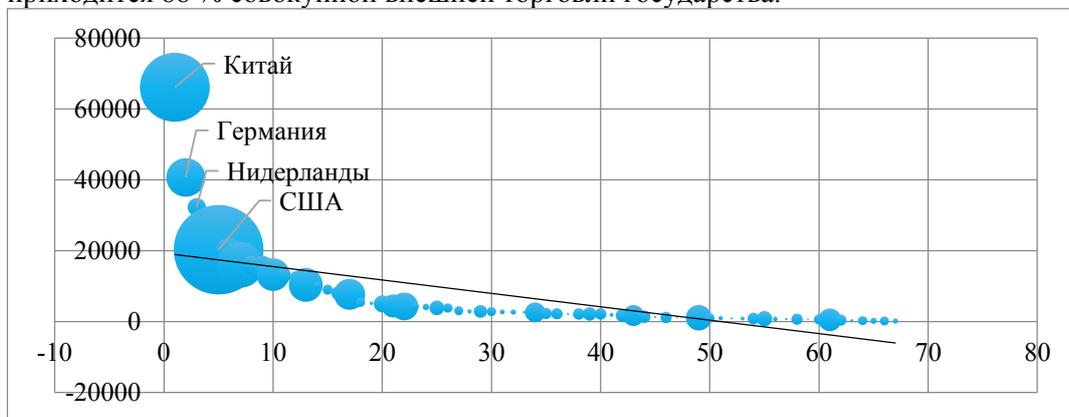

Рис. 10. Тренд взаимозависимости товарооборота России и масштабов экономики страны-партнера

Источник: составлено автором на основе [12, 13, 19]

ВЫВОДЫ

Созданная спецификация гравитационного уравнения в точности характеризует значение неэкономических факторов в российско-индийских экономических отношениях. Экономике стран слабо подвержены историко-культурному воздействию. Государства при выборе направления экономической политики руководствуются в основе базовыми принципами рыночного мироустройства, где вопросы исторического прошлого и культурной близости уходят на второй план. Географический фактор имеет более существенное значение, определяя некоторые второстепенные аспекты кооперации.

Следовательно, мы можем говорить об отсутствии влияния основных неэкономических трудностей на билатеральные экономические отношения Индии и России. В связи с этим перспективы взаимоотношений укладываются в концепцию взаимовыгодного экономического развития, ключевыми элементами которой являются состояние экономик и параметры экономической гравитации стран.

Следует учитывать, что полученные выводы открывают при дальнейших исследованиях ряд направлений, среди которых:

1. Обусловленность оптимизации двусторонних экономических отношений Индии и России в рамках гравитационного подхода.

Необходимо выявить значение взаимоотношений крупных экономик в процессе поиска инструментов преодоления экономических кризисов внутригосударственного характера. Изменения данных взаимосвязей будут оказывать значительное воздействие на процессы трансформации мировой экономики.

2. Выявление значения развития российско-индийских экономических отношений в условиях построения гравитационного экономического равенства в БРИКС.

Экономическое доминирование Китая в БРИКС ставит под угрозу экономическую безопасность стран – участниц объединения, что указывает на невозможность экономического развития группы. В сложившихся условиях необходимо оценить степень воздействия экономического сближения Индии и России на формирование сбалансированного экономического пространства в БРИКС.

Список литературы

1. Науменко Р. В., Никитина М. Г. Приоритетные направления развития внешнеторговых отношений РФ и Индии // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 118–128.
2. Семенкова Т. Г. Место истории в экономической науке и роль истории в экономическом образовании // Теория и история экономики, государства и права. 2012. № 2. С. 35–38.
3. Боярчук Т. Н. Влияние исторического прошлого на менталитет белорусов // Исторические и политологические исследования. 2012. № 1. С. 261–272.
4. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2. С. 1–7.
5. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований, Канадское агентство по международному развитию [и др.] [О. Луговой и др.]. М.: ИЭПП, 2007. 164 с.
6. Гладкий Ю. Н., Никитина М. Г., Маруненко Н. В. Геоэкономика: предмет исследования и тенденции развития / Известия русского географического общества. 2004. № 3. С. 1–12.

7. Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики: монография: в 3 т. / под ред. А. Б. Яценко. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017.
8. Ивашенцев Г. А. Россия – Индия: новые горизонты давнего партнерства // Вестник МГИМО. 2017. № 2. С. 7–23.
9. Tinbergen J. An analysis of world trade flows. New York: Twentieth Century Fund, 1962.
10. Официальный сайт Резервного банка Индии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbi.org.in>.
11. Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu>.
12. Официальный сайт Министерства торговли и промышленности Индии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.commerce.nic.in/>.
13. Официальный сайт конференции ООН по торговле и развитию [Электронный ресурс]. URL: <http://unctadstat.unctad.org>.
14. Официальный сайт Центра перспективных исследований и международной информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cepii.fr>.
15. Frankel Francine R. The Breakout of China – India Strategic Rivalry in Asia and the Indian Ocean // Journal of International Affairs. 2011. [Электронный ресурс]. URL: www.indiaus.org/resource/resmgr/docs/article_by_francine_frankel.pdf.
16. Галищева Н. В. Восточноазиатский вектор внешнеэкономической политики Индии: приоритеты в ЮВА // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 4. С. 643–653.
17. Bhattacharyya R., Banerjee T. Does the gravity model explain India's direction of trade? A panel data approach // Research and Publications. 2006. С. 1–18.
18. Привалов Н. Г., Привалова С. Г. Китайский, индийский и японский проекты для геоэкономики России // Агропродовольственная политика России. 2013. № 10. С. 11–19.
19. Официальный сайт Федеральной таможенной службы России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru> 2017.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 332.12: 332.012.2: 339.9

ТЕРРИТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОМПЕНДИУМ

Никитина М. Г., Шутаева Е. А., Побирченко В. В., Мираньков Д. Б.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: viktoriya_crimea@list.ru

Коллектив авторов под руководством д. э. н., д. г. н., проф. Никитиной М. Г. завершил реализацию научного проекта РФФИ № 16–06–00423–а. В процессе исследования была сформулирована системно-эволюционная парадигма взаимодействия общества и территории как объективной основы трансформации национальной социально-экономической системы в контексте российской геоэкономической школы. Результаты, полученные в процессе реализации проекта «Территория и общественное развитие», носят теоретико-методологический и прикладной характер. Некоторые публикации еще находятся в печати. В статье подведены основные итоги и сделаны выводы в отношении тактических и стратегических приемов, предпринятых в решении обозначенной проблемы. **Ключевые слова:** социально-экономическая система, социально-экономический процесс, территория, освоение территории, общественное развитие, общественная организация территории, социально-экономическая территориальная система, социохозяйственная система, территориальная организация, процессно-временной подход, системно-генетический подход.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе реализации научного проекта РФФИ № 16–06–00423–а «Территория и общественное развитие» коллективом авторов под руководством д. э. н., д. г. н., проф. Никитиной М. Г. была сформулирована системно-эволюционная парадигма взаимодействия общества и территории как объективной основы трансформации национальной социально-экономической системы в контексте российской геоэкономической школы.

Результаты, полученные в процессе реализации проекта, носят теоретико-методологический [3; 5; 8; 10–14; 17; 19–22; 24–28; 30–32] и прикладной характер [1; 2; 4; 6; 7; 9; 15; 16; 18; 23; 29]. Некоторые публикации еще находятся в печати, однако подвести основные итоги и сделать выводы в отношении тактических и стратегических приемов, предпринятых в решении обозначенной проблемы, уже можно.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Стремительные общественные трансформации в условиях глобализации, постиндустриализма, активных геополитических и геоэкономических сдвигов ставят перед наукой задачу дальнейшего развития фундаментальных теоретических исследований и выработку на их основе практических рекомендаций решения возникающих при этом проблем. Главное место в кругу проблем занимают вопросы развития территориальной организации общества.

Современный уровень развития экономической науки позволяет подойти к одному из самых сложных объектов изучения – обществу и его территориальной

организации. Глубокое и детальное изучение ресурсов и потенциала развития конкретной территории, пространственной организации экономической деятельности позволяет учитывать как локализационные, так и средовые ее характеристики в условиях все более усиливающейся нестабильности внешней среды. Объединить географическую, пространственную составляющую взаимодействия общества, политики и экономики, проявляющуюся в структурах, способах и механизмах эффективной мобилизации и размещения услуг и материальных ресурсов, позволяет геоэкономический подход к исследованию. Он раскрывает новые возможности науки для всестороннего изучения современных территориальных систем как неотъемлемой составляющей общественных систем, которые в целом отражают организацию пространства жизнедеятельности населения.

В процессе исследования мы пришли к выводу, что геоэкономическая парадигма отражена в экономической науке многочисленными категориями, которые в своей совокупности дают представление о территориальной организации общества. Руководствуясь общей теорией систем, критически осмысленной с позиции системно-генетического подхода, мы сформулировали ряд положений и геоэкономических представлений.

Пространство, окружающее нас, имеет системную организацию, которую можно представить в виде совокупности систем более низкого уровня. Каждая система иерархии имеет только ей присущие признаки, соответствующие конкретным целям и задачам. От целевого назначения, набора элементов и территориального охвата зависит уровень организации также и общественных систем. На одной и той же территории можно выделить общественные системы в рамках «вертикальной полисистемности»: система природопользования, территориально-производственная, социально-экономическая, социо-эколого-экономическая, рекреационная и т. п. При этом важно отметить, что каждая последующая система не только включает в себя элементы предыдущей, но и «насыщается» соответствующими новыми элементами.

Общественные системы относятся к категории пространственных систем. Их особенностью является то, что они, складываясь на мезоуровне, формируются в трехмерном пространстве с «привязкой» к территории. Площадное измерение порождает общественные системы разных классов и уровня иерархии. Строгая иерархия общественных территориальных систем выдерживается только лишь в системах одного вида. Соподчиненность общественных систем в рамках разного территориального охвата отражает «горизонтальную полисистемность».

Структурным компонентом системы выступают связи (отношения) между элементами, от характера которых во многом зависят поведение, состояние и динамические свойства общественных систем. К наиболее распространенным можно отнести причинно-следственные связи, при которых наблюдается влияние одного объекта на другой и связи взаимовлияния одних объектов на другие. Не менее значимы и топологические связи внутри общественной системы.

Даже в том случае, когда общественная система «открытого типа», она имеет четкие очертания и границы. В открытой общественной системе в качестве одной из категорий системно-генетического анализа идентифицируется внешняя среда, выступающая для нее системой более высокого порядка.

Обладая общесистемными свойствами, общественные системы имеют довольно существенные различия как в характере развития, так и в степени управляемости. При этом они не изолированы, а функционируют в рамках единой интегральной системы, являясь друг для друга не только своеобразной «средой», но и «фактором» формирования и развития.

Общественные системы выступают основой континуальных образований – экономических районов, регионов, наполняя их реальным содержанием. При этом они имеют сложную соподчиненность и крайне редко совпадают абсолютно в рамках единых интегральных систем. Чаще они, «затмевая» друг друга, образуют сложную картину дискретно-континуального общественного пространства.

Необходимо также отметить, что общественные системы – самоорганизующиеся системы, изменяющие свою структуру в соответствующем природно-экономическом пространстве.

Свойство целостности и сохранение способности к самоорганизации в течение длительного времени в общественных системах позволяют говорить о наличии ряда инвариантных в отношении времени наблюдения характеристик. В связи с этим для них существует необходимость определять взаимосвязь между условиями внешней среды и качественными характеристиками использования как природного, так и в целом общественно значимого потенциала развития территории их формирования.

В некоторых случаях потребление свойств общественно значимого потенциала территории может выступать начальным этапом ее общественной организации без какой-либо трансформации. Например, такое явление можно наблюдать при «зарождении» рекреационного процесса, начинающегося, как правило, с прямого потребления рекреантами общественно значимого потенциала территории. Учитывая такую возможность, можно предположить, что в связи с дальнейшим усложнением социально-экономического процесса общественной организации территории и «насыщения» природы различными его типами наступят максимальное сокращение освоения и замена его модернизацией сложившейся освоенности и удержания ее в системе общества.

Главной тенденцией развития функциональных типов общественной организации территории является приобретение новых функций путем дифференциации ранее сложившихся типов организации под действием закона возвышения потребностей. Началом формирования специализированного типа общественно организованной территории выступает обособление процесса освоения, определяющего способ связи всех социально-экономических элементов в единую структуру. То есть освоение закрепляет за территорией определенную общественную функцию, формируя те или иные типы ее организации. Главные аспекты системно-генетического подхода к анализу динамики основных форм организации того или иного вида деятельности в системе общественной организации территории должны сводиться к следующему: все функциональные социально-экономические системы анализируются как различные генетические уровни общественно организованной территории, выражающие фиксированное на данный момент времени состояние социально-экономического процесса вовлечения и удержания территории в системе общественного функционирования.

Нами сделан вывод, что социально-экономический процесс общественной организации территории представляет собой сложную, динамичную пространственно-временную систему, состоящую из генетического и функционального единства освоения и использования, в котором материальным носителем анализируемой системы выступает человек, а конкретным выразителем – целесообразная человеческая деятельность и территориальные результаты ее проявления.

Устойчивость общественных систем опирается на удовлетворение существующих потребностей населения, проживающего на конкретной территории, в результате чего происходит процесс оптимальной организации распределения ограниченных ресурсов, что предполагает необходимость рассмотрения проблемы обеспечения устойчивости развития в рамках не социально-экономической, а социо-эколого-экономической системы.

Процессно-временной подход к изучению общих тенденций развития общественно организованной территории дает возможность конструирования системно-структурных форм территориальной организации целесообразной человеческой деятельности, установления научно обоснованных мероприятий по сохранению и оптимизации свойств конкретной территории, обозначения ее начальных, промежуточных и конечных уровней с целью выявления перспектив дальнейшего развития. Это своеобразное «вычленение» сложноорганизованной общественной территориальной системы позволяет выделить конкретные территориальные системы, которые отражают те или иные виды деятельности (промышленные, агропромышленные, транспортные, рекреационные и т. п.).

Изменения, происходящие в общественных территориальных системах, отражают «развитие», «эволюцию», «деформацию», «сдвиги», «трансформацию», то есть понятия динамического ряда. Важнейшим динамическим свойством общественных территориальных систем является способность к трансформации, связанной с изменением их топологических и функциональных характеристик.

Трансформация общественных территориальных систем – объективный процесс, регулируемый совокупностью условий и факторов, определяющих характер развития системы как таковой. В тоже время трансформация – процесс чрезвычайно сложный, проявляющийся практически на всех иерархических уровнях: от локального до регионального и глобального. Соответственно, можно предположить, что геотрансформационные процессы в системах разного вида протекают с разной скоростью. Механизм трансформации связан с воздействием на территориальную структуру системы конкретного вида, что влечет за собой структурную трансформацию всей общественной системы и в конечном итоге – оптимизацию территориальной организации общества.

Главными характеристиками территориальной организации современного общества, на наш взгляд, должны стать следующие:

- общий тип хозяйственного освоения территории и его пространственные отличия;
- общий уровень хозяйственной (промышленной, рекреационной или иной) нагрузки на природную среду и ее пространственная дифференциация;

– общая конфигурация размещения производства и инфраструктуры, расселения населения, их пространственные отличия;

– эколого-экономическая оценка территориальной организации общества по степени нарушения природной среды, экологическому состоянию окружающей среды, уровню и качеству жизни населения;

– предложения и рекомендации по достижению более рациональной территориальной организации общества данной территории, более эффективному использованию природного, территориального и экономического потенциала, достижению устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития конкретного региона.

Территориальная организация общества определяется закономерностями, которые не только выражают пространственную суть экономических законов и законов общественного развития, но и различаются в масштабах своего проявления, что соответственно и позволяет сделать вывод об их иерархии. Законы развития общества (в том числе и законы развития производства) первичны и определяют процессы его пространственной организации. Следовательно, закономерности территориальной организации общества есть не что иное, как пространственное проявление важнейших законов экономики и отображение устойчивых взаимосвязанных и взаимозависимых процессов.

Среди объективных закономерностей, определяющих формирование территориальной организации общества, главными являются: 1) системно-синергетический характер общественного развития, который предусматривает наличие в общественно-территориальных комплексах и системах синергетических признаков – эмерджентности, неуравновешенности, чередование устойчивых и неустойчивых состояний и этапов развития и т. п.; 2) стадийно-эволюционный характер развития общества, который проявляется в последовательной смене отдельных стадий, формаций, циклов и фаз развития как общества в целом, так и отдельных его составляющих; 3) иерархичность общественно-территориальных структур; 4) мультипликативная обусловленность развития общественно-территориальных систем. Она связана с усилением влияния отдельных факторов и условий развития с последующим формированием наряду с системообразующими компонентами ряда других – дополняющих, обслуживающих, сопутствующих т. п. Этот механизм составляет основу комплексного развития территорий.

Следует отметить, что закономерности территориальной организации общества не являются «жестко» определяющими создание территориальных систем, но выражают основные тенденции размещения элементов в пространстве, обуславливая объективную необходимость их формирования.

Движущей силой территориальной организации общества выступают условия и факторы, которые необходимо рассматривать с позиции системного подхода, в контексте взаимоотношений «среды» и «системы». При этом условия выступают в качестве внешних причин, отражающих свойства среды, а факторы являются внутренними причинами, отражающими свойства самой системы как таковой. Таким образом, факторы определяют как количественные, так и качественные характеристики отдельных видов хозяйственной деятельности, оказывают влияние на

объемы и направленность экономической деятельности, определение социальных, экологических и иных приоритетов и выступают практическим инструментом решения экономических задач.

Действие условий и факторов подчиняется определенным принципам. Каждый из принципов тесно связан с другими, а его проявление обуславливает возникновение множества разнородных эффектов. Многообразие принципов территориальной организации хозяйственной деятельности, необходимость их рационального сочетания на практике обуславливают возникновение потребности в управлении осуществляемыми территориальными преобразованиями.

Через антропогенное воздействие (стихийное или сознательное) на те или иные факторы можно способствовать целенаправленному развитию территориальной системы.

Синергетический эффект не возможен при условии применения паллиативных и разовых действий, ресурсное обеспечение которых находится за пределами территориальной системы. Интеграционное сотрудничество обеспечивает синергетический эффект в процессе комбинирования, переплетения и сращивания потенциалов развития хозяйственного процесса на всех уровнях территориальной организации. Обеспечение устойчивого развития территориальных общественных систем предусматривает формирование специального структурного компонента региональной социально-экономической политики и ее системной антикризисной составляющей.

Геоэкономический анализ общественной организации территории предусматривает полисистемный взгляд на иерархически соподчиненную систему всех уровней: локальную, региональную, национальную и глобальную. На каждом из иерархических уровней общественная организация территории оказывает влияние на соответствующую общественную территориальную систему. Причем наиболее активно это влияние проявляется именно на уровне региона, где общественные территориальные системы участвуют в региональной интеграции.

В региональном контексте прослеживается наиболее высокая степень взаимодействия территориальной организации общества и территориальных систем разного вида и уровня. На региональном уровне геопространственный процесс усиления межсистемных связей является объективным, нацеленным на формирование эффективной территориальной общественной системы.

Процесс региональной интеграция – сложное и многоаспектное явление, глубокий процесс, характеризующий усиление межсистемных взаимосвязей не по «горизонтали» (вширь), а по «вертикали» (вглубь). Процесс региональной интеграции – многостадийный. В самом первом приближении представляется целесообразным выделить следующие пять стадий: 1 – системное становление; 2 – взаимодействие территориальных систем; 3 – межсистемная интеграция; 4 – региональная интеграция; 5 – стадия формирования полифункциональных региональных систем/центров.

Несмотря на то, что собственно региональная интеграция является лишь четвертой стадией, она просто невозможна без начальных трех, а без последней – пятой – теряет смысл.

Итак, в контексте геоэкономического анализа процесс региональной интеграции предстает как логическое развитие взаимодействия территориальных систем в рамках отдельного региона, наивысшей стадией которого является формирование полифункциональных региональных систем. В результате региональной интеграции формируются системы, обладающие новыми качествами и свойствами, что в конечном итоге должно способствовать повышению эффективности функционирования региональной общественной системы, а затем и оптимизации территориальной организации общества.

Пилотной территориальной моделью нашего исследования выступил Крым. Нами выделены и проанализированы конкретные общественные территориальные системы, отражающие приоритетные виды деятельности – промышленную, сельскохозяйственную, рекреационную и транспортную.

Общественное развитие Республики Крым в территориальном плане достаточно неоднородно. Дифференциация муниципальных образований Республики Крым обусловлена сформировавшейся территориальной структурой хозяйственного комплекса, физико-географическими, транспортно-географическими, социально-экономическими и геополитическими факторами. К сожалению, необходимо отметить тот факт, что сложившаяся в настоящее время ситуация обостряется в результате действия исключительно сил самоорганизации экономических и социальных процессов, включая стихийность и противоречивость, в конечном итоге, затрудняющие оптимизацию пространства.

Поэтому политика внутрирегионального пространственного развития должна быть, прежде всего, направлена на нейтрализацию данных негативных явлений с целью создания условий дальнейшего сбалансированного развития всех территориальных единиц. В рамках региона актуализируется необходимость рационального размещения производительных сил, позволяющих максимально эффективно и гармонично задействовать имеющийся природно-ресурсный и экономический потенциал территориальных социально-экономических систем разных таксономических уровней стратификации. В связи с чем именно грамотная, научно обоснованная политика внутрирегионального пространственного развития обуславливает наиболее справедливое и эффективное развитие как каждой территориальной единицы в отдельности, так и всей экономики Республики Крым в целом.

Территориальная организация экономического потенциала Республики Крым характеризуется высокой его концентрацией в наиболее крупных промышленных центрах и узлах. На уровень промышленной освоенности территории значительно влияют запасы минерально-сырьевых ресурсов и уровень их добычи, а также территориальная и отраслевая структура промышленности.

Территориальная структура промышленности отражает особенности размещения отраслей и сочетание предприятий на определенной территории. Для пищевой промышленности характерно дисперсное размещение предприятий, которые представлены во всех районах Крыма. Легкая промышленность, машиностроение и металлообработка имеют меньшую территориальную распространенность предприятий, поскольку тяготеют к городским поселениям, где концентрируется значительное количество трудовых ресурсов и размещена соответствующая

производственная инфраструктура. Предприятия химической промышленности имеют низкий уровень плотности предприятий, поскольку представлены минимальным количеством и относятся к отраслям точечного размещения. Топливная промышленность тяготеет к центрам добычи энергоресурсов. Машиностроение характеризуется многоотраслевой специализацией при низком уровне концентрации производства.

Основной целью развития промышленности является формирование развитого промышленного комплекса, имеющего ключевое значение в создании добавленной стоимости на территории Республики Крым на основе применения инновационных технологий, кластерного развития на базе ключевых компетенций и привлечения новых предприятий за счет высокой инвестиционной привлекательности с учетом экологического фактора.

Процессы территориальной интеграции, являясь одними из важнейших в территориальной организации промышленности, еще не получили в Крыму должного развития. Имеет место возвращение к идее территориально-производственных комплексов с последующим формированием кластеров. Основной целью активизации кластерной политики является формирование «синергии будущего», увеличение валового регионального продукта за счет обеспечения взаимовыгодного сотрудничества и реализации совместных проектов.

Приоритетными в промышленности должны стать судостроительный и химический кластеры. В состав судостроительного кластера в первую очередь должны войти судостроительные и судоремонтные предприятия г. Севастополя, г. Феодосии, г. Керчи. Сотрудничество должно основываться на межфирменной кооперации, реализации совместных НИОКР, координированного взаимодействия с образовательными учреждениями. Химический кластер должен быть представлен предприятиями химической промышленности северного Крыма, которые имеют значительный экспортный потенциал и способны занимать видные позиции на соответствующих секторах международных рынков химической продукции. Приоритетными направлениями его развития должно стать внедрение инновационных экологоориентированных технологий и взаимодействие с субъектами агропромышленного кластера.

Также необходимо отметить, что реструктуризация промышленности с учетом природно-сырьевой, энергетической и геополитической специфики требует разработки механизма устойчивого развития отрасли, предусматривающего реализацию интересов экономической, социальной и экологической сфер.

Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации в корне изменило ситуацию в агропромышленном комплексе региона: с одной стороны, перекрытие Северо-Крымского канала сделало невозможным продолжение деятельности агропромышленного комплекса в привычной парадигме, с другой стороны, был открыт доступ к новым рынкам, технологиям и инвестициям, которые ранее были недоступны. Фактически это означает, что для агропромышленного комплекса Республики Крым сейчас открыто уникальное «окно возможностей» – проведение модернизации и переход от третьего технологического уклада к пятому, информационному. В Республике Крым имеется потенциал для формирования агропромышленно-пищевого

кластера. Данный кластер призван объединить сельскохозяйственные предприятия Республики Крым, предприятия пищевой промышленности и обслуживающих отраслей, научно-исследовательские центры, образовательные учреждения в целях развития агропромышленного комплекса региона.

Суть кластерного подхода в развитии агропромышленного комплекса Крыма – это создание новых форм хозяйствования на основе наиболее целесообразной территориальной организации основных составляющих производственного процесса на мезоуровне. Рациональное использование особенностей территории с благоприятными природными условиями, где сосредоточение производства сельскохозяйственной продукции изменяет контекст конкуренции, становится важным фактором повышения эффективности локального производства.

Агропромышленный кластер должен объединить сельскохозяйственные предприятия, частные фермерские хозяйства, предприятия перерабатывающей и пищевой промышленности, аграрноориентированные научно-исследовательские центры и образовательные учреждения. Основная цель – обеспечение продовольственной безопасности региона, наращивание экспортных поставок сельскохозяйственной и продовольственной продукции, снабжение продовольствием других регионов Российской Федерации.

Достижение эффективной пространственной организации общественной жизни, реализующей принципы успешной экономики, сбалансированного природопользования и высокого качества жизни населения на территории Крыма, обладающей значимым рекреационным потенциалом, возможно путем оптимизации пространственной структуры рекреационного комплекса. Как показало наше исследование, в пространственном развитии рекреационного комплекса Крыма наблюдаются резкие территориальные диспропорции. Ведущей формой пространственной структуры рекреационного развития Крыма выступает очаговое освоение побережья. При этом уровень диверсификации рекреационной деятельности в Крыму оценивается достаточно высоко, что определяется благоприятным территориальным сочетанием разнообразных ресурсов, но пока уступает отдельным рекреационным районам мира, развивающим как летние, так и зимние виды рекреации и туризма.

В настоящее время развитие приморских и горных территорий Крымского рекреационного района уже фактически исчерпало свои возможности предоставления качественных рекреационных услуг за счёт естественного местоположенческого фактора, который давно экстенсивно эксплуатируется. Современная территориальная структура рекреационного освоения полуострова на уровне мезо- и микрорайонов демонстрирует многочисленные примеры нарушения принципов организации рекреационного пространства. Среди них наибольший вред приносит отсутствие четкого функционального зонирования территории курортных поселений вследствие длительного развития муниципальных образований и курортных городов и поселков без генеральных планов. Наблюдаются стихийные формы освоения пространства, нередко сопровождающиеся межотраслевыми конфликтами и экологическими нарушениями.

Таким образом, в крымском регионе исторически сложилось центр-периферическое неравенство пространственной организации рекреации. «Центром» рекреационного пространства Крыма продолжают оставаться староосвоенные районы (Южный берег Крыма, Сакско-Евпаторийский район, Юго-Восточный район, принимающие более 60 % общего потока туристов, прибывающих в Крым); «полупериферия» – районы, частично сменившие вектор социально-экономического развития в пользу рекреации и туризма (Юго-Западный район [Севастополь]), и районы нового освоения (Северо-Западный и Восточный); «глубокой рекреационной периферией» являются районы Северного Крыма, где отсутствуют общественно значимые рекреационные ресурсы и развиваются альтернативные виды хозяйственной деятельности. В этом контексте отстающими выступают степные районы Крыма, жители которых лишены возможности улучшения качества жизни за счёт использования земельных угодий для производства рекреационных услуг.

В качестве перспективных территорий полномасштабного вовлечения в рекреационное функционирование возможно привлечение равнинно-степных пространств и особо охраняемых природных территорий, на которых традиционно протекает рекреационная деятельность.

Перспективы развития пространственной структуры рекреационного освоения Крыма определяются многими факторами, среди которых особое значение будет иметь геополитическая ситуация в макрорегионе и, прежде всего, изменение вектора движения транспортно-логистических потоков с северного направления на восточное.

Значительные коррективы в развертывание рекреационного процесса в Крыму может внести продуманная региональная туристская политика государства и частная и общественная инициатива местных сообществ.

Эффективным могло бы стать для формирования рекреационной сферы в Крыму и придание региону статуса «зоны рекреационного развития», по аналогии со свободными экономическими зонами. Основой такой зоны должна стать рекреационная территория, которая определяется как пространство региона, располагающее ресурсным потенциалом удовлетворения рекреационного спроса на основе производства рекреационного продукта.

Совокупность территориальных структур промышленного и сельскохозяйственного производства и рекреационной деятельности образуют две субширотные и две субмеридиональные зоны сосредоточения экономической активности. Субширотными зонами развития являются г. Керчь – г. Феодосия – г. Симферополь с ответвлением на г. Евпаторию и г. Севастополь, а также г. Феодосия – г. Судак – г. Алушта – г. Ялта – г. Севастополь, субмеридиональными зонами развития являются г. Феодосия – г. Джанкой – г. Красноперекоск – г. Армянск и г. Севастополь – г. Бахчисарай – г. Симферополь – г. Джанкой.

Крымский регион, обладая значительным потенциалом научно-исследовательских и образовательных учреждений, в условиях функционирования свободной экономической зоны имеет значительные возможности развития инновационной экономики и информационных технологий. Инновационный компонент должен быть обязательно интегрирован и в развитие других кластеров, отраслей и секторов региональной экономики Крыма.

Крым имеет развитую транспортную инфраструктуру. Выгодное и стратегически важное географическое, геоэкономическое и геополитическое положение, специфика территориальной организации хозяйства и природные условия территории способствовали развитию в Республике Крым различных видов транспорта: автомобильного, железнодорожного, воздушного, морского, составляющих единую логистическую систему. Транспорт является одной из базовых отраслей хозяйственного комплекса Республики Крым, обеспечивающих функционирование и жизнеспособность всего полуострова. Необходимо отметить, что на территории республики до настоящего времени еще не сформировались крупные грузовые транспортно-логистические центры, предоставление услуг в данной сфере осуществляется хозяйствующими субъектами малого бизнеса.

Фундаментальные геополитические изменения, произошедшие в начале 2014 года, привели к существенной трансформации структуры транспортного рынка. Транспортные потоки переориентировались с направления Север – Юг на Восток – Запад. В результате усилилась роль Керченской паромной переправы. В межрегиональном пассажирском сообщении снизилась роль автомобильного и железнодорожного видов транспорта и повысилась роль воздушного. Во внутрирегиональных перевозках значительно возросла роль автомобильного транспорта.

В современных условиях основа развития транспортного комплекса региона – формирование устойчивой транспортной системы Республики Крым, отвечающей потребностям населения, бизнеса и туристов и обеспечивающей надежность и качество перевозок пассажиров и грузов. В связи с этим необходимо создание интегрированной в общую сеть России транспортно-логистическую инфраструктуру, включая завершение строительства мостового перехода через Керченский пролив, а также разработка транспортной схемы, ориентированной на новые направления формирования грузовых и пассажирских потоков, прежде всего в направлении Восток – Запад.

Нами обоснованно выделены тенденции изменения территориальной организации общества в Крыму. Первая, наблюдаемая на всех территориальных уровнях, – дальнейшая поляризация социально-экономического пространства, «стягивание» населения и производства в немногие крупные центры. Градиенты «центр – периферия», ярко выраженные ранее, еще более усилились. Это объясняется глубокими изменениями в структуре экономики – ростом торгово-распределительных функций, наряду с упадком некоторых отраслей промышленности с относительно дисперсным характером размещения, депопуляцией и миграцией населения из районов недавнего активного освоения, изменениями потребительского поведения и жизненных стандартов.

Как правило, центр – главное средоточие экономической активности территории, часто и главный промышленный центр, имеющий наиболее прогрессивную структуру хозяйства, сосредоточивающий самые прибыльные отрасли и отличающийся наиболее высокими доходами. К крупному центру, как наиболее активному поселению на своей территории, тяготеют и самые жизнеспособные сельскохозяйственные предприятия.

Вторая тенденция изменения территориальной структуры – фрагментация пространства. Она проявляется в возрастающей мозаичности, росте различий между населенными пунктами сходного ранга в зависимости от географического положения и других факторов, в том числе и субъективных.

Следствием первых двух тенденций является третья – усиление меж- и особенно внутритерриториальных контрастов.

Четвертая тенденция – формирование и взаимоналожение новых территориальных структур разной конфигурации в разных сферах деятельности, прежде всего промышленности, сельском хозяйстве, туризме, транспорте. Поскольку узлы этих территориальных структур располагаются преимущественно – опять же – в крупных производственных центрах, эта тенденция способствует поляризации пространства, хотя в перспективе может стать фактором интеграции и относительной гомогенизации территории.

Пятая тенденция – изменение направления транспортных потоков с Север – Юг на Восток – Запад.

Шестая тенденция, вызванная сходными причинами, – сдвиг на восток и юг демографического и экономического потенциала.

На мезо- и микроуровнях выявились закономерные тенденции усиления тяготения населения и хозяйства к транспортным магистралям и особенно их узлам (хабам), в том числе и в связи с закрытием малоактивных линий; «концентрация в деконцентрации»; начало реальной субурбанизации; социальная дифференциация пространства городов и их пригородов.

Анализ факторов неоднородности социально-экономической среды в контексте их воздействия на формирование внутрорегиональных различий показал, что в Крыму наблюдаются очевидные внутренние различия в уровне социально-экономического развития (равно как и в обеспеченности ресурсами и их территориальном сочетании). Авторами предложена стратегия пространственного развития на основе внутреннего проблемного районирования Крыма. Конкретные регионы и отрасли Крыма избраны в качестве полюсов роста, выполняющих функцию региональных мультипликаторов – запускающих своего рода цепную реакцию экономического развития не только выбранных территорий, но и связанных друг с другом отраслей экономики, расположенных на всей территории Крыма.

Показана необходимость изменения имиджа полуострова: с конфликтогенной территории – на территорию мира, благополучия, экономического прогресса, экологической чистоты. Исследованы импульсы и механизмы формирования и развития территории в рамках ретроспективной динамики глобальной геоэкономической конфигурации. Предложено рассматривать пространственное и общественное развитие Крыма в контексте процесса интеграции стран Причерноморья. Более того, Крым, по мнению авторов, должен занять активную позицию в этом процессе.

На основе проведенного исследования и с учетом выводов концепции фрактального аттрактора разработана дорожная карта управления трансформацией общественной организации территории.

Результаты проведенного исследования показали, что в современных условиях именно методическое осмысление вопросов повышения эффективности управления процессами общественной организации территории служит магистральным направлением развития прикладных исследований, отвечающих практическим потребностям общества в формировании конкурентоспособного воспроизводственного комплекса с учетом интересов населения, проживающего на данной территории.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в объединении разрозненных пространственных и деятельностных концепций о территориальном развитии в общее геоэкономическое представление о процессе и механизме (ходе и движущих силах) территориального развития заключалась основная научная проблема, решаемая в процессе научного исследования. Изложенные теоретические представления легли в основу геоэкономического анализа как одного из методов изучения территориальной организации общества. Использование геоэкономического подхода позволило интегрировать различные направления, школы, концепции на основе принципа методологического плюрализма.

Результаты проведенного исследования показали, что в современных условиях именно методическое осмысление вопросов повышения эффективности управления процессами общественной организации территории служит магистральным направлением развития прикладных исследований, отвечающих практическим потребностям общества в формировании конкурентоспособного воспроизводственного комплекса с учетом интересов населения, проживающего на данной территории. Только в этом случае возможны не только глубокие теоретические исследования, междисциплинарные «пограничные» разработки концептуальных основ территориального развития, но и целевые комплексные программы регионального развития. Геоэкономический подход позволит и на практике внести существенные коррективы в формирование российской территориальной политики с учетом интересов вынесенных за национальные рамки геоэкономических границ зон экономического влияния.

Следует отметить, что представленные авторские взгляды – это лишь отдельная веха научного поиска, задача которой – актуализировать исследования территориальной организации общества на региональном уровне, стать отправной точкой в последующих теоретико-методологических и прикладных разработках проблем территориальной организации.

Список литературы

1. Материалы заседания студенческого научного кружка кафедры мировой экономики на тему: «Теоретико-методологические основы пространственной организации экономической деятельности и территориального развития» (28 марта 2016 г., Симферополь). Симферополь, 2016. 75 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ie.u.cfuv.ru/view-file/2657/студенческая%20секция.pdf>.
2. Материалы Круглого стола «Республика Крым: перспективы трансформации хозяйственной системы» (22 апреля 2016 г., Симферополь). Симферополь, 2016. 59с. [Электронный ресурс]. URL: http://ie.u.cfuv.ru/view-file/2655/материалы_круглый%20стол_2016.pdf.

3. Мираньков Д. Б., Шенгелия Т. А. Некоторые особенности процесса функционирования региональных систем // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (21–22 апреля 2016 г., г. Симферополь). Симферополь, 2016. С. 489–490.
4. Мираньков Д. Б. Основные типы и направления трансграничного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7. С. 195–199.
5. Мираньков Д. Б. Особенности процесса функционирования региональных систем // Круглый стол «Республика Крым: перспективы трансформации хозяйственной системы» (22 апреля 2016 г., Симферополь). Симферополь, 2016. С. 51–52 [Электронный ресурс]. URL: http://ieu.cfuv.ru/view-file/2655/материалы_круглый%20стол_2016.pdf.
6. Никитина М. Г. Особый режим инвестирования в Республике Крым // Круглый стол «Республика Крым: перспективы трансформации хозяйственной системы» (22 апреля 2016 г., Симферополь). Симферополь, 2016. С. 40–42 [Электронный ресурс]. URL: http://ieu.cfuv.ru/view-file/2655/материалы_круглый%20стол_2016.pdf.
7. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. Активизация межхозяйственных связей Крыма с регионами России как основной путь выхода из экономической изоляции и кризиса // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (13 апреля 2017 г., Симферополь). Симферополь, 2017. С. 225–227.
8. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. Инновации как фактор формирования новой пространственной структуры мирового хозяйства // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве / Материалы научно-практической конференции (17 ноября 2017 г., Симферополь). Симферополь, 2017. С. 223–225.
9. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. К вопросу о региональной стратегии развития Крыма // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве / Материалы научно-практической конференции (27 октября 2016 г., Симферополь). Симферополь, 2016. С. 231–234.
10. Никитина М. Г., Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Агломерация как форма территориальной организации общества // Экономика и предпринимательство. 2017. № 3–1 (80–1). С. 1219–1225.
11. Никитина М. Г., Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Территориальная организация общества: сущность и стадийность развития в контексте системно-структурной парадигмы // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10. С. 609–613.
12. Никитина М. Г., Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Системно-генетический подход в исследовании процесса общественной организации территории // Теория и практика общественного развития. 2016. № 10. С. 68–72.
13. Побирченко В. В. Закономерности формирования территориальной организации общества // Регионы: инвестиционные и инновационные приоритеты: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции (31 октября 2016 г., Красноярск). Красноярск: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 136–140.
14. Побирченко В. В. Кластеризация как механизм интенсификации туристско-рекреационной деятельности в Республике Крым // Круглый стол «Республика Крым: перспективы трансформации хозяйственной системы» (22 апреля 2016 года, Симферополь). Симферополь, 2016. С. 35–38 [Электронный ресурс]. URL: http://ieu.cfuv.ru/view-file/2655/материалы_круглый%20стол_2016.pdf.
15. Побирченко В. В., Густенко В. А. Основные тенденции социально-экономического развития Республики Крым // Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем: сборник научных трудов XI Международной школы-симпозиума АМУР – 2017, Симферополь – Судак, 14–27 сентября 2017 / Под общ. ред. А. В. Сигала. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2017. С. 132–135.
16. Побирченко В. В., Македон К. А. Пространственная организация экономической деятельности и территориального развития городского округа Ялта // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (13 апреля 2017 г., Симферополь). Симферополь, 2017. С. 190–191.
17. Побирченко В. В. Региональный контекст территориальной организации общества // Экономические исследования и разработки. 2017. № 10. С. 178–185.

18. Побирченко В. В., Фахретдинова Н. И. Роль туристско-рекреационных кластеров в развитии туристической отрасли Республики Крым // *Современные научные исследования и инновации*. 2016. № 4 (60). С. 284–289.
19. Побирченко В. В. Факторы устойчивого социально-экономического развития региона, синергия взаимодействия // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. М., 2017. № 4–3. С. 123–126.
20. Побирченко В. В. Формы территориальной организации общества // *Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве / Материалы научно-практической конференции (27 октября 2016 г., г. Симферополь)*. Симферополь, 2016. С. 262–266.
21. Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Россия в новой системе мирохозяйственных отношений: адаптация к глобальным вызовам и тенденциям // *Экономический рост и финансовые рынки: глобальные перспективы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции*. СПб.: Изд-во ИП Краснова Н. А., 2016. С. 161–169.
22. Шутаева Е. А. К вопросу систематизации дефиниций категории «общественная организация территории» // *Современные проблемы и тенденции развития экономики и управления: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях»*. 2016. № 3. С. 229–231.
23. Шутаева Е. А. Некоторые аспекты построения информационного общества в крымском регионе // *Круглый стол «Республика Крым: перспективы трансформации хозяйственной системы» (22 апреля 2016 года, Симферополь)*. Симферополь, 2016. С. 41–43 [Электронный ресурс]. URL: http://ie.u.cfu.ru/view-file/2655/материалы_круглый%20стол_2016.pdf
24. Шутаева Е. А., Густенко В. А., Побирченко В. В. Ретроспективный анализ формирования туристского бренда крымской дестинации // *Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: материалы всероссийской научно-практической конференции (14–15 декабря 2017 г., Симферополь)*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 84–90.
25. Шутаева Е. А. Социализация экономического развития и ее объективная необходимость // *Экономические исследования и разработки*. 2017. № 5. С. 97–102.
26. Шутаева Е. А. Территориальная организация современного общества и экологическая безопасность // *Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве / Материалы научно-практической конференции (27 октября 2016 г., Симферополь)*. Симферополь, 2016. С. 387–390.
27. Шутаева Е. А. Устойчивость развития как основной социально-экономический показатель развития территории в условиях глобализации // *Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях / Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов*. Симферополь, 2017. С. 395–397.
28. Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Влияние глобализации на социально-экономическое неравенство регионов в условиях устойчивого развития // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2016. № 1 (34). С. 153–157.
29. Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Вопросы адаптации рекреационной отрасли Республики Крым в контексте трансформации регионального хозяйственного комплекса под влиянием новых геополитических условий // *Экономические исследования и разработки*. 2017. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://edrj.ru/article/08-10-2017>.
30. Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Региональный туристско-рекреационный кластер как фактор интеграционной трансформации территориальной структуры экономики Крымского региона // *Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве / Материалы научно-практической конференции (17 ноября 2017 г., Симферополь)*. Симферополь, 2017. С. 371–377.
31. Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Территория как ресурс социально-экономического и общественного развития // *Инновационная наука*. Уфа, 2016. № 8–1. С. 161–163.
32. Shutaeva E. A., Pobirchenko V. V., Kakutich E. Y. Socialisation as a factor of the world economy development in the conditions of globalization // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 1–1 (66–1). С. 465–469.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 338.48

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРОВ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Оборин М. С.¹, Шерешева М. Ю.², Кожушкина И. В.³, Гварлиани Т. Е.³

¹Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»; ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; ФГБОУ ВО «Пермский государственный аграрно-технологический университет им. ак. Д. Н. Прянишникова», Пермь; ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», Сочи, Российская Федерация

²ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ФГБОУ ВО Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

E-mail: recreachin@rambler.ru

Статья посвящена изучению кластеров потенциального развития курортно-рекреационных территорий с учетом уровня экономической стабильности, позволяющей группировать их в соответствии с выявленным потенциалом и особенностями его реализации. Кластеры рассмотрены на примере территорий и малых городов Пермского края.

Ключевые слова: кластеры, курортно-рекреационные территории, экономическая стабильность.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в связи с глобальными изменениями мировой экономической системы происходит поиск новых инструментов и подходов к управлению национальным хозяйством. Формирование подлинно рыночной экономики предполагает партнерские отношения на взаимовыгодной основе для всех региональных субъектов, учет коммерческих, социальных и экологических эффектов. В наибольшей степени рассмотренным условиям соответствуют кластеры и сети, так как добровольный характер объединения участников в целях обеспечения конкурентных преимуществ и создания уникальных продуктов и услуг способствует получению следующих выгод: экономия на издержках, оптимизация транспортно-логистических потоков; рост финансово-экономических показателей деятельности.

Благодаря комплексному эффекту и различным экономическим и социальным агентам, кластер и сеть являются сложноорганизованными формами бизнеса, которые в чистом виде редко встречаются, имеет место их пересечение в различных регионах в зависимости от таких факторов, как:

- сложившаяся и перспективная экономическая специализация;
- природно-ресурсный и инфраструктурный потенциал;
- экономический профиль предприятий, составляющих основу продукта или услуги;
- уровень взаимодействия с соседними регионами;
- степень узнаваемости продукта или услуги на территории России и за рубежом.

Поскольку кластер и сеть оказывают влияние на экономику региона, необходимо учитывать, что экономические региональные системы являются открытыми,

основаны на множестве связей внутреннего и внешнего характера. Поэтому в зависимости от экономической специализации кластеры могут быть мощным стимулом социально-экономического развития территории.

В настоящей статье рассматривается формирование кластеров потенциального развития курортно-рекреационных территорий.

Целью данного исследования является анализ потенциала туристско-рекреационных кластеров на примере субъектов РФ, факторов, влияющих на их формирование, построение схемы эффективного взаимодействия на основе транспортно-логистических узлов.

Сформулированная цель предполагает решение ряда задач:

- изучение кластерного подхода в трудах отечественных и зарубежных ученых, эволюции понятия «кластер» в условиях трансформации экономики;
- анализ факторов и механизмов формирования туристско-рекреационных кластеров,
- анализ потенциала туристско-рекреационных кластеров на примере малых городов Пермского края, Тульской и Владимирской областей,
- формирование схемы эффективного взаимодействия на основе транспортно-логистических узлов на примере территорий и малых городов Пермского края,
- выявление проблем и перспектив развития туристско-рекреационных кластеров в регионах России.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Возникновение понятия «кластер» в экономике было объективно связано с оптимизацией производства и достижением максимально полезного результата с наименьшими издержками на определенной территории. В трудах отечественных и зарубежных ученых прослеживаются два основных направления.

Первое связано с оценкой внешних эффектов от кластерной формы организации производства. Этот вопрос рассматривался в трудах М. Вебера, А. Леша, А. Смита, Д. Риккардо, Э. Хекшера и Б. Олина, Ф. Листа, С. Коэна, У. Изарда, Й. Шумпетера, Н. Н. Баранского, Н. Н. Колосовского и др.

Второе направление было сосредоточено на исследовании внутренних экономических эффектов для предприятий, входящих в состав кластера. Оно представлено работами М. Энрайта, С. Розенфельда, П. Потье, Е. Варги, М. Максимовой, Ю. Шишкова, М. Войнаренко, С. Соколенко, С. Раевского, А. Г. Гранберга.

Преимуществом первого подхода является выявление связи кластерного подхода с развитием территорий, обоснованием социально-экономических эффектов для населения, классификацией факторов внешней среды, оказывающих влияние на формирование кластеров различного вида. Недостатком является чрезмерная актуализация внешних факторов, которая не позволяет в полной мере охарактеризовать преимущества для каждой группы однородных предприятий в современных условиях, что для управления и развития на микроуровне представляется необходимым. Данные школы в большей степени направлены на

макроуровень управления кластерами, полезны для регионального управления и разработки программ по развитию территорий.

Преимуществом второго подхода является обоснование эффективности для развития отраслевых субъектов, входящих в состав кластеров, выявление проблем, которые актуальны для менеджеров предприятий, корпораций. К основным недостаткам следует отнести сосредоточение на функциональном разделении участников, что не позволяет выявить взаимосвязи на уровне сетевого взаимодействия с другими регионами и реализовать стратегические планы. На данном этапе экономического развития необходим учет глобальных рисков, что сложно реализовать в рамках данных концепций.

Целесообразно представить эволюцию понятия «кластер»:

– группа географических соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и дополняющих друг друга (М. Портер) [15];

– индивидуальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей, связанных технологической цепочкой и выступающих альтернативой секторальному подходу (Д. Хааг) [21].

Отечественная школа:

– территориальное объединение взаимосвязанных предприятий и учреждений в пределах промышленного района, основные факторы: близость к рынкам, специализированная рабочая сила, низкие издержки, экономия от масштаба, доступ к ресурсам (С. И. Соколенко) [16].

В данной группе определений границы кластера определяются промышленным регионом:

– объединение регионов с похожим социально-экономическим положением (В. М. Кутьин) [7];

– упорядоченная совокупность специализированных предприятий, выпускающих конкурентоспособную продукцию (А. С. Воронов) [6];

– образующиеся внутри фирмы группы, куда входят работники различных профессиональных профилей, работающие вместе на постоянной основе (Б. Н. Никонов) [8].

Различные направления и подходы свидетельствуют о том, что в глобальной экономике происходит трансформация условий существования кластеров, появление новых взаимосвязей, которые не могли быть учтены ранее. Вместе с усложнением экономических связей, появлением новых факторов влияния само понятие кластера эволюционировало (рис. 1).

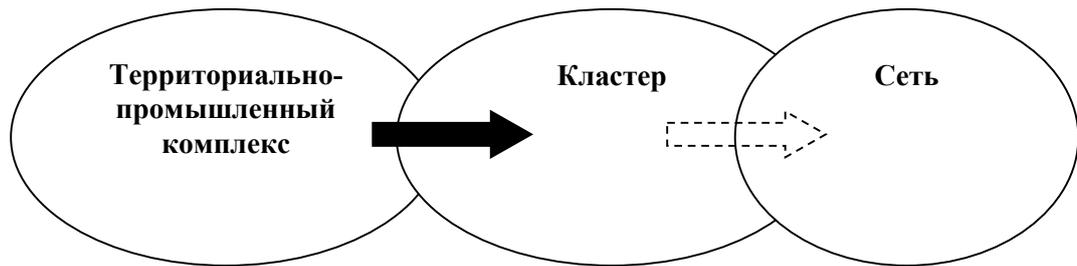

Рис. 1. Эволюция понятия «кластер»

Первоначально в экономической теории разрабатывалось понятие территориально-промышленного комплекса, которое позволяло выявлять взаимосвязи в советский период экономических отношений. С появлением частной собственности и либерализации условий ведения бизнеса ведущим фактором стало получение прибыли, что предопределило формирование концепции кластера в науке. На современном этапе развития производства определенные высокоразвитые кластеры могут являться сетями, поскольку охватывают широкий спектр субъектов и взаимодействий в рамках нескольких территорий. Следует отметить, что понятие «сети» шире, поскольку отсутствует ярко выраженный территориальный фактор, в большей степени имеет значение конечный продукт или услуга.

Таким образом, высокоразвитые кластеры могут характеризоваться сетевым взаимодействием: инновационные промышленные территории; туристско-рекреационные регионы со специфическими природно-ресурсными условиями (горные кластеры).

Рассматриваемый подход сформировался как концепция развития промышленного производства, значительно позже распространившись на сферу услуг.

Понятие кластера и концепция кластерного развития в России связаны с принятием таких документов, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [1]; «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [2]; проект «Концепции кластерной политики в Российской Федерации» [3]; «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации» [4].

Нормативно-правовое определение кластера в российском законодательстве дается в Концепции кластерной политики в Российской Федерации 2008 года: «Территориально-производственный кластер – объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг» [3].

Данное определение является, на наш взгляд, удачным, поскольку содержит две необходимых характеристики – территориальная близость и функциональная

зависимость. Важной чертой политики Российской Федерации является акцент на инновациях и промышленном производстве, продукция которого имеет стратегическое значение для развития страны. Опыт последних лет свидетельствует о том, что кластерный подход активно применяется на уровне управления и реализации программ по социально-экономическому развитию субъектов РФ, отраслей и отраслевых комплексов.

За рубежом кластерный подход реализуется с 1980–2000-х годов, только отдельные территории применяли его задолго до системной государственной поддержки (Германия). Следует отметить, что несмотря на сравнительную молодость его реализации в России и других странах, развитые государства имеют ряд преимуществ [5]:

- наличие развитой системы поддержки и управления кластерами, включающей государственные и коммерческие структуры и научные центры (Германия, Франция);
- развитое законодательство и программы, предусматривающие значительно финансирование кластеров (Франция);
- лидерство отраслей на мировом уровне, представленных кластерной формой организации, например биотехнологии в Германии [22].

В рассматриваемых субъектах РФ исследуемый подход преобладает в промышленности, развитии индустриальных парков: 1) Владимирская область – «Ставрово», «Струнино»; 2) Тульская область – «Первомайский», особая экономическая зона «Узловая», креативный кластер «Октава»; 3) Пермский край – «Осенцы» (Пермь), «Красный» (Краснокамск), «Парма» (Пермь).

Первые попытки адаптации кластерного подхода к туристско-рекреационной сфере были предприняты зарубежными учеными. Под кластером подразумевались:

- услуги, предоставляющиеся туристскими предприятиями, сотрудничество, развитая инфраструктура, вспомогательные услуги и обеспечивающая инфраструктура (концепция представлена М. Монфордом) [24];
- группа туристских аттракций на ограниченной географической территории, взаимодействующая на основе высоко развитой инфраструктуры, управления, конкурентных преимуществ (М. Бени) [23];
- группа компаний и институтов, выпускающих туристский продукт; взаимодействие между ними осуществляется на основе стратегических альянсов и сетей, которые дополняют друг друга, обеспечивая конкурентные преимущества (А. Родригес) [25].

Перечислим факторы формирования туристско-рекреационных кластеров:

- местность, обладающая туристско-рекреационной привлекательностью;
- наличие природно-ресурсного потенциала, например, природных лечебных ресурсов;
- социально-экономическая инфраструктура;
- наличие туристско-рекреационных объектов, привлекающих платежеспособный спрос;
- благоприятная экологическая обстановка;
- хорошие социально-экономические условия, высокий уровень средств размещения;

– безопасность для жизни и имущества туристов.

Основными механизмами формирования туристско-рекреационных кластеров являются:

- качественное региональное управление, способствующее продвижению территории,
- развитие социально-экономического пространства на основе государственных программ по развитию, частно-государственного партнерства;
- развитие нормативно-правовой базы для привлечения инвестиций;
- обеспечение контроля качества основных туристско-рекреационных услуг;
- мониторинг качества и ценовой политики сопутствующих услуг: транспорта, сферы общественного питания, досуга и анимации;
- реализация стратегических документов в области развития туризма, в том числе лечебно-оздоровительного, санаторно-курортного комплекса;
- эффективная коммуникационная политика, обеспечивающая взаимодействие субъектов бизнеса, власти, потребителей услуг;
- экономическая стабильность профильных средств размещения и оказания услуг – предприятий санаторно-курортного комплекса и гостиничной индустрии.

Сравнительный анализ показателей курортно-рекреационной деятельности был проведен на примере трех субъектов РФ: Тульская, Владимирская области, Пермский край. Каждый из регионов обладает определенными предпосылками для формирования туристско-рекреационных кластеров:

- сочетание природно-ресурсного и инфраструктурного потенциала туристско-рекреационной деятельности;
- развитый санаторно-курортный комплекс, обладающий различными направлениями и профилями лечения;
- сосредоточение основных и сопутствующих предприятий на локальных территориях, что создает предпосылки формирования кластеров с лечебно-оздоровительной, туристско-рекреационной специализацией;
- близость к транспортным магистралям и наличие высокой транспортной доступности позволяют развивать кластерную форму организации различных видов туристско-рекреационной деятельности, формируя сложную систему с включением в комплексный продукт, услугу соседних регионов и городов с различной специализацией.

Охарактеризуем различные виды потенциала рассматриваемых субъектов РФ для формирования туристско-рекреационных кластеров. Инфраструктурный потенциал представлен различными средствами размещения (рис. 2).

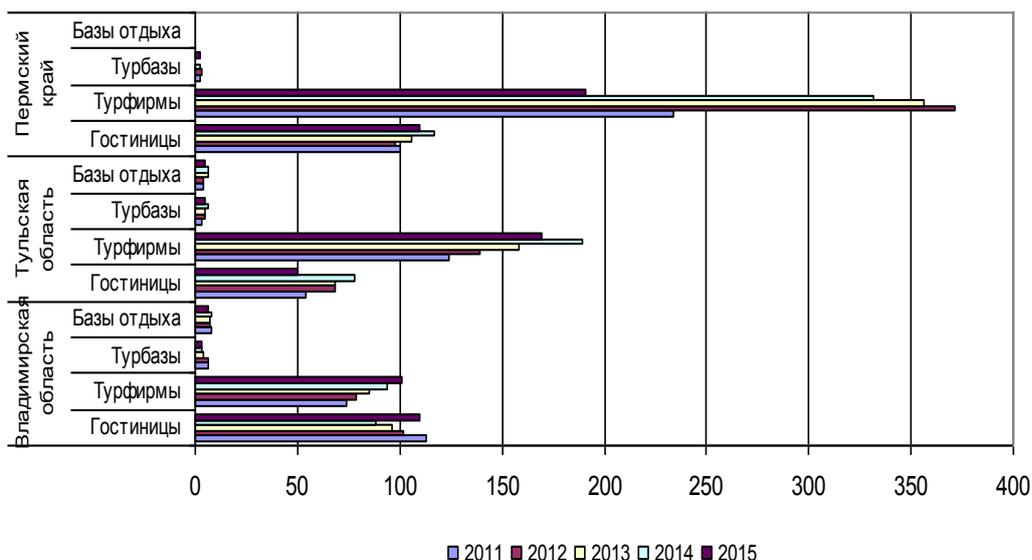

Рис. 2. Средства размещения Владимирской, Тульской областей, Пермского края за 2011–2015 гг., ед. [20]

Число гостиниц снизилось в Тульской и Владимирской области на 3 и 4 единицы, что составило снижение на 2,7 % и 7,4 % соответственно, в то время как в Пермском крае прирост на 10 ед. – до 110 гостиниц (10 %). Незначительные изменения по количеству турбаз и баз отдыха свидетельствуют о низком спросе. Аналогичную статистику можно наблюдать по статистике фактически размещенных туристов (рис. 3).

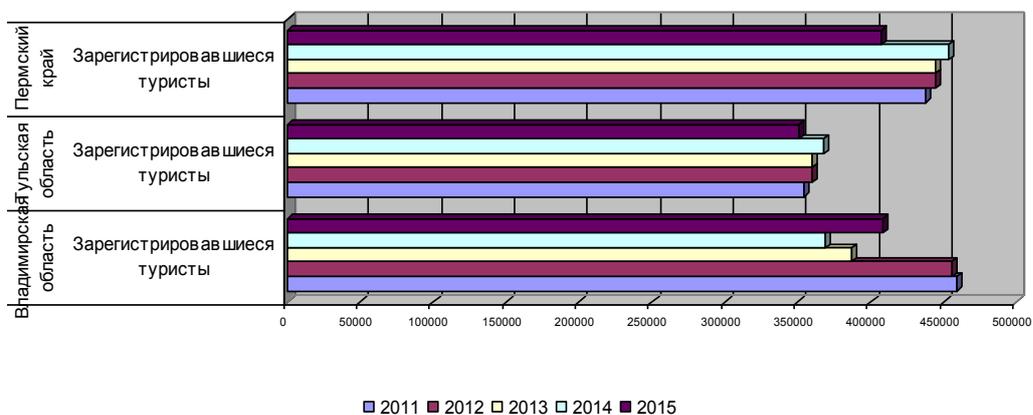

Рис. 3. Динамика численности фактически размещенных туристов во Владимирской, Тульской областей, Пермского края за 2011–2015 гг., чел. [20]

Во Владимирской области снижение численности составило 11,1 %, в Тульской области – 34,5 %, в Пермском крае – 22,4 %. В абсолютном выражении наиболее сильное падение в Пермском крае – свыше 45 тыс. чел.

Рассмотрим динамику численности предприятий санаторно-курортного комплекса (рис. 4)

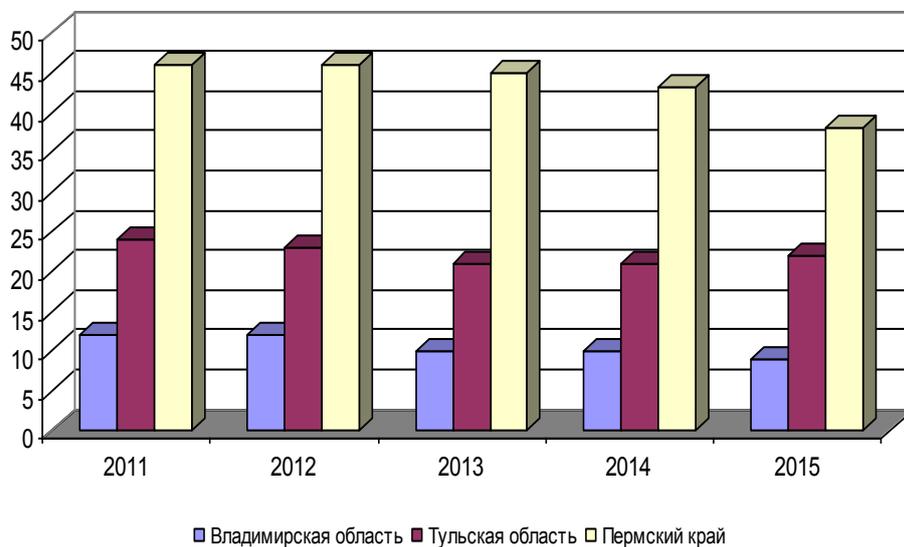

Рис. 4. Динамика численности предприятий санаторно-курортного комплекса Владимирской, Тульской областей, Пермского края за 2011–2015 гг., ед. [20]

Незначительное снижение численности санаторно-курортных организаций является подтверждением низкого спроса со стороны населения регионов России по ряду причин: снижение доходов на фоне роста цен на туристско-рекреационные услуги, несоответствие цены и качества услуг в здравницах, низкое качество инфраструктуры, ее неразвитость в сфере досуга.

Охарактеризуем потенциал лечебно-оздоровительного туризма рассматриваемых субъектов РФ (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ профилей лечения основных предприятий санаторно-курортного комплекса Тульской, Владимирской областей, Пермского края [10; 11]

Тульская область	Владимирская область	Пермский край
Санаторий «Велегож» (заболевания органов дыхания, зрения, опорно-двигательного аппарата, нервной, эндокринной системы)	Санаторий им. Абельмана (органы движения, периферической нервной системы, гинекологические, урологические, кардиологические заболевания)	ЗАО «Курорт Усть-Качка» (заболевания нервной системы, заболевания органов пищеварения, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания ЛОР-органов)
Санаторий «Егнышевка» (заболевания органов дыхания, опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, центральной и периферической нервной системы)	Санаторий «Заклязьменский» (заболевания опорно-двигательного аппарата, нервной, пищеварительной системы, органов пищеварения, костно-мышечной системы, нарушения обмена веществ)	«Демитково» (заболевания нервной системы, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания органов дыхания, заболевания ЛОР-органов, болезни глаза и его придатков, лечение спинальных больных, лечение больных с травмами головного мозга)
Санаторий «Краинка» (заболевания органов пищеварения, периферической нервной системы, костно-мышечной и соединительной ткани, мочеполовой, эндокринной системы, нарушения обмена веществ)	Санаторий «Русский лес» (заболевания сердечно-сосудистой системы, эндокринные и системные болезни, болезни опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические болезни, болезни желудочно-кишечного тракта)	ЗАО «Курорт «Ключи»» (заболевания нервной системы, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания сердечно-сосудистой системы)
Санаторий «Строитель» (заболевания кровообращения, органов брюшной полости, дыхания, нервной, эндокринной системы, кожи и подкожной клетчатки, мочеполовой системы, женских болезней)	Санаторий «Сосновый бор» (заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой системы, эндокринных и системных болезнях, периферической и центральной нервной системы, опорно-двигательной системы, урологические и гинекологические болезни, болезни ЖКТ)	«Родник» (заболевания нервной системы, заболевания органов дыхания, заболевания кожи и подкожной клетчатки, заболевания костно-мышечной системы и соединительной ткани, заболевания ЛОР-органов, заболевания сердечно-сосудистой системы)

Основные санаторно-курортные организации обладают широким профилем лечения.

На основании оценки природно-ресурсного, туристско-рекреационного, транспортного потенциала в Пермском крае можно выделить 7 курортно-рекреационных кластеров: Северный, Соликамско-Березниковский, Центральный, Западный, Горнозаводской, Юго-Восточный (Предуралье) и Южный. Каждый из них отличается наличием необходимых минеральных вод, лечебного климата и уникальных ландшафтных комплексов. По количеству действующих санаторно-курортных организаций лидирует Центральный курортно-рекреационный кластер, который опоясывает крупный промышленный город Пермь.

Северный курортно-рекреационный кластер характеризуется суровыми климатическими условиями и малонаселенностью; расположен среди ландшафтных территорий тайги и горной и предгорной тундры. Экологическая чистота территории района обусловлена незначительным количеством промышленных предприятий. Открыты месторождения радоновых вод и хлоридно-натриевых рассолов. В районе находится самая высокая точка Урала на территории края – Тулымский Камень (1469 м), а также самое крупное озеро Пермского края – Чусовское и самая большая карстовая пещера – Дивья. Распространены сплавы по рекам – Вишере и Колве. Древнейшим городом края является г. Чердынь, который также располагается на территории Северного района. Сочетание природного и историко-культурного потенциала крайне важно для развития курортно-рекреационного туризма. В рассматриваемом районе функционируют санаторий-профилакторий «Жемчужина Вишеры», базы отдыха «Северный Урал» и «Чердынь-Тур».

Соликамско-Березниковский курортно-рекреационный кластер отличается крупнейшим месторождением калийных солей, которые активно используются в спелеотерапии. Район располагается в зоне перехода от средней тайги к южной, а также месте перехода Камы в Камское водохранилище. Историко-культурное наследие разнообразно и представлено такими храмами и музеями, как Троицкий собор и Богоявленская церковь, Соборная колокольня, Дом Воеводы, музей соли. В Соликамско-Березниковском районе действуют санатории-профилактории «Чайка», «Азот», «Уралкалий» и др.

Центральный курортно-рекреационный кластер отличается выгодным расположением в центре Пермского края, что предопределило формирование благоприятных для человека микроклиматических условий. Наличие аттрактивных ландшафтов, созданных как руками человека, так и природой, благотворно воздействует на отдыхающих. На территории района обнаружено несколько видов минеральных вод наружного (сероводородные и йодобромные) и питьевого применения, имеются неиспользуемые грязи. Южная тайга и р. Кама – главные природные объекты района, которые также способствуют развитию туризма. Огромное разнообразие историко-культурных памятников, археологических объектов, исторически значимых мест привлекает туристов. Преимущества Центрального района в развитии курортно-рекреационной деятельности заключаются не столько в природном разнообразии, сколько в созданных для лечения и оздоровления условиях, к которым непременно относятся развитая транспортная

сеть, высокий уровень развития инфраструктуры и оказания услуг в сфере отдыха. В Пермском районе, недалеко от г. Перми, располагается крупнейший курорт края – «Усть-Качка», санатории «Демидково», «Уральская Венеция», санаторий-профилакторий «Вита» и т. д.

Западный курортно-рекреационный кластер характеризуется благоприятными микроклиматическими параметрами, равнинным расположением, большим количеством рек, сосновых лесов, прудов, потенциальных месторождений минеральных вод. Данный район отличается разнообразием историко-культурных достопримечательностей, здесь есть краеведческие музеи, святые источники, храмы и церкви. Созданы благоприятные условия для развития сельского туризма. На территории района действует санаторий «Рябинка».

Горнозаводской курортно-рекреационный кластер располагается в низкогорье Урала, образуя два горных массива до 600 м высотой. Климатические показатели с юго-запада на северо-восток характеризуются как более суровые. Преобладает природная зона южной тайги. На его территории находится государственный заповедник «Басеги», а разнообразие геологических памятников (Ледяная пещера, Пашийская пещера и т. д.) формирует уникальность района. Горный Урал идеально подходит для сплавов по быстрым рекам – Усьве, Вильве, Койве и др. Богатство источников минеральных вод и лечебных грязей создает условия для развития санаторно-курортной деятельности. На территории района функционируют санатории-профилактории «Алит», «Родник», «Таежный», «Метафракс» и др.

Юго-Восточный курортно-рекреационный кластер характеризуется мягкими микроклиматическими условиями. На его территории располагается уникальный памятник природы – Кунгурская островная лесостепная зона. Разнообразие ландшафтов – леса, луга, прибрежно-водных территорий, живописных долин, лесостепных участков в сочетании с минеральными водами наружного применения и сульфидно-иловыми глинами Суксунского пруда – создает уникальные условия для развития курортно-рекреационной деятельности. В настоящее время распространены историко-культурный, деловой, событийный, спелео-экскурсионный, научный и горнолыжный туризм. Наиболее крупными организациями в сфере отдыха и лечения являются курорт «Ключи» и санаторий «Красный яр».

Южный курортно-рекреационный кластер – самый теплый и благоприятный район Пермского края, но зимой температура может опускаться ниже, чем в северных районах. Территория богата историко-культурными и этнографическими достопримечательностями, ландшафтные комплексы и водные объекты создают благоприятные условия для развития туризма. Запасы минеральных вод (Осинское месторождение) значительны. Из объектов для развития спортивного туризма стоит отметить горнолыжную трассу международного уровня и объекты подготовки спортсменов. На юге региона проживают разные народы, поэтому целесообразен этнографический туризм. В связи с наличием Воткинского водохранилища развита рыбная ловля и водно-моторные поездки [14].

Представим расположение курортно-рекреационных кластеров (рис. 5).

Рис. 5. Курортно-рекреационные кластеры Пермского края [14]

Потенциал туристско-рекреационной деятельности связан с исторически сложившимися условиями и предпосылками для различных видов туризма. В условиях производственной экспансии и формирования особых экономических зон значение приобретают экологическая чистота территории, на которой размещены гостиницы, санатории, дома отдыха; низкий уровень освоения, который привлекает инвесторов для продвижения масштабных проектов в сфере лечебно-

оздоровительного туризма; уникальные культурно-исторические объекты. Такими преимуществами обладают малые города.

Рассмотрим на примере малых городов Пермского края возможность их включения в состав туристско-рекреационных кластеров (табл. 2).

Таблица 2

Потенциал малых городов для включения их в состав туристско-рекреационных кластеров [9; 10; 11]

Малые города	Чел.	Транспортная доступность	Потенциал	Кластер
Чермоз	3597	2	Развитие познавательного, экологического, агротуризма	<i>Северный</i>
Чердынь	4674	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	<i>Соликамско-Березниковский</i>
Усолье	5979	1	Развитие религиозного и познавательного туризма	<i>Соликамско-Березниковский</i>
Оханск	7096	1	Развитие экологического, агротуризма	<i>Южный</i>
Гремячинск	9430	1	Образование, здравоохранение и экологический туризм	<i>Горнозаводской</i>
Горнозаводск	11575	1	Транспортная отрасль, сфера культуры	<i>Горнозаводской</i>
Александровск	13353	1	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль и туризм	<i>Южный</i>
Очер	14091	3	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	<i>Южный</i>
Красновишерск	15733	3	Образование, здравоохранение, транспортная отрасль, экологический туризм	<i>Северный</i>
Кизел	16642	2	Туризм и рекреация, экологический и агротуризм	<i>Южный</i>
Нытва	18878	1	Развитие познавательного, экологического и агротуризма	<i>Центральный</i>
Губаха	21160	1	Транспорт, сфера культуры и туризм	<i>Южный</i>
Оса	21201	1	Культурный центр – развитие познавательного туризма	<i>Центральный</i>
Верещагино	22328	1	Транспорт, промышленность и туризм	<i>Центральный</i>
Кудымкар	30739	2	Развитие религиозного, познавательного, экологического и агротуризма	<i>Северный</i>
Чернушка	32687	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Южный</i>
Добрянка	33291	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Центральный</i>
Чусовой	45719	1	Промышленность, транспорт, туризм, санаторно-курортная деятельность	<i>Южный</i>

Где:

1 – транспортный узел (наличие автомобильных дорог федерального и регионального значения, железнодорожного сообщения);

2 – наличие автомобильных дорог регионального значения, железнодорожного сообщения;

3 – удаленность от железнодорожного сообщения, автомобильных дорог федерального и регионального значения.

Малые города, которые входят в туристско-рекреационные кластеры, характеризуются различным уровнем транспортной доступности, поэтому необходимо их включение в сетевое взаимодействие на основе транспортных узлов и потоков туристов (рис. 6).

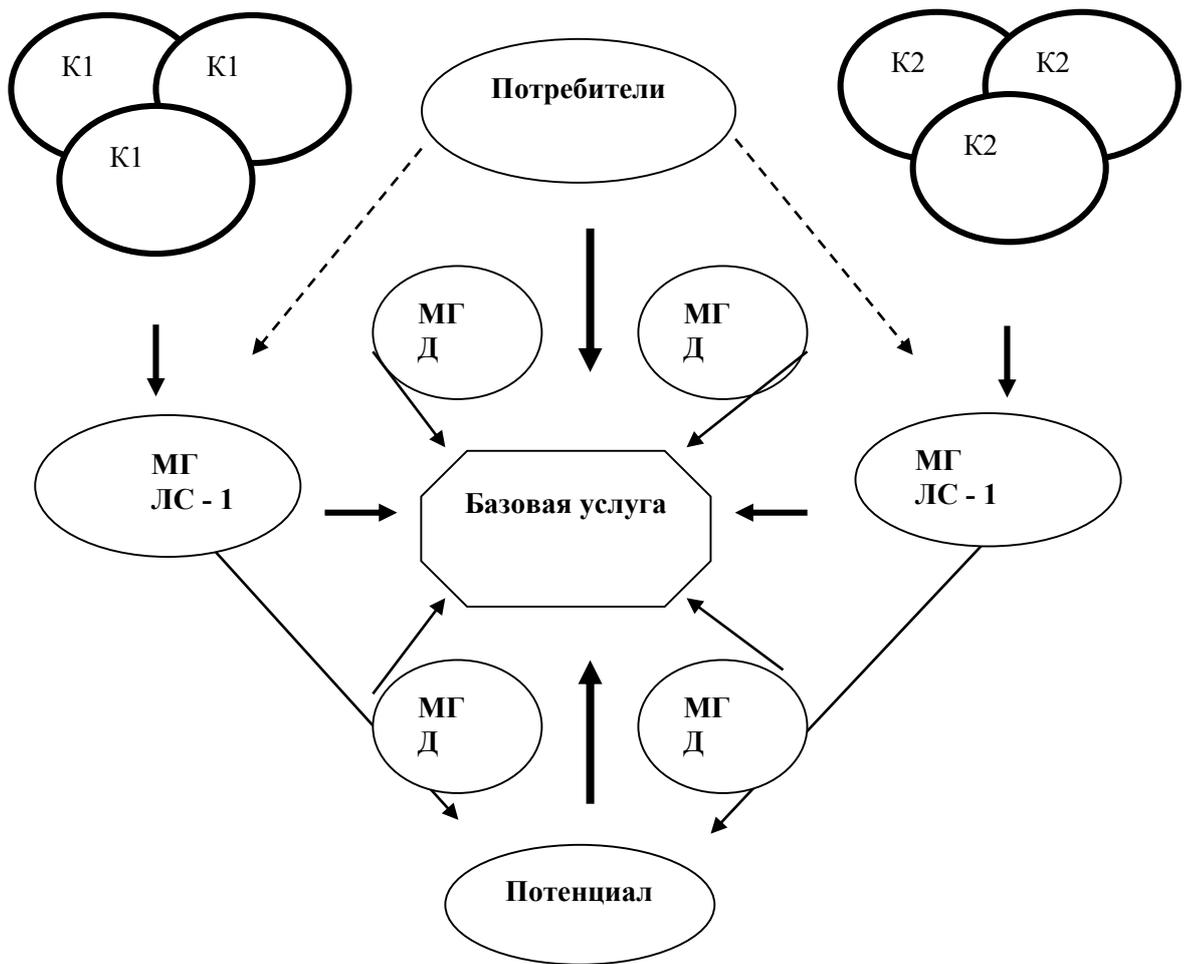

Рис. 6. Высокоразвитые туристско-рекреационные кластеры с элементами сети на основе транспортных узлов и потоков туристов [17; 18]

Где:

МГ ЛС-1 – малые города с логистической сетью уровня 1;

МГ Д – малые города с депрессивным экономическим положением;

К1 – кластер с туристско-рекреационной специализацией;

К2 – кластер с туристско-рекреационной специализацией;

МГ Д – малые города с депрессивным развитием.

Малые города рассматриваемых регионов обладают большим туристско-рекреационным потенциалом:

– территориальное пространство с благоприятной экологией;

– природные лечебные ресурсы;

– уникальные культурно-исторические объекты;

– высокая транспортная доступность;

– ресурсы и инфраструктура для диверсификации экономики.

Туристско-рекреационный потенциал малых городов рассматриваемых субъектов РФ является уникальным, именно в малых городах, которые зачастую являются экономически депрессивными, сосредоточены культурные, религиозные, исторические памятники, представляющие интерес с точки зрения развития туризма.

Таким образом, за счет включения в сетевое взаимодействие малые города Пермского края могут участвовать в создании базовой услуги и получать определенные выгоды, связанные с перераспределением ресурсов и денежных потоков.

ВЫВОДЫ

В результате исследования было выявлено, что кластерная форма организации производства продукции и услуг является высокоэффективной. Зарубежный опыт таких стран, как Германия и Франция, в области кластеризации позволил им выйти в мировые лидеры биотехнологий, промышленных инноваций в высокотехнологичном производстве. России заимствовала рассматриваемую концепцию развития в различных областях экономики. Высокие результаты получены в промышленно развитых регионах, в туристско-рекреационной сфере также создаются кластеры с учетом специфики потенциала территорий: природно-ресурсного, инфраструктурного, научного.

Формирование кластеров потенциального развития курортно-рекреационных территорий рассматривалось на примере Тульской и Владимирской областей, Пермского края.

Преимуществами туристско-рекреационных кластеров исследуемых субъектов РФ являются:

– создание комплексных, уникальных продуктов и услуг, выгоды от реализации которых распределятся на все субъекты бизнеса, входящих в кластер;

– активное вовлечение местного населения в развитие основных и сопутствующих сфер бизнеса, что повысит качество жизни и социально-экономические показатели конкретных муниципальных образований и малых городов;

– улучшение имиджа территории на основе продвижения лечебно-оздоровительных местностей и курортов, профильных санаториев и природных лечебных ресурсов, которые являются уникальными.

К недостаткам туристско-рекреационных кластеров можно отнести:

– недостаточное использование туристско-рекреационных ресурсов;

– структурные проблемы предприятий санаторно-курортного комплекса;

– высокие затраты и сезонное колебание спроса на услуги средств размещения, в том числе лечебно-оздоровительных предприятий.

В результате исследования были выявлены следующие проблемы кластерного развития в исследуемых субъектах РФ:

– недостаточная поддержка на уровне государства, отсутствие системного подхода со стороны ключевых субъектов: учреждений науки, образования, управления всех уровней;

– отсутствие механизма финансирования, позволяющего развивать туристско-рекреационные кластеры;

– отсутствие единого методического подхода, позволяющего системно оценивать эффект от кластеризации туристско-рекреационной деятельности;

– дифференцированный уровень развития территорий с туристско-рекреационным потенциалом, например развитые районные центры и малые города, для которых необходим особый программный подход в целях оптимального использования имеющихся ресурсов в целях интересов основных групп стейкхолдеров.

Решение выявленных проблем зависит от государственной и муниципальной политики, целенаправленного стимулирования развития кластерной формы производства в различных отраслях экономики, формирования нормативно-правовой основы регулирования на основании опыта развитых стран, адаптированного к российским условиям.

Курортно-рекреационная отрасль может способствовать мультипликативному развитию малых городов, поскольку они обладают уникальным потенциалом, их включенность в высокоразвитые сети на основе транспортного взаимодействия повысит уровень развития кластеров в целом, обеспечив рост дохода.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01324) «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года.
3. Концепция кластерной политики в Российской Федерации.
4. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации.
5. Абашкин В. Л., Бояров А. Д., Куценко Е. С. Кластерная политика в России: от теории к практике // Форсайт. 2012. Т. 6. № 3. С. 16–27.

6. Воронов А. С. К вопросу о типах региональных инновационных кластеров // Статистика и экономика. 2016. С. 52–61.
7. Куткин В. М. Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-географический аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 1. С. 523–528.
8. Никонов Б. О пользе кластеров для российской экономики // Статистика и экономика. 2013. С. 32–38.
9. Оборин М. С., Шерешева М. Ю. Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец. 2017. № 4 (68). С. 24–31.
10. Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю. Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 4. С. 100–117.
11. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Пахалов А. М. Институциональная среда как фактор формирования инвестиционного климата малых городов России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9. № 3. С. 370–394.
12. Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Иванов Н. А. Обоснование стратегических ориентиров социально-экономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2017. Том 12. № 3. С. 437–452.
13. Оборин М. С., Сысоев А. П., Шерешева М. Ю. Некоторые подходы к оценке экономического потенциала малых городов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Выпуск № 63. С. 297–319.
14. Оборин М. С., Мингазинова Е. Р., Фролова Н. В., Плотников А. В., Владимирский Е. В., Каячев А. П. Курортно-рекреационный кластер региона: социально-экономические аспекты функционирования: монография. Пермь, 2014. 205 с.
15. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс, 2005. 608 с.
16. Соколенко С. И. Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры. Киев: Логос, 2002. 645 с.
17. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Пахалов А. М., Костянян А. А. Разработка методики анкетирования развития малых городов России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 8 (154). С. 57–64.
18. Шерешева М. Ю., Оборин М. С., Костянян А. А. Особенности оценки качества жизни населения малых городов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9. № 2. С. 289–311.
19. Шерешева М. Ю., Савельев И. И., Оборин М. С. Синергия активного и образовательного туризма: возможности для малых российских городов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 3. С. 71–83.
20. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
21. Д. Хааг. Кластеры как инструмент развития некоммерческих организаций. М.: Инфра-М., 2012. 152 с.
22. Dohse D., Staehler T. BioRegio, BioProfile and the Rise of the German Biotech Industry (Working Paper № 1456). Kiel, Germany, 2008. URL: http://www.ifw-members.ifw-kiel.de/publications/bioregio-biopprofile-and-the-growth-of-the-german-biotech-industry/KWP_1456.pdf.
23. Beni M. Globalização do Turismo: Megatendências do Sector e a Realidade Brasileira, Editora Aleph, São Paulo, 2003.
24. Monfort M., Competitividad y factores críticos de éxito en la «hotelería de litoral»: experiencia de los destinos turísticos Benidorm y Peñíscola (Doctoral Dissertation, Universidad de Valência, Espanha, 2000).
25. Rodrigues A. B. Turismo rural: praticas e perspectivas. Sao Paulo: Contexto, 2003.

Статья поступила в редакцию 18.12.2017

УДК 657.631.6(075.8)

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНИЗАЦИЙ КРЫМА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Пожарицкая И. М., Гречишников Н. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация

E-mail: iryna1106@rambler.ru

В статье приведены результаты моделирования вариантов пересчета стоимости имущества крымских предприятий в переходный период. Предложен вариант оценки статей баланса с пересмотром порядка признания активов и обязательств в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: учетная политика, переходный период, моделирование, оценка имущества.

ВВЕДЕНИЕ

При проведении изучения деятельности крымских торговых организаций было выявлено отсутствие сформированной учетной политики предприятия в переходный период, наличие неучтенного имущества и капитала.

Данная ситуация была вызвана тем, что в переходный период вступления Республики Крым в состав Российской Федерации у руководства предприятия не было понимания правильности формирования учетной политики, оценки и признания фактов хозяйственной жизни, активов и обязательств. На законодательном уровне этой проблеме также не уделялось должного внимания, о чем авторы уже сообщали в своих публикациях [25, 26, 27].

Несмотря на то, что прошло более трех лет, данная проблема является актуальной, так как имущество крымских организаций до сих пор и не перерегистрировано в российское правовое поле. А это является прямым искажением данных финансовой отчетности, в частности входящих остатков (сальдо) начального баланса, и большой методологической проблемой, прежде всего на уровне учетной политики.

За последние годы вопросам проблем формирования учетной политики посвящены работы следующих авторов: М. В. Билитюк [15], Ю. С. Зиновьева [19], О. В. Крышкина [20], Х. В. Масюкова [21], Е. М. Мелихова [22], Р. Н. Ордынской [23, 24], А. В. Сухорукова [28], З. А. Терешко [21], И. С. Тополова [28] и др. Несмотря на то, что исследованию учетной политики и ее контролю уделено много внимания, специфике формирования учетной политики предприятий Республики Крым в переходный период и ее влиянию на дальнейшую деятельность предприятий это внимание не уделено вовсе. При научно-исследовательской работе использовалась информация из собственных исследований и публикаций авторов [16, 17, 18].

Целью исследования является установление путем моделирования приемлемого варианта пересчета стоимости имущества крымских организаций в связи с вступлением Республики Крым в состав Российской Федерации.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для определения правильности возврата в учет выявленных неучтенных статей имущества авторами работы был проведен анализ действующего законодательства, на основании которого было проведено моделирование хозяйственной деятельности ООО «Ялтаторг» с целью определения оптимального метода оценки и признания фактов хозяйственной жизни, активов, обязательств и капитала.

В статье 8 Федерального закона от 06.12.2011 № 402–ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О бухгалтерском учете» сказано: «В случае, если в отношении конкретного объекта бухгалтерского учета федеральными стандартами не установлен способ ведения бухгалтерского учета, такой способ самостоятельно разрабатывается исходя из требований, установленных законодательством Российской Федерации о бухгалтерском учете, федеральными и (или) отраслевыми стандартами» [3].

Исходя из вышесказанного и разъяснений Министерства финансов, авторы исследования приняли решение самостоятельно разработать правила оценки сложившейся ситуации, провести моделирование с целью определения оптимального способа исправления в учете [11, 14].

Было выбрано три варианта моделирования хозяйственной деятельности ООО «Ялтаторг»:

1. проведение перерасчета выявленных статей баланса по курсу Центрального банка Российской Федерации на 01 июля 2014 г.;
2. проведение перерасчета выявленных статей баланса по курсу Центрального банка Российской Федерации на 18 марта 2014 г.;
3. проведение перерасчета выявленных статей баланса по курсу Центрального банка Российской Федерации на 18 марта 2014 г. с пересмотром порядка признания активов и обязательств в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

При моделировании авторами учитывались требования ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте», в частности: «...Стоимость активов и обязательств (денежных знаков в кассе организации, средств на банковских счетах (банковских вкладах), денежных и платежных документов, финансовых вложений, средств в расчетах, включая по заемным обязательствам, с юридическими и физическими лицами, вложений во внеоборотные активы (основные средства, нематериальные активы, др.), материально-производственных запасов, а также других активов и обязательств организации), выраженная в иностранной валюте, для отражения в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности подлежит пересчету в рубли. Пересчет стоимости актива или обязательства, выраженной в иностранной валюте, в рубли производится по официальному курсу этой иностранной валюты к рублю, устанавливаемому Центральным банком Российской Федерации...» [12].

В соответствии с данными официального сайта Центрального банка Российской Федерации, обменный курс на 1 июля 2014 г. составлял 2,88 рубля за 1 украинскую гривну.

Исходя из этого курса, авторы работы провели пересчет статей баланса, указанных в таблице 1.

Таблица 1

Перечень статей баланса, не учтенных при переходе в российское правовое поле при перерегистрации по курсу ЦБ РФ на 01.07.2014

Статья баланса	Сумма, украинская гривна	Сумма, руб.
1. Курс обмена	1,00	2,88
2. Уставный капитал	10000,00	28800,00
3. Малоценные и быстроизнашивающиеся предметы	4970,00	14313,60
4. Основные средства по первоначальной стоимости	37444,00	107837,80
5. Накопленный износ	14762,00	42515,20
6. Нераспределенная прибыль	17652,00	50836,2

В дальнейшем был проведен пересчет результатов деятельности ООО «Ялтаторг» с учетом стартового сальдо, указанного в таблице 1, результаты пересчета отражены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты моделирования деятельности ООО «Ялтаторг» при пересчете входных статей баланса, не учтенных при переходе в российское правовое поле при перерегистрации по курсу ЦБ РФ на 01.07.2014

Показатель	Фактические данные			Эксперимент № 1			Прирост		
	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.
1. Материальные внеоборотные активы	3206	4143	4859	3233	4183	4916	0,84 %	0,97 %	1,17 %
2. Запасы	4763	1247	337	4777	1261	351	0,29 %	1,12 %	4,15 %
3. Денежные средства и денежные эквиваленты	4061	4580	2978	4061	4580	2978	0,00 %	0,00 %	0,00 %
4. Финансовые и другие оборотные активы	547	1757	3711	547	1757	3711	0,00 %	0,00 %	0,00 %
5. Капиталы и резервы	11370	11708	11473	11412	11762	11545	0,37 %	0,46 %	0,63 %
6. Кредиторская задолженность	1207	19	411	1207	19	411	0,00 %	0,00 %	0,00 %
7. Валюта баланса	12577	11727	11884	12619	11781	11956	0,33 %	0,46 %	0,61 %
8. Стоимость чистых активов	11370	11708	11473	11412	11762	11545	0,37 %	0,46 %	0,63 %
9. Чистая прибыль	663	234	1474	651	217	1466	-1,81 %	-7,26 %	-0,54 %
10. Чистая рентабельность активов (9/7)	5,27 %	2,00 %	12,40 %	5,16 %	1,84 %	12,26 %	97,86 %	92,31 %	98,86 %
11. Коэффициент финансовой устойчивости (5/7)	90,40 %	99,84 %	96,54 %	90,44 %	99,84 %	96,56 %	0,04 %	0,00 %	0,02 %

Как видно из данных таблицы 2, восстановление в учете обнаруженных активов и капитала приведет к незначительному снижению чистой прибыли предприятия, что, в свою очередь, приведет к снижению коэффициента чистой рентабельности активов в среднем на 1,14 % в 2014 г., 7,69 % в 2015 г. и 2,14 % в 2016 г. Одновременно увеличение стоимости внеоборотных активов приведет к незначительному росту коэффициента финансовой устойчивости на 0,02 % в 2014 г., 0 % в 2015 г. и 0,04 % в 2016 г.

В соответствии с данными официального сайта Центрального банка Российской Федерации, обменный курс на 18 марта 2014 г. составлял 3,778 рубля за 1 украинскую гривну.

Исходя из этого курса, авторы работы были проведены пересчет статей баланса, указанных в таблице 3.

Таблица 3

Перечень статей баланса, не учтенных при переходе в российское правовое поле при перерегистрации по курсу ЦБ РФ на 18.03.2014

Статья баланса	Сумма, украинская гривна	Сумма, руб.
1. Курс обмена	1,00	3,778
2. Уставный капитал	10000,00	37780,00
3. Малоценные и быстроизнашивающиеся предметы	4970,00	18776,46
4. Основные средства по первоначальной стоимости	45073,00	170287,00
5. Накопленный износ	7000,00	26443,00
6. Нераспределенная прибыль	33043,00	124840,46

В дальнейшем был проведен пересчет результатов деятельности ООО «Ялтаторг» с учетом стартового сальдо, указанного в таблице 5, результаты пересчета отражены в таблице 4.

Данные таблицы 4 показывают, что восстановление в учете обнаруженных активов и капитала на 18 марта 2014 г. также приведет к снижению чистой прибыли предприятия по сравнению с предыдущим моделированием: в 2014 г. на 1,09 %, в 2015 г. на 12,39 %, в 2016 г. на 4,52 %.

Таблица 4

Результаты моделирования деятельности ООО «Ялтаторг» при пересчете статей баланса, не учтенных при переходе в российское правовое поле при перерегистрации по курсу ЦБ РФ на 18.03.2014

Показатель	Фактические данные			Эксперимент № 2			Прирост		
	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.
1. Материальные внеоборотные активы	3206	4143	4859	3265	4233	4978	1,84 %	2,17 %	2,45 %
2. Запасы	4763	1247	337	4782	1266	355	0,40 %	1,52 %	5,34 %
3. Денежные средства и денежные эквиваленты	4061	4580	2978	4061	4580	2978	0,00 %	0,00 %	0,00 %
4. Финансовые и другие оборотные активы	547	1757	3711	547	1757	3711	0,00 %	0,00 %	0,00 %
5. Капиталы и резервы	11370	11708	11473	11448	11816	11611	0,69 %	0,92 %	1,20 %
6. Кредиторская задолженность	1207	19	411	1207	19	411	0,00 %	0,00 %	0,00 %
7. Валюта баланса	12577	11727	11884	12655	11835	12022	0,62 %	0,92 %	1,16 %
8. Стоимость чистых активов	11370	11708	11473	11448	11816	11611	0,69 %	0,92 %	1,20 %
9. Чистая прибыль	663	234	1474	633	205	1458	-4,52 %	-12,39 %	-1,09 %
10. Чистая рентабельность активов (9/7)	5,27 %	2,00 %	12,4 %	5,00 %	1,73 %	12,13 %	94,89 %	86,81 %	97,78 %
11. Коэффициент финансовой устойчивости (5/7)	90,40 %	99,84 %	96,54 %	90,46 %	99,84 %	96,58 %	0,07 %	0,00 %	0,04 %

Изменение чистой прибыли приведет к снижению коэффициента чистой рентабельности активов в среднем на 2,22 % в 2014 г., 13,19 % в 2015 г. и 5,11 % в 2016 г. Одновременно увеличение стоимости внеоборотных активов приведет к незначительному росту коэффициента финансовой устойчивости: на 0,04 % в 2014 г., 0 % в 2015 г. и 0,07 % в 2016 г.

При моделировании деятельности ООО «Ялтаторг» была проведена процедура признания материальных ценностей, основных средств и капитала в соответствии с нормами российского законодательства (таблица 5).

Таблица 5

Признание и оценка активов и капитала ООО «Ялтаторг» при переходе в
русское правовое поле с 18.03.2014

Актив	Нормативный акт	Результат
Уставный капитал	Письмо Минфина РФ № ПЗ-12/2014	Пересчет по курсу ЦБ РФ. Переквалификация в добавочный капитал. Перевод на счет 83 «Добавочный капитал»
Малоценные и быстроизнашивающиеся предметы	ПБУ 5/01 «Учет материально- производственных запасов»	Признание текущими расходами предприятия. Списание на счет 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)». Учет на забалансовых счетах
Основные средства по первоначальной стоимости	ПБУ 6/01 «Учет основных средств» ПБУ 5/01 «Учет материально- производственных запасов»	Все основные средства при пересчете по курсу ЦБ РФ стоят менее 40000 руб. Перевод основных средств в состав МПЗ. Признание текущими расходами предприятия. Списание на непокрытые убытки. Учет на забалансовых счетах по остаточной стоимости
Накопленный износ	Письмо Минфина РФ № ПЗ-12/2014	Пересчитывается по курсу ЦБ РФ. Учитывается при расчете остаточной стоимости основных средств
Нераспределенная прибыль	Письмо Минфина РФ № ПЗ-12/2014	Списание на счет 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)»

После проведения процедуры признания активов и капитала был проведен пересчет хозяйственной деятельности ООО «Ялтаторг» с целью определения влияния стартовых остатков на финансовую отчетность и результат деятельности (таблица 6).

Как видно из результатов таблицы 6, примененная методика оценки и признания активов и капитала позволила исправить ошибки в учете без влияния на финансовую отчетность и результат деятельности предприятия, поскольку изменения произошли внутри одной статьи – «Капиталы и резервы».

По мнению авторов исследования, именно этот метод рекомендуется руководству ООО «Ялтаторг» для постановки на учет выявленных активов. Офисное и торговое оборудование рекомендуется ввести в учет на забалансовые счета в разрезе материально-ответственных лиц по стоимости, определенной результатом моделирования.

Таблица 6

Результаты моделирования деятельности ООО «Ялтаторг» при пересчете статей баланса, не учтенных при переходе в российское правовое поле при перерегистрации по курсу ЦБ РФ на 18.03.2014 с учетом признания активов и капитала в соответствии с нормами законодательства

Показатель	Фактические данные			Эксперимент № 3 (все, стоимостью до 40000 на прибыль и за баланс по курсу на 18.03.2014)		
	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.
1. Материальные внеоборотные активы	3206	4143	4859	3206	4143	4859
2. Запасы	4763	1247	337	4763	1247	337
3. Денежные средства и денежные эквиваленты	4061	4580	2978	4061	4580	2978
4. Финансовые и другие оборотные активы	547	1757	3711	547	1757	3711
5. Капиталы и резервы	11370	11708	11473	11370	11708	11473
6. Кредиторская задолженность	1207	19	411	1207	19	411
7. Валюта баланса	12577	11727	11884	12577	11727	11884
8. Стоимость чистых активов	11370	11708	11473	11370	11708	11473
9. Чистая прибыль	663	234	1474	663	234	1474
10. Чистая рентабельность активов (9/7)	5,27 %	2,00 %	12,40 %	5,27 %	2,00 %	12,40 %

Корректировку счетов баланса, вызванную введением добавочного капитала и изменением объема нераспределенной прибыли, рекомендовано исправить ретроспективным методом, путем изменения остатка баланса на начало 2016 г.

Исходя из данных таблицы 3, совокупность обнаруженных ошибок равна 378,1 тыс. рублей, что составляет 3 % от валюты баланса на 1 января 2017 г. Положение по бухгалтерскому учету «Исправление ошибок в бухгалтерском учете и отчетности» (ПБУ 22/2010), утверждено Приказом Минфина России от 28 июня 2010 г. № 63н, содержит пояснения относительно существенности ошибки, допущенной в бухгалтерском учете и/или отчетности. ПБУ 22/2010 указывает: «... ошибка признается существенной, если она в отдельности или в совокупности с другими ошибками за один и тот же отчетный период может повлиять на экономические решения пользователей, принимаемые ими на основе бухгалтерской отчетности, составленной за этот отчетный период. При этом существенность ошибки организация определяет самостоятельно, исходя как из величины, так и из характера соответствующей статьи (статей) бухгалтерской отчетности» [10].

Учетной политикой ООО «Ялтаторг», пункт 1.9, установлен порог существенности в два процента от валюты баланса, что дает дополнительные основания для исправления выявленной ошибки и корректировки финансовой отчетности.

Определение и понимание существенности информации финансовой отчетности раскрываются в Положении по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность

организации» (ПБУ 4/99), утверждено Приказом Минфина России от 6 июля 1999 г., № 43н. В п. 11 ПБУ 4/99 указано: «...показатели об отдельных активах, обязательствах, доходах, расходах и хозяйственных операциях должны приводиться в бухгалтерской отчетности обособленно в случае их существенности и если без знания о них заинтересованными пользователями невозможна оценка финансового положения организации или финансовых результатов ее деятельности...» [13].

Письмом Министерства финансов РФ № ПЗ-12/2014 был установлен еще один возможный срок перехода на ведение бухгалтерского учета по российским правилам – 1 января 2014 г. с пересчетом всех операций с этой даты до даты перехода. Авторы исследования не придерживаются мнения о возможности применения этой даты как стартовой, т. к. Республика Крым стала субъектом российского права в области бухгалтерского учета с момента вступления в состав Российской Федерации (18 марта 2014 г.) [14]. До этой даты на территории Крыма действовали законы Украины, и, исходя из порядка правоприменения, использовать действующее законодательство России на территории Украины (до 18 марта 2014 г.) некорректно.

ВЫВОДЫ

После проведения моделирования было выявлено, что первые два варианта позволяют восстановить утерянные статьи в отчетности, а активы в учете, но являются достаточно трудоемкими и, по мнению авторов, некорректными с точки зрения применяемых методологий.

По мнению авторов, наиболее корректным для фиксации фактов хозяйственной жизни в переходный период будет являться именно третий метод. Республика Крым вступила в российское правовое поле в области бухгалтерского учета с 18 марта 2014 г. Значит, предприятиям необходимо было свернуть баланс по состоянию на 17 марта 2014 г. в соответствии с законодательством Украины, провести достаточно сложную и трудоемкую процедуру признания активов, обязательств и капитала в соответствии с нормами российских правовых актов. Денежные статьи необходимо было пересчитать по курсу ЦБ РФ на 18.03.2014 и от новых показателей продолжить свою деятельность как новое предприятие. Для формирования новой учетной политики предприятиям Крыма можно было воспользоваться отсрочкой в 90 дней, которая теоретически позволяла разобраться в нюансах системы и правильно работать, однако на практике это оказалось достаточно проблематично, с чем и столкнулось руководство ООО «Ялтаторг».

Именно этот метод исправления был предложен для апробации руководству предприятия для корректировки показателей финансовой отчетности.

Дальнейшему исследованию подлежат вопросы организации внутреннего контроля учетной политики, в том числе с использованием цифровых технологий.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант

- Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
 3. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011, № 402–ФЗ (ред. от 18.07.2017) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/.
 4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” и статью 1202 Части третьей гражданского кодекса Российской Федерации» от 05.05.2014, № 24–ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162572/.
 5. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) от 08.02.1998, № 14–ФЗ (ред. от 29.07.2017) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/.
 6. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 21 «Влияние изменений обменных курсов валют» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 25.11.2011, № 160н) (ред. от 26.08.2015) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123935/.
 7. Постановление Государственного Совета Республики Крым «О порядке использования официальной валюты при осуществлении всех видов платежей на территории Республики Крым» (с изменениями и дополнениями) от 26 марта 2014 года, № 1854–6/14 [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. URL: <http://crimea.gov.ru/rule-making-activity/legislative-sitting-list/6108-10>.
 8. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 11.04.2014, № 2010–6/14 об утверждении Положения «Об особенностях применения законодательства о налогах и сборах на территории Республики Крым в переходный период» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. URL: <http://crimea.gov.ru/rule-making-activity/legislative-sitting-list/6108-10>.
 9. Приказ Минфина России «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету» [вместе с Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008), Положением по бухгалтерскому учету «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008)] от 06.10.2008, № 106н (ред. от 28.04.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 27.10.2008, № 12522) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164/.
 10. Приказ Минфина России «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Исправление ошибок в бухгалтерском учете и отчетности» (ПБУ 22/2010) от 28.06.2010, № 63н (ред. от 06.04.2015) (Зарегистрировано в Минюсте России 30.07.2010, № 18008) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103309/1aa20a59e12e7573199d042041332d47f3d5edbb/.
 11. Приказ Минфина России «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» от 29.07.1998, № 34н (ред. от 29.03.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 27.08.1998, № 1598) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081/.
 12. Приказ Минфина РФ «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет

- активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» (ПБУ 3/2006)» от 27.11.2006, № 154н (ред. от 24.12.2010) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.01.2007, № 8788) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65496/.
13. Приказ Минфина РФ «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Бухгалтерская отчетность организации” (ПБУ 4/99)» от 06.07.1999, № 43н (ред. от 08.11.2010) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609/.
 14. Письмо Министерства Финансов Российской Федерации «О ведении бухгалтерского учета на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 11.07.2014 г., № ПЗ–12/2014 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157977/.
 15. Билитюк М. В. Внутренние документы организации. Сравнительный анализ подходов к формированию учетной политики для целей бухгалтерского учета в России и за рубежом // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 4. С. 431–432.
 16. Гречишников Н. П. Постпереходный период в Республике Крым: проблемы учета и налогообложения // I научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» / Сборник тезисов участников. Симферополь, 2015. С. 112–114.
 17. Гречишников Н. П. Проблемы практического применения правил бухгалтерского учета Российской Федерации предприятиями Республики Крым // I международная научно-практическая конференция: «Тенденции, направления и перспективы развития экономических отношений в современных условиях хозяйствования» (28–29 апреля 2016 г.). Симферополь: ООО «Антиква», 2016. 548 с.
 18. Гречишников Н. П., Пожарицкая И. М. Проблема формирования учетной политики и организации процесса перехода на ведение бухгалтерского учета по правилам Российской Федерации в Республике Крым // Новая наука: стратегии и векторы развития: Международное научно-практическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (19 апреля 2016 г., г. Ижевск). / в 3 ч. Ч. 1. Стерлитамак: АМИ, 2016. 239 с.
 19. Зиновьева Ю. С. Учетная политика как эффективный инструмент системы управления хозяйствующего субъекта // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 2 (69). С. 55–58
 20. Крышкин О. Настольная книга по внутреннему аудиту: Риски и бизнес-процессы. М.: Альпина Паблишер, 2016. 477 с.
 21. Масюкова Л. В., Терешко З. А. Применение международных стандартов финансовой отчетности в российской практике // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. 2016. № 1 (34). С. 88–95
 22. Мелихова Е. М. Учетная политика организаций при упрощенной системе налогообложения (УСН) // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 448–452.
 23. Ордынская О. Н. Учетная политика как основа организации бухгалтерского учета // Научный альманах. 2016. № 6–1 (19). С. 112–120.
 24. Ордынская О. Н. Учетная политика для целей управленческого учета // Вестник научных конференций. 2016. № 6–4 (10). С. 97–105.
 25. Пожарицкая И. М. Перспективная тематика научных исследований по учету и анализу // Экономика и предпринимательство, 2017. № 8–1. – С. 1105–1108.
 26. Пожарицкая И. М., Гречишников Н. П. Анализ организации перехода на ведение бухгалтерского учета по правилам Российской Федерации предприятиями Республики Крым // Студенческая научно-практическая конференция «Проблемы интеграционного

- периода в экономике Республики Крым» (28–29 апреля 2015 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 118 с.
27. Пожарицкая И. М., Гречишников Н. П. Влияние организации учетной политики на финансовое состояние предприятий Республики Крым в переходный период // II научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им В. И. Вернадского» (Симферополь, 2016), сборник тезисов участников. Симферополь, 2016. Т. 5. С. 316–317.
28. Сухорукова А. В., Тополова И. С. Влияние учетной политики организации на налоговые обязательства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 1–10. С. 125–127.

Статья поступила в редакцию 18.12.2017

УДК 336.278

ИНДИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ДОЛГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рогатенюк Э. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: elana2005@mail.ru*

В статье рассмотрены теоретические подходы к систематизации основных абсолютных показателей долговой безопасности страны и показателей-индикаторов, определены предъявляемые к ним требования. С использованием рассмотренных подходов к группировке абсолютных показателей и показателей-индикаторов долговой безопасности рассчитаны и проанализированы их значения, оценен уровень долговой безопасности Российской Федерации, выявлены основные факторы (условия), активизирующие заимствования Российской Федерации и угрожающие ее долговой устойчивости.

Ключевые слова: государственный долг, долговая устойчивость страны, долговая безопасность, индикативный анализ, индикаторы, пороговые значения индикаторов.

ВВЕДЕНИЕ

Интеграцию российской экономики в глобальное экономическое пространство затрудняет ее зависимость от мировых финансовых центров и слабая самодостаточность в области инновационных технологий. Решение данной проблемы усугубляется действующими санкциями по отношению к ведущим финансовым и промышленным компаниям Российской Федерации (далее – РФ). Именно поэтому так важна способность финансовой системы страны своевременно и в необходимых объемах мобилизовать денежные средства (финансовые ресурсы) на внутреннем рынке и рационально их использовать в дальнейшем.

Финансовые ресурсы, аккумулируемые государством посредством налогов, сборов и других обязательных платежей, отражаются в основном финансовом плане страны, принимающем форму закона, – государственном бюджете. Особенностью экономики современной России является рост дефицита государственного бюджета, для покрытия которого государство заимствует ресурсы на внутреннем и/или внешнем рынке, в результате чего и образуется государственный долг.

«Долговая проблема как экономическая реальность и объект научного анализа имеет две стороны. Во-первых, это чисто экономические аспекты долга: дополнительное финансирование экономического развития, покрытие дефицита бюджета, расширение фондового рынка, взаимосвязь последнего с денежно-кредитным рынком, “эффект вытеснения”, “управление долгом” и целый ряд конкретных финансово-экономических проблем. Во-вторых, это существенное влияние долга на национальную экономическую безопасность, т. е. на способность страны выдержать и сократить долговое бремя, сохранить финансовый и общеэкономический суверенитет, не допустить разрастания кризисных процессов, снижения национальной конкурентоспособности, усиления диспропорций в развитии регионов и т. п.» [1, с. 42].

Долговая безопасность вместе с бюджетной и налоговой входит в группу составляющих финансовой безопасности, связанную с реализацией функции государства, является подсистемой четвертого порядка в системе национальной безопасности, третьего – экономической, второго – финансовой. *Долговая безопасность* (далее – ДБ) – это «определенный уровень государственной внутренней и внешней задолженности (с учетом стоимости ее обслуживания и эффективности использования внутренних и внешних заимствований) и оптимального соотношения между ними, достаточное для решения необходимых социально-экономических проблем» [2, с. 44–45].

Оценку ДБ принято проводить по результатам сравнительного анализа фактических показателей государственного долга, исходя из уровня управления (общегосударственный, муниципальный и долг госкорпораций); социально-экономического значения (активный, пассивный); периодичности обслуживания и погашения (капитальный, текущий); источников заимствования (внешний, внутренний). Особое место в оценке ДБ занимает *индикативный анализ*, основанный на сопоставлении фактических и пороговых значений ключевых показателей-индикаторов. Цель индикативного анализа – «выявить положительные тенденции изменения показателей экономической безопасности, их интегрированности в обеспечении социально-экономической стабильности государства и его национально-государственных интересов» [3, с. 38].

В данной статье предлагается провести оценку ДБ РФ, используя определенные показатели-индикаторы, но прежде – рассмотрим теоретические подходы к систематизации индикаторов ДБ, выявим требования, предъявляемые к этим показателям.

Анализ последних исследований и публикаций. В общем, «*индикаторы* – это количественные показатели, пороговые значения которых численно отражают предельно допустимые с позиции экономических интересов соотношения пропорций хозяйственной деятельности, несоблюдение которых препятствует нормальному ходу экономического развития различных элементов воспроизводства, что угрожает экономической безопасности страны» [4]. Отсюда: *индикаторы ДБ* – это показатели, позволяющие выявить «болевые точки» в сфере заимствования государства, субъектов РФ и муниципальных образований, определить основные направления и наиболее действенные способы по устранению существующих и потенциальных угроз.

В определении степени ДБ «важную роль играют *пороговые значения* (коэффициенты) и их сопоставление с фактическими значениями. Специалистами международных финансовых организаций, финансовыми аналитиками, учеными-теоретиками совместно выработан определенный набор пороговых значений в указанной области. При этом преобладающий подход заключается в том, что нельзя использовать их прямолинейно и односторонне. Во-первых, следует учитывать особенности каждой страны-дебитора, в частности ее общий экономический потенциал, состояние разных сфер национальной экономики (налогово-бюджетной, денежно-кредитной, банковской, социальной и др.), внешнеэкономические возможности страны, условия обслуживания имеющегося долга и т. п. Во-вторых,

нужно обеспечивать комплексный подход, принимая во внимание всю совокупность долговых коэффициентов, несмотря на наличие отдельных критических уровней. В-третьих, необходимо проводить анализ указанных коэффициентов (значений) в течение нескольких лет, не делая поспешных выводов по первому тревожному звонку. В экономической истории немало примеров, когда страны, имевшие слабые показатели, выкручивались из сложившихся ситуаций и, напротив, попадали в сложное положение с, казалось бы, удовлетворительными показателями» [1, с. 47].

Необходимо отметить, что до настоящего времени нет утвержденных индикаторов и количественных параметров пороговых значений экономической безопасности в целом и ДБ как одной из ее подсистем.

В Бюджетном кодексе РФ [5] указаны следующие индикаторы ДБ:

— предельный объем заимствований субъектов РФ, муниципалитетов в текущем финансовом году;

— предельный объем госдолга субъекта РФ (не более 50 % утвержденного общего годового объема доходов бюджета субъекта РФ без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений);

— предельный объем муниципального долга (не более 50 % утвержденного общего годового объема доходов местного бюджета без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений и (или) поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений);

— объем расходов на обслуживание госдолга субъекта РФ или муниципального долга не должен превышать 15 % объема расходов соответствующего бюджета, за исключением объема расходов, которые осуществляются за счет субвенций, предоставляемых из бюджетов бюджетной системы РФ.

В экономической научной и учебной литературе авторы предлагают свои подходы к классификации индикаторов ДБ. Так, В. К. Сенчагов и Е. А. Иванов [6, с. 21], рассматривая структуру механизма современного мониторинга экономической безопасности, к индикаторам ДБ предлагают относить только один показатель – отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП в % (пороговое значение 10 %).

В. К. Сенчагов [7], рассматривая составляющие системы экономической безопасности (далее – ЭБ) в авторском учебнике, выделяет индикаторы ЭБ и их пороговые значения. В их составе к индикаторам ДБ автор относит следующие показатели: внешний долг в процентах к ВВП, внутренний долг в процентах к ВВП, доля расходов на обслуживание госдолга в процентах от общего объема расходов федерального бюджета. В. К. Сенчагов подчеркивает, что «в отличие от национальных интересов угрозы экономической безопасности более изменчивы, в большей мере диверсифицированы и, самое главное, не всегда предсказуемы, поскольку композиция факторов экономического и социального развития, состояние природной среды постоянно изменяются» [7, с. 76].

А. А. Калина и И. П. Савельева [8], придерживаясь системного подхода в оценке ЭБ, разработанного В. К. Сенчаговым, предложили свою систему основных индикаторов ЭБ и их пороговые значения. Данная система включает два раздела: производственно-финансовые и социально-демографические индикаторы. В составе

производственно-финансовых индикаторов авторы выделили тринадцать групп показателей, важное место среди которых занимают индикаторы, характеризующие внешний и внутренний долг (табл. 1).

Таблица 1
Индикаторы долговой безопасности Российской Федерации и их пороговые значения (А. А. Калина и И. П. Савельева)

Наименование индикатора	Пороговые значения	Направления ограничения
1. Отношение внешнего долга к ВВП	25 %	Не более
2. Отношение текущих платежей по внешнему долгу к объему экспорта	15 %	Не более
3. Отношение текущей потребности в бюджетных средствах на обслуживание внутреннего и внешнего государственного долга к расходной части консолидированного бюджета	20 %	Не более

Источник: [8, с. 16–18]

Украинские авторы [9] в составе индикаторов финансовой безопасности выделили отдельную подсистему, посвященную нарушениям долговой устойчивости страны (табл. 2). Данная классификация индикаторов ДБ является наиболее полной, поскольку охватывает все аспекты долгового процесса.

Таблица 2
Индикаторы долговой безопасности и их пороговые значения
(коллектив авторов под руководством С. И. Юрия и В. М. Федосова)

Наименование индикатора	Пороговые значения	Направления ограничения
1. Отношение общего объема государственного долга к ВВП	55 %	Не более
2. Отношение общего объема внешнего долга к ВВП	25 %	Не более
3. Уровень внешней задолженности на одного человека	200 долл. США	Не более
4. Отношение государственного внешнего долга к уровню годового экспорта товаров и услуг	70 %	Не более
5. Отношение процентных платежей по обслуживанию внешнего долга к годовому экспорту товаров и услуг	12 %	Не более
6. Отношение объема совокупных платежей по обслуживанию внешнего долга к доходам государственного бюджета	20 %	Не более
7. Отношение объема внутреннего долга к ВВП	30 %	Не более
8. Отношение объема совокупных платежей по обслуживанию внутреннего долга к доходам государственного бюджета	25 %	Не более
9. Отношение задолженности правительства по государственным ценным бумагам к ВВП	30 %	Не более

Источник: [9, с. 488]

Значительная долговая нагрузка негативно сказывается на условиях и результатах функционирования любого государства. В этой связи Мировой банк предложил систему показателей, которые каждая страна должна использовать в качестве основных индикаторов финансовой безопасности. Особое место в данной системе занимают индикаторы долговой нагрузки (табл. 3).

Таблица 3

Основные индикаторы, предложенные Мировым банком для оценки финансовой безопасности страны, %

Наименование показателя	Формула	Экономический смысл показателя
1. Отношение валового внешнего долга к экспорту товаров и услуг	EDT/XGS	Демонстрирует относительную долгосрочную способность страны аккумулировать валютные поступления бес прессинга на сальдо платежного баланса
2. Отношение валового внешнего долга к ВВП	EDT/GNP	Показывает общий уровень долговой составляющей в экономике
3. Отношение общих платежей по обслуживанию долга к экспорту товаров и услуг	TDS/XGS	Коэффициент обслуживания долга; показывает, какая часть валютных поступлений направляется в сферу погашения долга
4. Отношение процентных платежей к экспорту товаров и услуг	INT/XGS	Определяет часть валютных поступлений, которая используется на обслуживание долга
5. Отношение международных резервов к валовому внешнему долгу	RES/EDT	Показывает, может ли страна использовать свои резервы для погашения внешнего долга
6. Отношение международных резервов к импорту товаров и услуг	RES/MGS	Отображает запас финансовой мощности страны
7. Отношение краткосрочного долга к валовому внешнему долгу	<u>Short-term</u> EDT	Показывает, какую часть составляет краткосрочный долг в общей сумме внешнего долга
8. Отношение долга международным организациям к валовому внешнему долгу	<u>Multilateral</u> EDT	Отображает часть задолженности международным финансовым организациям в общей сумме внешнего долга или своего рода зависимость государства от финансирования этим организациями

Источник: [9, с. 242]

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Подытоживая результаты анализа теоретических подходов к систематизации индикаторов ДБ, следует отметить, что законодательное закрепление в Бюджетном кодексе РФ основных показателей-индикаторов и их пороговых значений не уменьшило интерес ученых к данной проблеме. Все еще открытым для дискуссий остается вопрос выбора оптимального набора показателей-индикаторов, анализ которых позволит выявить «болевы точки» в сфере государственных заимствований, определить основные направления и наиболее действенные способы по устранению существующих и потенциальных угроз.

Формулировка цели и задач исследования. Используя рассмотренные нами подходы к группировке индикаторов долговой безопасности страны, выберем

базовые для РФ, рассчитаем и проанализируем их значения, оценим уровень долговой безопасности, выявим основные факторы (условия), активизирующие заимствования РФ и угрожающие ее долговой устойчивости.

Объект исследования – долговая безопасность как составляющая экономической безопасности страны, базовое условие ее финансового и общеэкономического суверенитета. Предмет исследования – индикаторы долговой безопасности РФ, анализ которых позволяет выявить тенденции в обеспечении социально-экономической стабильности государства и реализации национальных интересов.

В качестве информационного обеспечения используем данные Банка России и Министерства финансов РФ.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

На первом этапе оценки ДБ РФ проанализируем динамику государственного внешнего долга России в абсолютном выражении (табл. 4). Мы видим, что до 2014 года размер внешних заимствований РФ неуклонно рос, однако за последние три года существенно снизился. Объясняется это введением санкций по отношению к крупнейшим финансово-кредитным учреждениям и отказу европейских банков от размещения ОГВЗ РФ.

Таблица 4

Динамика государственного внешнего долга РФ в 2009–2016 годах, млрд долл. США

Долг на 01.01.	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Внешний долг, всего	40,6	37,6	39,9	35,8	50,77	55,77	54,35	50,0
Задолженность кредиторам Парижского клуба	1,4	1,0	0,8	0,3	0,33	0,15	0,05	–
Задолженность кредиторам – не членам Парижского клуба	1,9	1,8	1,7	1,5	1,1	1,03	0,89	0,8
Коммерческая задолженность	1,2	0,8	0,1	0,05	0,022	0,02	0,02	–
Задолженность перед международными финансовыми организациями	4,6	3,8	3,1	2,5	2,03	1,56	1,17	1,0
Еврооблигации	27,7	26,2	30,4	29,2	34,9	40,67	39,27	35,9
Задолженность бывшим странам СЭВ	1,4	1,3	1,1	1,0	0,99	0,95	0,87	0,4
Облигации внутреннего государственного валютного займа	1,8	1,8	1,8	0,02	0,006	0,005	0,005	–
Предоставление гарантий РФ в иностранной валюте	0,6	0,9	0,9	1,03	11,4	11,4	12,08	11,9

Источник: Министерство финансов РФ [10]

В составе государственного внешнего долга РФ наибольший удельный вес занимает рыночный долг (свыше 70 %).

Государственный внешний долг РФ представлен еврооблигациями, срок гашения которых 2017–2043 года; пик по выплатам приходится на 2030 год –

необходимо будет выплатить 35 % (12,6 млрд долл. США) от суммы всех еврооблигаций. Доля нерыночного долга в исследуемом периоде сократилась с 24,9 % до 5,6 %, доля долга по государственным гарантиям в иностранной валюте увеличилась с 1,3 % до 22,2 %. В 2013 году произошел существенный рост государственных гарантий в структуре внешнего долга.

На втором этапе оценки ДБ РФ проанализируем динамику государственного внутреннего долга России в абсолютном выражении (табл. 5). Мы видим, что в период 2008–2016 гг. государственный внутренний долг РФ возрос в 5,5 раз.

Таблица 5

Динамика государственного внутреннего долга РФ в 2009–2016 годах, млрд руб.

Долг на 01.01.	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Внутренний долг, всего	1499	2094	2940	4190	4977	5722	7241	7307
В том числе государственные гарантии	72	251	472	637	906	1289	1765	1734

Источник: Министерство финансов РФ [10]

Также возросли государственные гарантии. «В последние годы объем государственных обязательств, возникающих вследствие предоставления государственных гарантий, имел устойчивую тенденцию к росту, были предоставлены государственные гарантии РФ в валюте РФ: по обязательствам ОАО «ОПК “Оборонпром”», ОАО «Курорты Северного Кавказа»; по обязательствам организаций оборонно-промышленного комплекса для реализации государственного оборонного заказа на основе государственных контрактов с Министерством обороны РФ; на реализацию инвестиционных проектов по созданию туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае, Республике Адыгея и другие» [11, с. 3].

«Внутренний долг связан с выпуском и размещением государственных ценных бумаг на внутреннем рынке. Он представлен в основном государственными сберегательными облигациями (ГСО) и облигациями федерального займа (ОФЗ)» [11, с. 2]. В структуре внутреннего долга РФ доля государственных ценных бумаг снизилась с 95 % до 77 %. На протяжении всего анализируемого периода наибольший удельный вес (свыше 80 %) в структуре государственного внутреннего долга РФ, выраженного в государственных ценных бумагах РФ, составляют ОФЗ.

«В 2015 году состоялся выпуск нового типа финансовых инструментов – облигаций, «защищенных» от инфляции (ОФЗ–ИН), со сроком погашения в 2023 году. Отличительной особенностью является то, что государственный долг растет за счет внутреннего долга при снижении внешнего. Начиная с 2009 г. он стал расти и к 2015 году составил 12,5 % ВВП. При продолжении текущей бюджетной политики государственный долг продолжит возрастать и дальше. Можно сделать вывод, что рост государственного долга во многом является следствием мирового финансового и экономического кризиса. Последние пять лет Россия осуществляла масштабные внутренние заимствования и, как следствие, значительно выросли расходы на обслуживание государственного долга, которые за 2015 год достигли 518,7 млрд рублей» [11, с. 3].

На третьем этапе оценки ДБ РФ проанализируем динамику расходов федерального бюджета на обслуживание государственного долга (табл. 6). Мы видим, что при снижении абсолютной суммы внешнего долга расходы на его обслуживание растут. Объясняется это тем, что наступил срок погашения по ранее взятым обязательствам. Темпы роста расходов на обслуживание государственного внутреннего долга опережают темпы роста по обслуживанию внешнего. Связано это с увеличением абсолютной суммы внутренних государственных заимствований.

Таблица 6

Расходы федерального бюджета на обслуживание государственного долга РФ в 2009–2015 годах, млрд руб.

Долг на 01.01.	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Расходы на обслуживание государственного долга РФ, всего	176,2	195,0	262,7	320,0	360,3	415,6	518,7
В том числе:							
– внешнего долга	86,0	73,3	72,1	75,8	79,7	103,3	160,4
– внутреннего долга	90,2	121,7	190,6	244,2	280,6	312,3	358,3

Источник: Министерство финансов РФ [10]

Четвертый этап. Проанализировав основные абсолютные показатели долговой безопасности, рассмотрим их относительные значения – индикаторы. Показатели, характеризующие степень долговой устойчивости РФ, приведены в таблице 7. Мы видим, что возросшие объемы внутренних заимствований и рост объема государственного долга увеличивают нагрузку на федеральный бюджет, однако большинство рассчитанных индикаторов долговой устойчивости на протяжении исследуемого периода находится в пределах пороговых значений.

Таблица 7

Показатели – индикаторы долговой безопасности РФ в 2015–2016 годах

Наименование показателя, единиц измерения	2015 год	2016 год	Пороговое значение
1. Государственный долг РФ в % к ВВП	25,6	15,7	<50 %
2. Доля государственного внутреннего долга в общем объеме госдолга РФ, %	69,7	71,6	>50 %
3. Доля расходов на обслуживание госдолга в общем объеме расходов федерального бюджета, %	3,8	4,0	<10 %
4. Отношение годовой суммы платежей по погашению и обслуживанию госдолга к доходам федерального бюджета, %	12,5	10,6	<10 %
5. Отношение госдолга РФ к доходам федерального бюджета, %	86,6	89,7	<250 %

Источник: рассчитано автором на основе данных Министерства финансов РФ [10].

Пятый этап – анализ долговой нагрузки в разрезе субъектов РФ. Если мы посмотрим на долговую нагрузку в разрезе субъектов РФ, то увидим, что ее в большей степени ощущают муниципальные образования и государственные корпорации (рис. 1). Снижение доходов от продажи углеводородов значительно

уменьшило финансовые возможности федерального бюджета по субсидированию дефицитных бюджетов субъектов федерации, что усилило их долговую нагрузку.

Рис. 1. Государственный долг, долг субъектов РФ и муниципальных образований и долг государственных корпораций по отношению к ВВП (%)

Источник: Министерство финансов РФ [10]

Шестой этап. Значение ключевого показателя долговой нагрузки – доли государственного долга к ВВП, выраженного в процентах, в РФ по сравнению с высокоразвитыми странами (рис. 2) и странами – экспортерами нефти (рис. 3) имеет самое низкое значение.

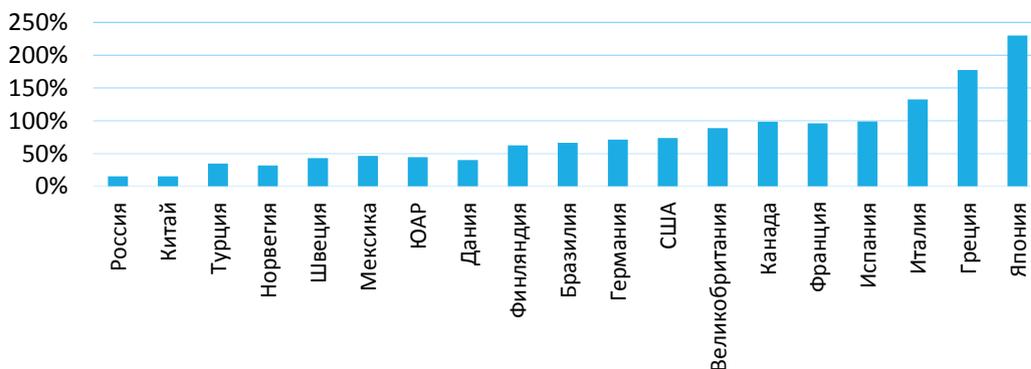

Рис. 2. Сравнение государственного долга в процентах ВВП в экономически развитых странах (в % ВВП)

Источник: Министерство финансов РФ [10]

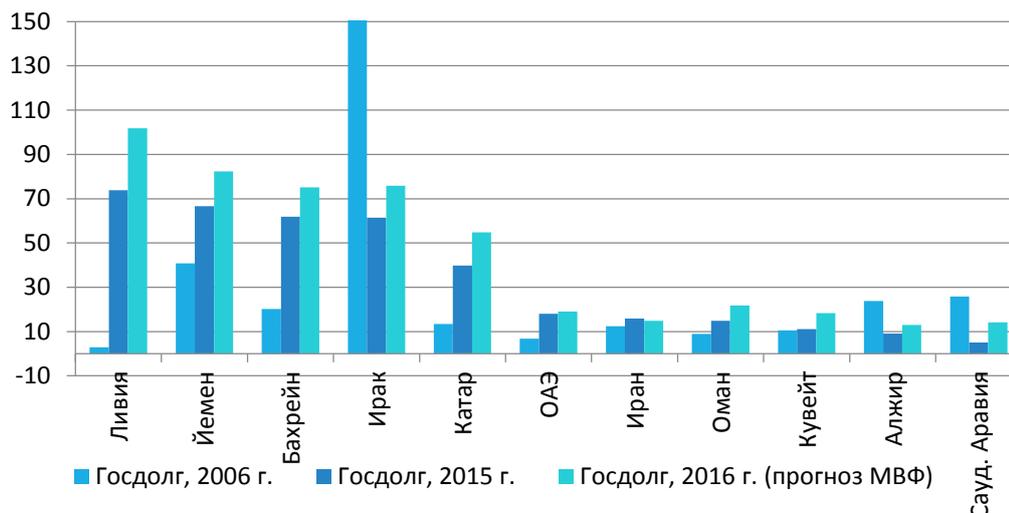

Рис. 3. Сравнение государственного долга в процентах ВВП в странах – экспортерах нефти в 2006–2016 годах (в % ВВП)

Источник: Министерство финансов РФ [10]

Седьмой этап – анализ источников покрытия государственного долга. В ряде экономически развитых стран в качестве основного инструмента управления государственным долгом используются суверенные фонды стабилизационного характера. «Они являются относительно новым финансовым институтом мировой экономики и образуются государством при благоприятной конъюнктуре или значительном бюджетном профиците. Источником капитала фондов служат доходы, полученные от продажи природных ресурсов, таких как энергоносители, минеральное сырье товары и услуги. Иногда подобный резерв формируется за счет выручки от приватизационных мероприятий, налоговых поступлений, прибыли государственных предприятий» [11, с. 5]. В РФ в качестве такого инструмента с 2004 года использовался Стабилизационный фонд РФ. В 2008 году на его базе были созданы Резервный фонд и Фонд национального благосостояния («пенсионная подушка»). «Средства Резервного фонда могут использоваться на досрочное погашение государственного внешнего долга, что ориентировано на снижение долговой нагрузки федерального бюджета за счет незапланированных доходов федерального бюджета и экономию средств федерального бюджета за счет сокращения расходов на обслуживание долговых обязательств РФ» [11, с. 5].

Поскольку большая часть доходов этих фондов формируется за счет нефтегазовых доходов, снижение цен на углеводороды сказалось отрицательно на их динамике (рис. 4). Также необходимо учитывать то, что средства этих фондов направляются на покрытие дефицита государственного бюджета и обслуживание (если есть необходимость, то и погашения) долговых обязательств РФ.

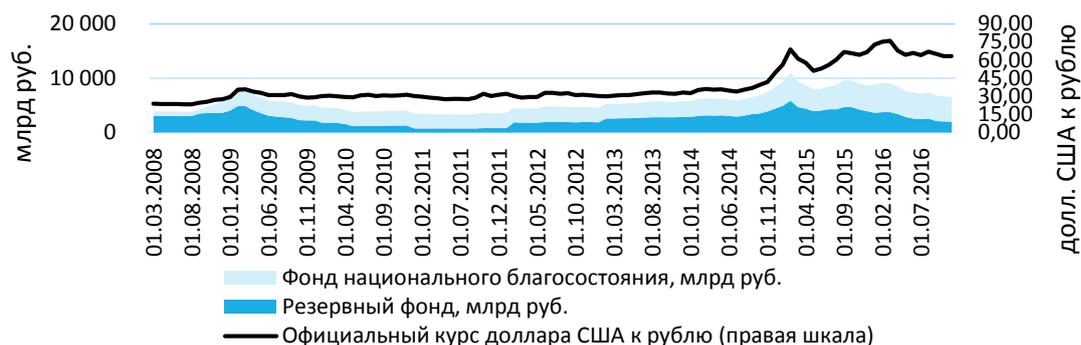

Рис. 4. Динамика средств Фонда национального благосостояния и Резервного фонда РФ в 2008 году – первом полугодии 2016 года (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Источник: Министерство финансов РФ [10]

ВЫВОДЫ

Подытоживая результаты исследования, отметим:

1. Оценка ДБ должна осуществляться комплексно посредством объективной системы индикаторов, определяющих пороговые значения функционирования инвестиционной сферы на макро-, мезо- и микроэкономическом уровне. Система индикаторов ДБ должна включать ограниченное число количественных показателей, обладающих высокой чувствительностью и изменчивостью, способных достаточно полно отразить состояние инвестиционной сферы с позиции ее безопасности. Данные показатели должны выполнять функции индикаторов не отдельно друг от друга, а лишь в совокупности, то есть взаимодействовать в достаточно сильной степени.

2. Самое важное свойство индикаторов – «это их взаимодействие, которое существует всегда, только при определенных условиях нарастания силы опасности они выходят за определенные границы, приобретают экстремальный характер и становятся очевидными. Накопление информации о численных параметрах такого взаимодействия необходимо для определения социально-экономических последствий, принимаемых макроэкономических решений, оценки значимости тех или иных угроз экономической безопасности» [12, с. 133].

3. На фоне сдержанного роста мировой экономики и относительно стабильных внутренних условий продолжились замедление спада российской экономики и создание предпосылок для восстановления деловой активности. Умеренный оптимизм усиливает восстановление производственной активности: сильнее в добывающих отраслях, далее идут энергоносители и инвестиционные товары, товары потребительского назначения (за счет реализации отложенного спроса населения). Однако падение мировых цен на нефть существенно «съело» средства Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, которые направлялись на покрытие дефицита бюджета.

4. Основными факторами (условиями), активизирующими заимствования РФ, являются:

– положительные: стабилизация темпов падения экономики, незначительный рост обменного курса рубля, снижение инфляции, стабилизация цен на нефть;

– отрицательные: экономическая неопределенность, связанная с нестабильностью после кризисной глобальной экономики и мировых финансовых рынков, сокращение иностранных инвестиций в российскую экономику, дефицит бюджета.

5. Анализ базовых факторов (условий) долговой безопасности РФ выявил замедление отрицательной динамики на фоне стабилизации мировых цен на углеводороды, снижение нефтегазовой составляющей в доходах государственного бюджета. Тем не менее проблемой остается дефицит финансовых ресурсов, усугубляемый действующими санкциями по отношению к ведущим финансовым и промышленным компаниям РФ, отказом европейских банков от размещения ОГВЗ.

6. Анализ абсолютных показателей долговой нагрузки РФ выявил замедление роста государственного долга, изменение его структуры в сторону увеличения внутреннего долга, рост расходов на обслуживание в связи с наступлением сроков его погашения. Значения всех индикаторов долговой безопасности ниже нормативных значений. Однако, учитывая изолированность российской экономики от мировых финансовых центров, полагаем, что в ближайшие годы будет расти нагрузка на бюджет, а значит Правительство РФ будет вынуждено искать новые рынки, подбирать эффективные финансовые инструменты.

Список литературы

1. Кульков В. М. Долговая безопасность экономики России: параметры и противоречия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 12 (249). С. 42–51.
2. Рогатенюк Э. В. Архитектура финансовой безопасности государства в условиях усиления глобализации и интеграционных процессов // Научные записки ОрелГИЭТ. 2016. № 6 (18). С. 40–47.
3. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7 (029). С. 38–41.
4. Экономическая безопасность хозяйственных систем: учебник / А. В. Колосов, В. И. Кушлин, А. Н. Фоломьев и др.; Под общ. ред. А. В. Колосова. М.: Изд-во РАГС, 2001. 445 с.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.
6. Сенчагов В. К., Иванов Е. А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. М.: Институт экономики РАН, Центр финансовых исследований, 2015. 43 с. [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf.
7. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. – 2-е изд. М.: Дело, 2005. 896 с.
8. Калина А. В., Савельева И. П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее региона // Вестник ЮургУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2014. № 4. Том 8. С. 15–24.
9. Фінанси: підручник / за ред. С. І. Юрія, В. М. Федосова. К.: Знання, 2008. 611 с.
10. Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2017–2019 годы. М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2017. 63 с.
11. Абышева А. В. Государственный долг России: оценка современного состояния // Интернет-журнал «Наукovedenie». 2016. Том 8. № 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/60EVN516.pdf>.
12. Новиков И. В., Красников Н. И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 132–138.

Статья поступила в редакцию 09.01.2018

УДК 339.13(477.75)

ФАКТОРЫ РОСТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Симченко Н. А.¹, Пискун Е. И.²

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация

²Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация
E-mail: natalysimchenko@yandex.ru

В статье представлены результаты социально-экономических исследований сущностной роли социального капитала в обеспечении качества экономического роста. На основе теоретико-методологического анализа концепта социального капитала предложены типы факторов роста социального капитала города Севастополя, которые в значительной степени влияют на индикаторы экономического и социального прогресса развития общества.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, нормы и ценности, социальные сети, факторы роста социального капитала, Севастополь.

«В Крыму, Севастополе, буквально все пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии».

В. В. Путин

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое развитие города Севастополя предопределяется исключительной историко-культурной и военно-патриотической ролью города в истории России. Стратегические приоритеты социально-экономического развития города Севастополя связаны с формированием и развитием Севастополя как геостратегического, промышленного, культурно-исторического, гуманитарного и туристического центра России на Черном море [1].

Достижение стратегических целей развития города Севастополя предусматривает обеспечение нового качества жизни жителей и гостей города на основе устойчивых темпов экономического роста. Однако в условиях сложившейся деформированной структуры экономики города постукраинского наследия, в которой доминируют непроизводительные виды деятельности (государственное управление и торговля), собственные налоговые и неналоговые поступления в доходную часть бюджета города составляют лишь менее половины от общего размера доходов бюджета, что делает его неустойчивым и зависимым от трансфертов из федерального центра [1]. По приросту доходов консолидированного бюджета за 2016 год Севастополь находится на 64 месте (102,7 % к 2015 году), по приросту собственных доходов – на 4 месте (+26,1 %) после Республики Крым (+29,2 %),

Ульяновской области (+27,3 %) и Чеченской Республики (+26,2 %). При этом доля собственных доходов в доходах консолидированного бюджета за 2016 год в Севастополе составляет лишь 47,4 %, и город относится к регионам с наименьшей долей собственных доходов, несмотря на значительное увеличение этой доли в 2016 году (+8,8 п. п.) [11]. Указанные обстоятельства, наряду с санкционными ограничениями со стороны иностранных государств, приводят к тому, что уровень жизни и благосостояние жителей города сегодня находятся на уровне, не соответствующем статусу Севастополя как города федерального значения.

Целью написания данной статьи является исследование совокупности факторов, влияющих на формирование и развитие социального капитала в обеспечении наращивания темпов экономического роста города Севастополя.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Социальный капитал как совокупность норм и ценностей, уровень доверия общества и степень развитости социальных сетей влияет определенным образом на темпы экономического роста территории [2–4]. Следствием накопления социального капитала является сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена [5]. Социальный капитал, являясь важнейшим фактором развития гражданского общества, отражает возможности консолидации общества на основе уровня доверия граждан к социальным институтам. Согласно проведенным исследованиям, низкий уровень доверия общества ко многим существующим социальным институтам отрицательным образом сказывается на величине накопленного социального капитала, что не позволяет рассматривать последний как общественное благо и значительно влияет на снижение транзакционных издержек в современном обществе. В связи с этим значительно усиливается роль социальных институтов и растет их влияние на рост социального капитала [6].

Рост интереса ученых и представителей предпринимательских сетей к структуре социального капитала отражает как общий уровень социальной ориентации процессов экономического взаимодействия бизнес-структур и власти, так и степень доверия общества к решениям органов власти на разных уровнях экономической системы. Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. При этом по гносеологической традиции, заложенной Дж. Коулманом [3] и опирающейся на протестантский и католический схоластический номинализм, происходит сведение всего социального богатства общества к социальному капиталу [7].

В данном случае исследователями не учитывается, что накопление социального капитала (как атрибута обществ с выраженной социально-классовой дифференциацией) частными агрегированными субъектами, ориентированными на оптимизацию своих эгональных социально-экономических интересов, не может не

причинять в долгосрочной перспективе вреда (в том числе и экономического) обществу. Также было установлено, что специфическим свойством социального капитала является то, что его совокупное количество в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала только на уровне всего социума, но и потому, что этот капитал социально-классовыми и хозяйственными субъектами может использоваться (и используется) не только на благо всего общества (или в производственных целях), но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума [7].

Анализ характеристик различных компонентов социального капитала, форм и способов их влияния на снижение транзакционных издержек в рамках конкретной хозяйственной системы целесообразно начать, на наш взгляд, с рассмотрения такого основополагающего концепта, как доверие. В частности, американские исследователи Дж. Хеллиуэлл и Р. Патнэм раскрыли связь между повышением уровня доверия в обществе, общего уровня образования и величины социального капитала и снижением общественных транзакционных издержек (на контроль и принуждение к исполнению обязательств). По их мнению, высокий уровень доверия, формируемый общим уровнем образования, снижает затраты на контроль и принуждение к исполнению обязательств, вселяет уверенность, что цели организации будут достигнуты [8]. На основе данных социологических опросов (US General Social Survey и Needham Life Style Survey) авторы продемонстрировали, что рост среднего уровня образования не только способствует перераспределению социального капитала в соответствующие группы, но и служит фактором его повышения. Традиционно высок в развитых странах мира и уровень доверия общества к науке, властным структурам, бизнесу [7].

Долгое время считалось, что составляющие триады социального капитала: сети, доверие и просоциальные нормы – тесно связаны друг с другом и являются разными проявлениями одной и той же однородной субстанции. Отсюда следует, что для измерения социального капитала нужно оценить уровень доверия в обществе, густоту социальных сетей и распространенность альтруизма и сознательности граждан, после чего остается агрегировать эти частные показатели в общий индекс социального капитала [9].

С целью разработки типологии факторов роста социального капитала города Севастополя следует провести экономический анализ развития города. Городов, отвечающих условиям для сопоставительного анализа с городом Севастополем, в России немного, что еще раз подчеркивает уникальное положение города. К таким городам и регионам могут быть отнесены Калининградская область и город Калининград (флот, порт, промышленность, образование, туризм), город Сочи (туризм, порт) и город Владивосток (порт, промышленность, образование, туризм, флот) [1].

Для сопоставления результатов необходимо рассматривать ВРП в расчете на душу населения, по которому город Севастополь занимает одно из последних мест среди субъектов Российской Федерации. По этому важному параметру город более

чем в четыре раза уступает средней величине по Российской Федерации и в три раза – по Южному федеральному округу (45,8 тыс. рублей против 73,2 тыс. рублей в Республике Крым, 280,3 тыс. рублей в ЮФО, 330,1 тыс. рублей в Краснодарском крае, 403,2 тыс. рублей по России в среднем). Основная причина такого результата заключается в искажении структуры экономики города Севастополя, превратившейся за время его пребывания в составе Украины в потребительскую. В настоящее время в ней доминируют (по объему) виды деятельности, не связанные с производством добавленной стоимости (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации в 2016 году [12]

Показатели/регионы	Российская Федерация в целом	Южный федеральный округ	Республика Крым	Город Севастополь
Валовая добавленная стоимость в основных ценах, в том числе	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	12,8	17,0	4,7
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,1	0,0	0,4
Добыча полезных ископаемых	11,2	3,4	2,9	0,8
Обрабатывающие производства	17,0	15,4	7,1	5,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,6	3,1	7,9	5,8
Строительство	7,2	10,1	3,9	1,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	17,9	16,6	15,8	20,6
Гостиницы и рестораны	1,1	1,9	2,3	7,7
Транспорт и связь	9,4	12,2	10,9	10,3
Финансовая деятельность	0,5	0,2	0,0	0,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12,7	8,9	6,0	7,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,2	5,4	8,9	14,4
Образование	3,1	3,5	5,0	6,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4,1	4,6	10,2	10,2
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,5	1,8	2,1	4,8

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, значительную долю в ВРП города занимают оптовая и розничная торговля (20,6 %), а также государственное управление и обеспечение военной безопасности (14,4 %). Наряду с этим доля обрабатывающих производств в ВРП города составляет лишь 5,2 %.

Принимая во внимание стратегическую важность научно-технологических приоритетов развития России в части обеспечения промышленного-цифрового прогресса и перехода промышленности на V–VI технологические уклады, возникает острая необходимость в развитии реальных промышленных производств, которые бы аккумулировали и наращивали добавленную стоимость. В этой связи нами предлагается подход к типологии факторов роста социального капитала города Севастополя, предусматривающий выделение двух групп факторов: экзогенных и эндогенных.

В рамках указанных двух групп факторов выделим типы факторов роста социального капитала с целью формирования факторологической базы для проведения в дальнейших научных изысканиях моделирования влияния факторов социального капитала на темпы экономического роста города Севастополя:

1. Экзогенные факторы, обуславливающие эволюцию социального капитала под воздействием внешних по отношению к системе факторов.

– Экзогенные объектные факторы обусловлены экономическими предпосылками протекания процессов:

– экономические (изменения природно-географических условий);

– технико-технологические (изменения технологических укладов);

– демографические (изменения половозрастной структуры общества и социально-классовых агрегированных субъектов).

– Экзогенные субъектные факторы обусловлены характеристикой социальной среды экономических отношений:

– политические (изменения политической системы);

– социально-гносеологические (степень развития науки об обществе и ее применение при попытках сознательного общественного (в том числе государственного) регулирования социальных процессов);

– морально-нравственные (изменения нравственных отношений в обществе).

2. Эндогенные факторы, обуславливающие существование, эволюцию и капитализацию социального потенциала. Эндогенные факторы – социально-экономические факторы внутреннего по отношению к экономической системе общества происхождения и подразделяются по таким типам:

– по уровню развития трудовых отношений;

– по уровню развития отношений собственности;

– по уровню развития отношений социально-экономического управления (функциональная цель данного типа отношений состоит в том, чтобы посредством формирования и осуществления определенного поведения субъектов обеспечить производство, присвоение и использование материальных благ в интересах господствующих социальных классов и групп, общества в целом, других субъектов [7]);

- по уровню развития потребностных отношений индивидов, степени реализации социально-экономических интересов и компетенций индивидов;
- по уровню трансформации социально-классовой структуры общества.

Указанные социально-экономические факторы роста социального капитала города Севастополя тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены. В ряде случаев между ними невозможно провести четкую грань. Вместе с тем можно (условно) охарактеризовать экзогенные факторы как экономические предпосылки и условия (социальную среду экономических отношений), а эндогенные – как экономические причины эволюции социального капитала в обществе. Указанный подход позволяет отойти от интерпретации эволюции социального капитала в экономической системе общества как некоего «линейного» развития от якобы простых социально-экономических форм до сложных, что, безусловно, важно для интерпретирования возможных форм влияния социального капитала на темпы экономического роста города Севастополя.

ВЫВОДЫ

Накопление и рост социального капитала через укрепление норм и ценностей граждан, патриотических настроений, развитие доверия и гражданской солидарности на основе действия групп экзогенных и эндогенных факторов в значительной степени определяют положительную динамику темпов экономического роста города и уровень качества жизни населения, что обуславливает важность проведения дальнейших исследований в сфере оценки влияния социальных институтов на качество экономического роста. В завершение приведем цитату В. В. Путина относительно гражданской национальной идеи: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея. Она не идеологизирована, не связана с деятельностью какой-то партии или стратой в обществе. Это связано с общим объединяющим началом. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан, более эффективной» [10].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и города Севастополя в рамках научного проекта № 18-410-920001.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года / Закон города Севастополя от 21.07.2017 г. № 357-ЗС.
2. Bourdieu P. The forms of capital. In: John G. Richardson (ed.): Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
3. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital. American Journal of Sociology, vol. 94 Supplement, 1988. P. 95–120.
4. Putnam R. Who Killed Civic America? Prospect, March 1996. P. 66.
5. Титов В. Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–111.
6. Симченко Н. А., Цёхла С. Ю. Исследование структуры факторов роста социального капитала региона // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 8. С. 16–24.

7. Симченко Н. А. Социальный капитал: феноменологическая природа, формы проявления, конкурентоспособность: монография / Н. А. Симченко, С. Ю. Солодовников, А. А. Гавриш и др. Киев: НТУУ «КПИ», 2014. 412 с.

8. Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // Eastern Economic Journal. 2007. Vol. 33, № 1.

9. Полищук Л. Порознь или сообща. Социальный капитал в развитии городов. М.: Strelka Press, 2014. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/architecture-book/524220-leonid-polishchuk-porozn-ili-soobshcha-sotsialnyy-kapital-v-razvitii-gorodov.html>.

10. Советы лидерам // Российская газета. 2016. № 6890 (22). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/02/03/vladimir-putin-nazval-patriotizm-edinstvennoj-nacionalnoj-ideej.html>.

11. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. URL: <http://crimea.gks.ru/>

12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://gks.ru/>

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 338.43

**О МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА
ЛЕКАРСТВЕННОГО СЫРЬЯ**

Цехла С. Ю., Почупайло О. Е.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: s.tsohla@yandex.ru

Предметом данного исследования выступили процессы предпринимательской деятельности в сфере лекарственного растениеводства. Методологической базой является комплексный методико-практический подход к анализу современного состояния производства лекарственного растительного сырья и к обоснованию мер государственной поддержки предпринимательства в этой сфере. В ходе исследования определены формы хозяйствования в сфере производства лекарственного сырья, определена специфика деятельности, проанализированы основные технологические процессы производства лекарственного растительного сырья, выполнено критериально-факторное обоснование перспектив развития отрасли и необходимости государственной поддержки предпринимательства в сфере производства лекарственного сырья, учитывающее основные направления социального и экономического развития Республики Крым и Российской Федерации. Предложенные в ходе исследования методические положения по систематизации процессов предпринимательской деятельности в сфере производства лекарственного растительного сырья и оказания государственной поддержки будут способствовать научно обоснованному принятию управленческих решений при планировании развития отрасли в регионе.

Ключевые слова: предпринимательство, производство, лекарственное сырье, государственная поддержка, природный потенциал, культивация, устойчивое развитие, Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире наблюдается тенденция повышения интереса к лекарственным растениям не только из-за их способности благоприятно воздействовать на организм человека, но и из-за обширного применения по многим отраслям промышленности. Несмотря на интенсивное развитие современных высоких технологий, потребность в лекарственном растительном сырье постоянно увеличивается. Обеспечение населения лекарственным растительным сырьем выступает в Российской Федерации, как и во многих других странах мира, одним из стратегических приоритетов государственной политики, так как охватывает минимум три ее важнейших направления: национальную безопасность, здоровье нации и развитие агропромышленного комплекса. Кроме того, в условиях экономических санкций, последствиями которых стала разработка государственной стратегии импортозамещения, производство отечественного лекарственного сырья приобрело еще большую важность и актуальность.

На территории Российской Федерации природно-климатические условия благоприятствуют произрастанию значительного числа видов лекарственных растений как в естественных условиях, так и при культивации. Вместе с тем существующая динамика производства лекарственного растительного сырья в России отражает почти кризисное состояние отрасли. В период с 1991 по 2000 гг.

посевные площади под лекарственными культурами снизились в 1,5 раза, объемы производства лекарственного растительного сырья – почти в 5 раз [1, с. 1]. В научных исследованиях профессора Е. Л. Маланкиной отмечается, что динамика роста спроса на лекарственное растительное сырье то замедляется, то ускоряется, однако спад даже в кризисный период не наблюдался. Кроме того, согласно ее данным, начиная с 2012 года наблюдается тенденция роста производства отечественного лекарственного сырья, которую демонстрируют крупные фермерские хозяйства [2]. В 2016 году площадь посева культивируемых лекарственных трав составила 8,4 тыс. га, эфиромасличных культур – 122,9 тыс. га [3].

В своих исследованиях ученые отмечают, что мировой рынок характеризуется положительной динамикой потребления лекарственных трав и сборов, а также считают производство лекарственного растительного сырья «одним из нетрадиционных для российских товаропроизводителей и в то же время перспективным направлением развития» [4, с. 64].

Специалисты отмечают, что «сильным конкурентным преимуществом нашей страны сегодня являются не ее невозобновляемые природные источники: нефть, газ, древесина, а многочисленные дикорастущие травы» [5]. Однако чтобы занять достойную нишу на мировом рынке, важно суметь наладить производство и экспортировать не сырье из лекарственных растений, а готовые продукты.

Подчеркивая актуальность проблемы решения вопросов лекарственного растениеводства, П. А. Чекмарев подчеркивает «востребованность лекарственных и эфиромасличных культур в различных сферах производства и необходимость скорейшего восстановления отрасли» [3].

Все вышесказанное создает предпосылки для проведения более глубокого исследования предпринимательства в сфере производства лекарственного растительного сырья, рассмотрения перспектив и условий его развития.

Целью данной статьи является исследование специфики предпринимательства в сфере лекарственного растениеводства и рассмотрение мер государственной поддержки предпринимательской деятельности в этой сфере.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В настоящее время большинство лекарственных растений выращивается в специализированных аграрно-промышленных предприятиях, размещенных в разных географических районах России. Основное производство лекарственных и эфиромасличных растений сосредоточено в регионах Сибирского, Центрального, Приволжского и Южного, Северо-Кавказского федеральных округов. Вместе с тем при формировании принципов производства лекарственных растений следует учитывать специфику предпринимательской деятельности в этой сфере и особенности регионального развития.

Предпринимательская деятельность в сфере лекарственного растениеводства в силу особенностей выращивания лекарственных растений и контроля за их производством со стороны государства подразумевает формирование преимущественно крупных предпринимательских структур. Вместе с тем малые и

средние формы хозяйствования в сфере лекарственного растениеводства также имеют значительные перспективы развития, а статистика свидетельствует об их преобладании. Такие хозяйства очень разнообразны, их можно группировать по различным признакам (способ наделения землей, специализация, формы организации труда и его оплаты, условия производства и хранения продукции и т. д.). К внутренним факторам деятельности в сфере производства лекарственного сырья следует отнести совокупность взаимосвязанных, зависящих от производственной политики субъекта хозяйствования условий, оказывающих воздействие на предпринимательскую деятельность. Результатом взаимодействия компонентов внутренней среды является готовая продукция (лекарственные растения, лекарственное сырье). При этом основные технологические процессы, которые выполняются в ходе предпринимательской деятельности, включают заготовку, культивацию, селекцию, интродукцию, сбор растений, обработку и хранение лекарственного сырья. Такая специфическая деятельность имеет много особенностей, зависит от природно-погодных условий, имеет неравномерный ритм, сезонность операций и задействованный узкопрофессиональный труд.

Организацию заготовки дикорастущих лекарственных растений по всем морфологическим группам лекарственного растительного сырья проводят в определенный период времени с учетом наличия достаточных объемов растений на данной территории под непосредственным контролем местных отделений охраны природы. Заготовкой дикорастущего лекарственного растительного сырья в России занимаются специальные заготовительные организации (табл. 1).

Таблица 1

Заготовительные государственные организации дикорастущего лекарственного растительного сырья в России

Наименование организации	Источники заготовки
Центросоюз РФ	Путем привлечения населения через разветвленную сеть потребительских обществ. Это основной поставщик дикорастущего лекарственного растительного сырья на рынок России
Федеральная служба лесного хозяйства	Заготовка через областные управления, лесхозы, леспромхозы, лесничества
РО «Фармация»	Прием дикорастущего лекарственного растительного сырья от населения на договорных началах, а также через сеть сельских аптек

Каждая морфологическая группа лекарственного растительного сырья имеет свои правила и особенности по срокам и методам заготовки, сбора, которые нельзя нарушать, так как отступление от этих правил приводит к снижению качества сырья и к истощению ресурсов лекарственных растений. Сборщики должны пройти специальную подготовку и быть ознакомлены с «Инструкцией по сбору и сушке лекарственного растительного сырья». Все работы, связанные с заготовкой и сбором

лекарственных растений, должны проводиться с предельной точностью, аккуратностью и чистотой.

При культивировании лекарственных растений предпринимателями этой сферы соблюдаются те же принципы, которые относятся к сельскохозяйственному растениеводству, а также специфические особенности этих культур: выбор культуры, размещение и размеры участка, которые определяются биологическими особенностями растения, подобранный посевной материал и посадка лекарственной культуры в строго установленные сроки для определенного растения в данном регионе, точное соблюдение агротехнических мероприятий.

С наиболее перспективными и важными лекарственными растениями ведется более углубленная селекционная работа для выведения сортов или улучшенных популяций. Применение научных методов по интродукции и селекции лекарственных сортов способствует введению многих новых ценных культур и улучшению сортового состава уже возделываемых растений.

Основная задача организации предпринимателями технологического процесса сушки лекарственного растительного сырья состоит в том, чтобы создать максимально приемлемые условия для ускорения высушивания при минимальных затратах энергии и более полном сохранении качественного и количественного состава биологически активных веществ. Выбор метода сушки зависит от морфолого-анатомического строения лекарственного растительного сырья, его химического состава, степени стабильности действующих веществ. В настоящее время в практической деятельности используют различные методы сушки, группировка которых представлена на рисунке 1.

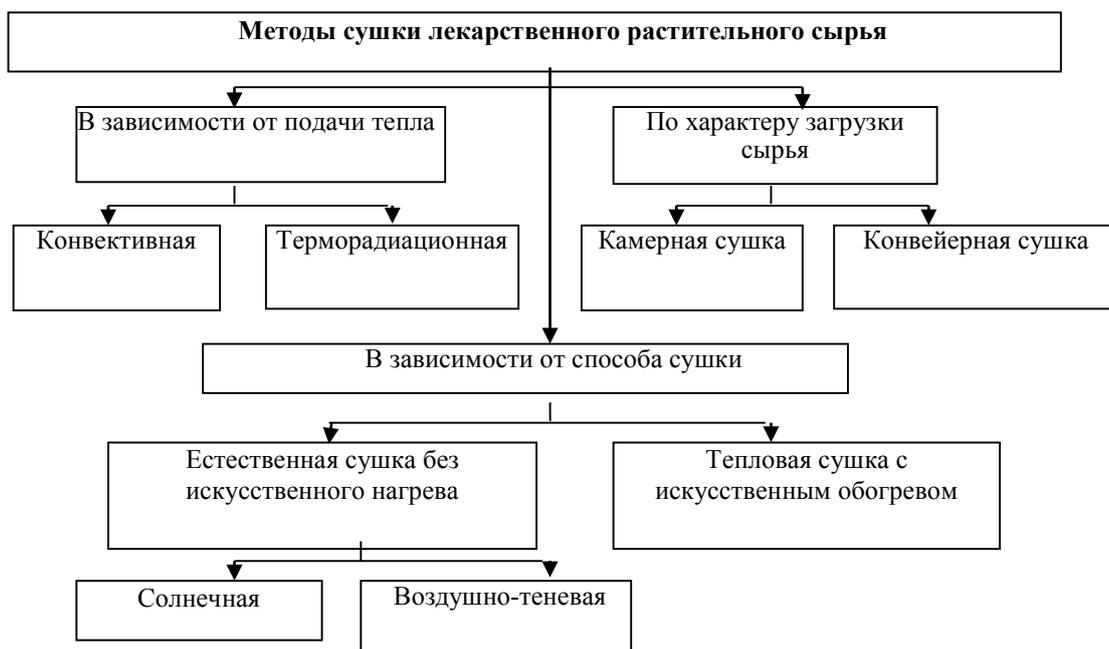

Рис. 1. Группировка методов сушки лекарственного растительного сырья

Для приведения лекарственного растительного сырья в стандартное состояние поводят обработку, позволяющую улучшить его качество. Эта работа требует наличия специального оборудования и квалифицированного персонала. Доведение заготовленного сырья до соответствия с требованиями нормативной документации включает ряд обязательных этапов (рис. 2).

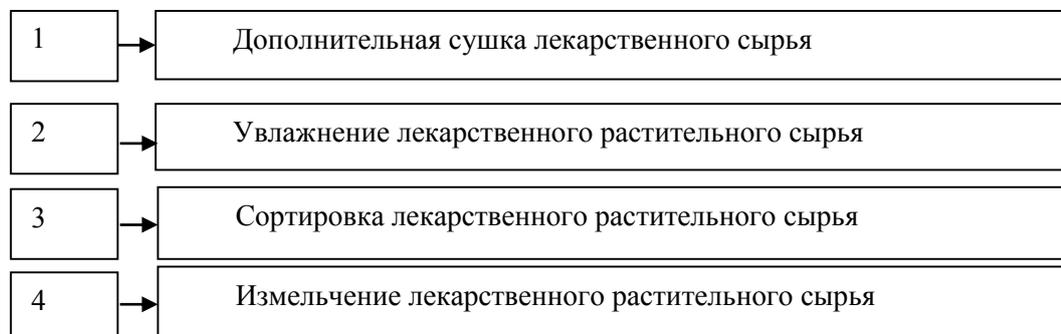

Рис. 2. Этапы обработки лекарственного растительного сырья в стандартное состояние

Для хранения и транспортировки растительного сырья проводят упаковку, которая защищает его от неблагоприятного воздействия. Способ упаковки и вид тары регламентированы для каждого вида сырья. Маркировку наносят непосредственно на тару или на ярлык (бирку) и указывают наименование предприятия-отправителя, наименование лекарственного растительного сырья, количество сырья (масса нетто и брутто), время заготовки, номер партии, нормативно-технический документ на конкретный вид сырья.

Объединяя усилия в деле развития отрасли лекарственного растениеводства, предпринимателями России в 2017 году была создана Ассоциация производителей и потребителей традиционных растительных лекарственных средств, которая включает в себя более 50 различных организаций [7]. Эта организация помогает организовать курсы подготовки и повышения квалификации производителей лекарственных трав, активно создавать потребительские общества и кооперативы.

Государственная поддержка на хозяйства по производству лекарственных трав до сих пор не распространяется, так как они не относятся к перечню культур, возделываемых агропроизводителями [3]. Для изменения сложившейся ситуации с производством растительного лекарственного сырья необходимы системные мероприятия, где наряду с восстановлением хозяйственных связей и саморазвитием предпринимательских структур проводится государственная поддержка производителей лекарственного растительного сырья, реализуются возможности получения субсидий, грантов и кредитов. При этом и федеральные, и региональные власти признают мощнейший потенциал отрасли лекарственного сырья. В настоящее время «ключевая ставка в развитии отрасли лекарственного растениеводства делается на Алтайский край, который занимает первое место в стране по площади пашни, является основным производителем оздоровительной продукции в России и

был выбран пилотным регионом, где проведен эксперимент по выращиванию традиционных китайских лекарственных растений [8]. Здесь уже сегодня работают перерабатывающие предприятия в сфере лекарственного растениеводства.

Предпринимательская деятельность является основополагающим фактором экономического прогресса территории. Следует отметить, что местные органы власти каждого отдельного региона, учитывая территориальные, природные, климатические, экономические, социальные и другие особенности территории, утверждают региональные положения, постановления, программы, определяющие основы которых являются общенациональными нормативно-правовыми актами, которые должны стать важным инструментом, способствующим развитию предпринимательской деятельности в сфере производства лекарственного сырья.

В процесс формирования отрасли лекарственного растениеводства для импортозамещения и экспорта в 2018 году включилась Бурятия в соответствии с проектом, получившим поддержку Фонда президентских грантов. В результате формируется список фермеров и пилотных площадок по выращиванию лекарственных растений, исследуются характеристики почв земельных участков, наличие у фермеров сельхозтехники, оборудования для переработки и т. д. [9].

В Крыму, несмотря на имеющийся природный потенциал и богатый практический опыт в сфере производства лекарственного сырья, фермерские хозяйства пока не проявляют большого интереса к возделыванию лекарственных трав. В советский период Крым был одним из основных производителей эфиромасличного и лекарственного сырья, поставлялось более 25 тыс. тонн сырья с площади около 10 тыс. га 30 хозяйствами, существовало 7 специализированных совхозов-заводов [10, с. 69]. В настоящее время производством лекарственного растительного сырья в Крыму занимается порядка 15 фирм, из которых 5–6 предприятий можно отнести к организациям, выращивающим эфиромасличные, лекарственные культуры и производящим из сырья продукцию. Большинство субъектов предпринимательской деятельности этой сферы имеет недостаток финансовых, технических и материальных ресурсов для положительной динамики развития.

Учитывая курс государственной экономической политики Республики Крым и России в целом в направлении импортозамещения по социально значимым отраслям, производство отечественных изделий растительного происхождения и получение эфирных масел из собственного сырья является одной из первоочередных задач лекарственного растениеводства. Поэтому в рамках государственных мер по возрождению и восстановлению выращивания лекарственного растительного сырья в Крыму предусмотрена поддержка и стимулирование развития предпринимательских структур. Среди приоритетных реализуемых и перспективных ключевых проектов Стратегией социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года выделен выпуск натуральных лекарственных средств и биологически активных добавок (сырье для предприятий – местные лекарственные травы) в Симферопольском, Белогорском, Бахчисарайском, Кировском районах и городском округе Симферополь [11, с. 310–337]. Выгодное экономико-географическое положение Центрального экономического региона (городской округ

Симферополь, Симферопольский, Бахчисарайский и Белогорский районы), а также его ресурсно-сырьевой потенциал и наличие научных организаций с богатейшим опытом делают специализацию на лекарственном растениеводстве обоснованной и целесообразной. В перспективных направлениях Западного региона Крыма ставится задача выращивания эфиромасличных культур. В Южном регионе наряду с исторически сложившимся лечебно-оздоровительным туризмом отраслью специализации является агропромышленный сектор, в котором выделяется переработка эфиромасличных культур. В перспективах Восточного региона определено развитие производства, перерабатывающего лекарственные и эфиромасличные культуры. Среди сельскохозяйственной специализации Северного региона выделено выращивание эфиромасличных культур. В развитии агропромышленного комплекса в целом предусмотрено формирование новой инфраструктуры для малого и среднего бизнеса – создание агропромышленных парков. Сочетание всех перечисленных составляющих в совокупности с накопленным богатым научным опытом и проводимыми практическими экспериментами, квалифицированным трудовым потенциалом создает в Крыму резервы для увеличения объемов производства лекарственного растительного сырья и расширения его ассортимента.

ВЫВОДЫ

Развитие предпринимательства в сфере производства лекарственного растительного сырья на данном этапе развития экономики можно назвать стратегическим приоритетом, поскольку оно способствует не только активизации деятельности, но и обеспечению импортозамещения социально значимой продукции. Эффективное развитие отрасли растениеводства в современных условиях требует от предпринимателей внедрения новых технологий, совершенствования экономических отношений, формирования инновационной политики развития. Ресурсы лекарственного растительного сырья, несмотря на широкое многообразие флоры нашей страны, имеют ограниченный характер произрастания. Одним из регионов, обладающих ресурсной базой лекарственного растительного сырья, является Республика Крым, где представлены богатые разновидности лекарственных растений, благоприятный эколого-экономический потенциал и богатый практический опыт для развития лекарственного растениеводства. Для эффективного выращивания лекарственных трав требуется поддержка со стороны государства с целью оказания влияния на формирование рынка лекарственного сырья и защиты интересов отечественных производителей, что будет способствовать обеспечению национальной безопасности, укреплению системы здравоохранения, развитию социальной среды, росту экономического потенциала регионов и страны.

Список литературы

1. Загуменников В. Б. Особенности культивирования лекарственных растений в Нечерноземной зоне РФ: автореф. дис. ... докт. биол. наук: 06.01.13. М., 2002. 40 с.
2. Маланкина Е. Л. Выращивание и сбор лекарственных растений – доход или убыток? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greencom.ru/praktikum/proflikbez.html/id/579>.
3. Чекмарев П. А. Лекарственные травы России могут громко заявить о себе за границей [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/press-service/news/petr-chekmarev-lekarstvennyye-travy-rossii-mogut-gromko-zayavit-o-sebe-za-granitsey>.
4. Крапчина Л. Н. Организация производства лекарственного растительного сырья как перспективное направление развития российских аграрных предприятий // Экономическая наука и практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита: Молодой ученый, 2013. С. 63–65 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/75/3462/>.
5. Швец И. Настоять на травах // Эксперт-Сибирь. 2018. № 20–21 (513) [Электронный ресурс]. URL: <http://expertsib.ru/journal/5438>.
6. Володарский Л. И. Практическое руководство по сбору и заготовке дикорастущих лекарственных растений. М.: Медгиз, 1959. 278 с.
7. Погонцева Е. Растениеводы лекарственных и эфиромасличных культур добиваются легитимизации отрасли // Фармацевтический вестник [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/rastenievody-lekarstvennykh-28-11-17.html>.
8. Алтайский край может стать лидером по выращиванию и переработке лекарственных трав // Новости Сибирской науки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/news/nastoyat-na-travakh-blagodarya-14042018>.
9. Тунка готова стать пилотной территорией для отработки «зеленых» технологий // Село. 30.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/news/agriculture/142589-tunka-gotova-stat-pilotnoy-territoriyei-dlya-otrabotki-zelyenykh-tekhnologiy>.
10. Цехла С. Ю., Почупайло О. Е. Формирование принципов производства лекарственных растений в Росснии: этапы развития и перспективы // Международные научные исследования. 2017. № 1 (30). С. 63–71.
11. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: Закон Республики Крым от 09.01.2017 № 352-ЗПК/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_322716.pdf.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

УДК 331.34

СТЕЙКХОЛДЕРСКИЙ ПОДХОД К ПЕРСОНАЛУ ОРГАНИЗАЦИИ

Ядранский Д. Н.¹, Чумак Е. В.²

¹*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация*

²*Свердловский областной музыкально-эстетический педагогический колледж, Екатеринбург, Российская Федерация*

E-mail: jadransky@yandex.ru

В статье рассматривается персонал современной организации как один из ключевых стейкхолдеров. В качестве основной цели рассматривается организация работы с персоналом с позиций стейкхолдерского подхода. Методами анализа являются общенаучные (анализ, синтез, дедукция) и специальные (логическое моделирование, а также диалектический метод при описании позиций стейкхолдеров организации). В статье определяется место персонала в рамках стейкхолдерского подхода, предлагается структура стейкхолдеров по силе влияния на хозяйственные результаты, отмечаются противоречивые интересы работников организации и менеджеров.

Ключевые слова: стейкхолдер, персонал, труд, процесс, результат, стратегия, модель.

ВВЕДЕНИЕ

Современный бизнес развивается в рамках регуляционного пространства, которое характеризуется широким привлечением предприятия (организации) к взаимодействию с множеством субъектов. Именно многосубъектность деятельности современного предприятия определяет необходимость исследования его экономического развития в контексте целевого окружения. При этом социальное окружение предприятия имеет по отношению к нему определенную релевантность, что делает целесообразным применение стейкхолдерского подхода. В данном случае речь идет о заинтересованности «любых индивидуумов, групп и организаций, которые имеют существенное влияние на решения, принимаемые организацией, либо находятся под воздействием указанных решений» [14, с. 46]. Стейкхолдерскую теорию мы предлагаем рассматривать исходя из логики, предложенной К. Паулом [15, с. 705–720], согласно которой теория стейкхолдеров описывает отношения между предприятием и его средой. В данном ключе мы рассматриваем управление персоналом как концепцию менеджмента, которая объединяет в себе инструменты, действия и процессы, которые способствуют взаимодействию, исходя из учета интересов всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Исходя из особенностей менеджмента, следует отметить, что учет интересов стейкхолдеров влияет на принципы, необходимые для формирования средств контроля (что представлено в исследованиях, связанных с концепцией эталонного управления [10]) и планирования.

Цель статьи – проанализировать персонал предприятия с позиций стейкхолдерского подхода. Задачи статьи: определить место персонала в системе стейкхолдерского подхода, рассмотреть возможные подходы к оценке персонала как одного из ключевых стейкхолдеров, предложить оптимальные направления работы с персоналом с целью минимизации управленческих рисков.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Как справедливо отмечает ряд исследователей, в том числе украинский автор Н. Попова, не существует единого списка стейкхолдеров для всех предприятий и организаций. Этот список меняется в течение времени в связи с изменениями среды. Системное мышление также включает в себя понимание структуры системы, то есть того, как стейкхолдеры связаны между собой [8].

В современной литературе стейкхолдеров разделяют преимущественно на две группы: внешние и внутренние [1; 2]. По нашему мнению, на предприятии всегда имеет место группа стейкхолдеров, обладающих промежуточным статусом. К такой группе мы относим временных работников, практикантов, совместителей, проверяющие органы, профессиональные союзы и ассоциации. Каждая из указанных групп имеет различное влияние на хозяйственный процесс предприятия. Совокупное влияние стейкхолдеров можно представить в виде рис. 1. При этом следует отметить, что интересы разных групп стейкхолдеров часто не совпадают, но они вынуждены взаимодействовать по определенным правилам [3].

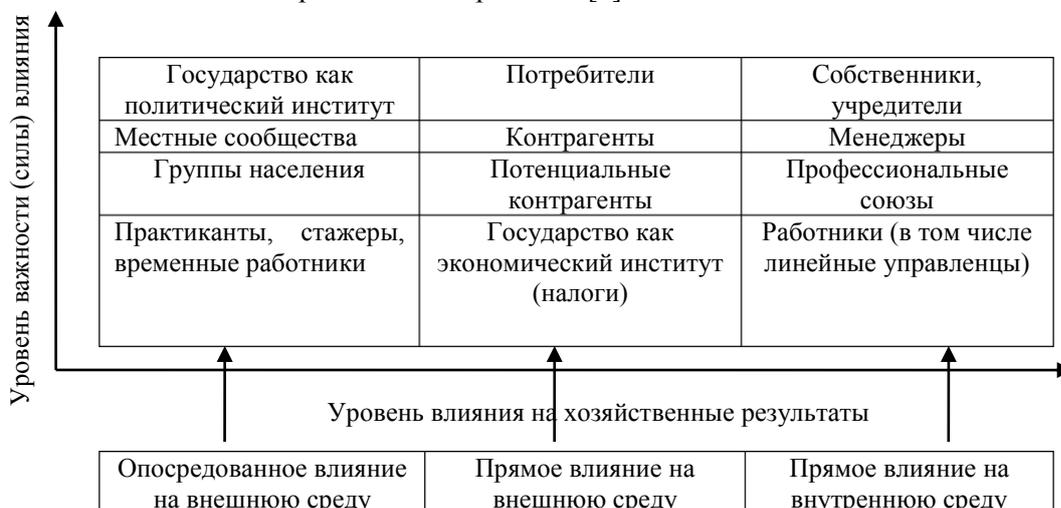

Рис. 1. Структура стейкхолдеров по силе влияния на хозяйственные результаты предприятия (организации)

Источник: [3]

Следует отметить, что деятельность стейкхолдеров несет в себе не только позитивные для предприятия моменты, но и определенные угрозы. По результатам теоретического анализа и моделирования, результаты которого приведены на рис. 1, мы считаем, что наиболее сильно влияющим на деятельность предприятия будет персонал, представленный на рис. 1 двумя блоками: «менеджмент» и «работники».

Следовательно, работа с персоналом как со стейкхолдером должна быть одним из наиболее значимых направлений в реализации стейкхолдерского подхода.

Организация работы с персоналом как с одним из наиболее значимых стейкхолдеров несет для предприятия как возможности, так и угрозы. К числу угроз мы относим:

- возможность разглашения коммерческой тайны;
- возможность утечки ноу-хау;
- непосредственное влияние на имидж и гудвилл предприятия.

К возможностям персонала как стейкхолдера, которые могут позитивно влиять на хозяйственную деятельность предприятия, мы относим:

- возможность раскрытия трудового потенциала работников;
- повышение лояльности персонала и, как следствие, снижение затрат на набор и адаптацию;
- снижение уровня конфликтов и улучшение социальной среды предприятия;
- снижение рисков утраты ноу-хау, разглашения коммерческой тайны и пр.

На сегодняшний день по-прежнему доминирует ресурсный подход к анализу трудовой деятельности. Однако современное увеличение степени разделения труда привело к тому, что отдельный работник со специфическим набором социально-биологических характеристик уже не может рассматриваться в качестве целостного трудового ресурса. Особенно актуальной необходимостью отказа от ресурсного подхода становится при условии рассмотрения персонала как одного из ключевых стейкхолдеров, что требует применения совершенно иной логики управления и оценки.

При этом мы полностью согласны с Р. Чугумбаевым, что соглашение между стейкхолдерами, фиксирующее их коллективное мнение о том, что является ценностью, предполагает использовать показатель ценности для управления организацией. Это особенно важно в ходе стратегического планирования, когда следует правильно установить целевые значения бизнеса [12]. Таким образом, более оправдано говорить о целесообразности результатного подхода к персоналу.

Следует отметить, что в современном производственном процессе роль персонала постоянно увеличивается. Данный процесс происходит как в силу роста технической вооруженности работников, так и в силу увеличения удельного веса интеллектуального труда. В силу этого ресурсный потенциал работника, привлеченного к информационному труду, определяется не столько параметрами носителя трудового потенциала, сколько организационными условиями, в которых он находится [13]. Однако постоянная реализация личных свойств работника (интеллекта, знаний, опыта, социально-психологических, ценностно-нормативных качеств) зависит от социальных установок, полученных работником в своем непосредственном и опосредованном социальном окружении.

Следует отметить, что при реализации стейкхолдерского подхода противоречия начинаются даже в рамках самой категории «персонал» по причине того, что интересы менеджеров и работников имеют внутренние неустраняемые противоречия (причиной которых является максимизация продуктивности работников как необходимое условие роста добавленной стоимости). Фактически в группе,

оказывающей «прямое влияние на внутреннюю среду» (см. рис. 1), совпадают интересы стейкхолдеров «менеджмент» и «учредители», которые противоречат совпадающим интересам групп «профессиональные союзы» и «работники». В силу указанного именно устранению указанных противоречий в первую очередь должна быть направлена деятельность по реализации стейкхолдерского подхода к персоналу.

Нами критически переосмыслены признаки, предлагаемые А. Хариным и Т. Гареевым для рассмотрения проблемы управления организацией на основе стейкхолдерского подхода с позиций теории игр [10]. Для управления персоналом на основе стейкхолдерского подхода выделяют такие признаки:

- наличие как минимум четырех сторон (стейкхолдеров), заинтересованных в деятельности организации (государство как экономический субъект, потребители, собственники и рабочие);
- существующие различия в интересах и стратегиях стейкхолдеров имеют практически противоречивый (антагонистический) характер («производитель – потребитель»; «менеджер – работник»);
- поведение стейкхолдеров носит взаимообуславливающий характер, поскольку результат, получаемый каждым из них, зависит от поведения других стейкхолдеров;
- наличие институциональных условий (формальных и неформальных норм и правил), известных всем стейкхолдерам и ограничивающих их поведение;
- динамический и повторяющийся характер взаимодействий [10].

По нашему мнению, исходя из вышеперечисленного, управление персоналом в рамках стейкхолдерского подхода должно базироваться на ряде принципов.

Первым принципом является формирование на предприятиях единого способа системного мышления относительно сети стейкхолдеров. Это связано с тем, что управление персоналом базируется на понимании всей системы ценностей стейкхолдеров, включая потребителей и инвесторов. Системное мышление требует выявления всех ценностно-нормативных аспектов, которые могут быть затронуты в процессе управления.

Вторым принципом является рассмотрение взаимосвязи всех стейкхолдеров в процессе управления персоналом на конкретном предприятии. В данном случае речь идет о том, что на нормы и ценности, выступающие ориентирами в процессе управления персоналом, стейкхолдеры накладывают отпечаток (например, государство как политический субъект определяет МРОТ, контрагенты – формируют конкурентную среду, в том числе определяя фактический размер оплаты труда; группы населения формируют предложение на рынке труда и т. д.).

Третьим принципом является объективная необходимость совместного сосуществования стейкхолдеров как целостной социальной системы, определяющей сам факт существования организации и эффективность ее адаптации к условиям рыночной среды.

Четвертым является необходимость непрерывного, постоянного поиска компромисса между всеми стейкхолдерами. Именно необходимость поиска компромисса обуславливает необходимость четкого понимания норм и ценностей персонала, который в свою очередь должен понимать и принимать интересы других стейкхолдеров.

Пятый принцип базируется на логике, предложенной О. Ефимовой, относительно того, что управленческие решения и их последствия должны рассматриваться с трех позиций: экономической, социальной и экологической [6]. Соответственно, указанные аспекты необходимо учитывать и при оценке персонала предприятия.

Шестым принципом формирования является развитие способности предприятий взаимодействовать с персоналом как со стейкхолдером, получая от него обратную связь. Таким образом, становится возможным вовлечь персонал в процесс принятия решений и более полно учесть ценности (нормы) персонала в процессе осуществления управленческой деятельности.

Седьмым принципом является формирование системы открытого декларирования интересов всех стейкхолдеров как основы для поиска баланса интересов. Последний тезис связан с нестабильным социально-экономическим развитием многих отраслей, вследствие чего интересы участников могут динамично изменяться. По мнению Р. Чугумбаева, в системе контрольных показателей организации, ориентированной на стейкхолдерский подход, должны быть отражены основные социально-экономические параметры, включая формулировку целей компании [11].

Рассматривая социальные механизмы влияния на персонал, необходимо констатировать, что стейкхолдерский подход к персоналу организации, по нашему мнению, помимо интересов (персонала как одного из стейкхолдеров), должен учитывать реальные экономические, социальные и экологические условия деятельности персонала как объективные характеристики его деятельности.

Общая логика оценки также должна базироваться на системных принципах. Поскольку, как было сказано выше, при формулировании пятого принципа, деятельность (в данном случае персонала) должна рассматриваться с трех позиций: экономической, социальной и экологической, соответственно, логику оценки можно представить в виде, предложенном на рис. 2.

В практическом использовании речь идет о том, что снижение одного параметра может компенсироваться ростом другого. В совокупности такая логика должна обеспечить более объективное раскрытие положения персонала и дать системную информацию другим стейкхолдерам.

Организация работы с персоналом начинается с ориентации на социальные ожидания. Говоря о потенциальных ожиданиях работников от предприятия, по нашему мнению, их можно свести в пять групп:

- связанные с гарантией дохода (роста дохода);
- связанные с гарантией существования предприятия (гарантии занятости);
- связанные с гарантией индивидуального развития (карьерного и профессионального роста);
- связанные с содержанием труда (гарантия сохранения или повышения содержательности трудовых функций работников).
- гарантия сохранения (улучшения) условий труда, в том числе в экологическом плане.

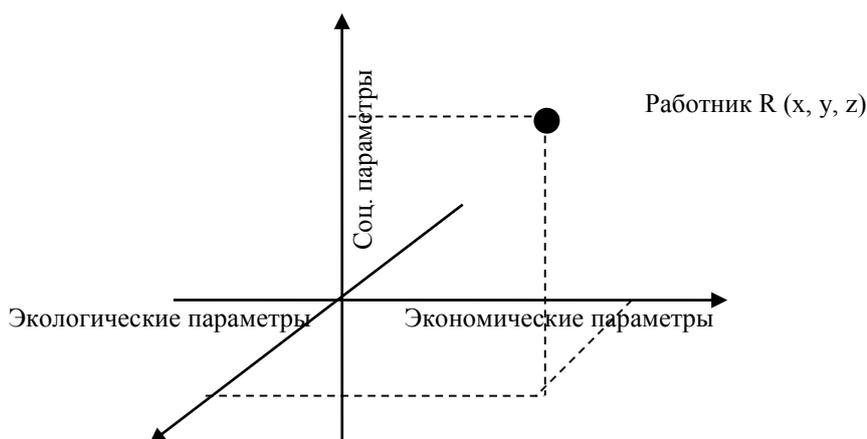

Рис. 2. Логика модели оценивания деятельности персонала как одного из ключевых стейкхолдеров

Источник: составлено авторами

Таким образом, понимание конкретного направления интересов позволяет оценить адекватность среды организации для удовлетворения запросов персонала как стейкхолдера.

Рассматривая главные задачи стейкхолдерского подхода, О. Ефимова говорит об обеспечении стратегии устойчивого развития [6]. Соглашаясь с автором, необходимо констатировать, что деятельность, направленная на работу с персоналом как стейкхолдером, соответственно, также должна быть направлена на обеспечение предприятию стратегической эффективности. При этом стратегия работы с персоналом должна коррелировать со стратегиями (интересами) других групп стейкхолдеров. Такими общими направлениями можно считать:

- производство качественной продукции (услуг) для полного удовлетворения запросов потребителей;
- последовательная и прогнозируемая работа предприятия как делового партнера с контрагентами, создание партнерских связей с как можно большим количеством контрагентов, проведение пробных закупок у других контрагентов (с целью уменьшения рисков);
- создание привлекательных рабочих мест, инвестиции в развитие трудового потенциала, оправдание социальных ожиданий работников;
- эффективная работа с кадровым резервом, в т. ч. из числа практикантов, стажеров;
- соблюдение налоговых, экологических и иных законодательных требований;
- эффективное ведение бизнеса, позволяющее акционерам (учредителям, инвесторам) иметь высокий интерес к предприятию;

- ориентация на общественные ожидания и этические нормы;
- соблюдение трудовых норм, гарантий работникам и эффективное взаимодействие с профсоюзной организацией;
- формирование позитивного отношения к предприятию со стороны местного сообщества.

Говоря о стратегических целевых функциях (показателях) для реализации стратегии на принципах корпоративной социальной ответственности, В. Ганэ и Н. Гончарук [4] приводят ряд показателей. По нашему мнению, указанные показатели (после некоторой адаптации) могут быть применены к задачам индикации эффективности работы предприятия с персоналом как со стейкхолдером. Достижение запланированных стратегических целевых функций организации работы с персоналом мы предлагаем рассматривать во взаимосвязи с хозяйственной и рыночной деятельностью предприятия по показателям:

- конкурентоспособность персонала и ее динамика;
- прибыль и ее динамика;
- инвестиции в трудовой потенциал и их динамика;
- производительность труда, объемы производства, согласованные с требуемыми рынком объемами продаж;
- затраты на программы, связанные с улучшением экологической (социальной) составляющей труда персонала, и их динамика;
- конкурентные позиции персонала по группам сотрудников (а также конкурентоспособность вакансий);
- устойчивость персонала и характер ее изменения [4].

Таким образом, речь практически идет о встраивании стратегии работы с персоналом в стейкхолдерский подход к управлению предприятием. В этом случае стратегия может разрабатываться на двух уровнях:

- для организации в целом в соответствии с ее общей стратегией – как функциональная стратегия на общеорганизационном уровне;
- для отдельных сфер деятельности (бизнеса) многопрофильной, диверсифицированной компании – как функциональная стратегия каждой сферы бизнеса, соответствующая целям этой сферы [9]. Для этого предусматривается долгосрочная программа действий по использованию и развитию потенциала персонала организации с целью обеспечения ее стратегического конкурентного преимущества организации. Инструментами реализации такой программы, по мнению Ю. Кононенко, являются текущая кадровая работа, руководство персоналом, мероприятия относительно его развития, повышения квалификации, решения социальных проблем, вознаграждение и мотивация [7]. По нашему мнению, тактические приемы кадровой работы на будут иметь принципиальных отличий от используемых в настоящее время. Все сказанное выше обозначает возможные направления работы с персоналом при реализации стейкхолдерского подхода и позволяет перейти к использованию уже существующего практического инструментария управленческого воздействия.

ВЫВОДЫ

По нашему мнению, в рамках проведенного анализа показан факт возрастающей роли персонала в современном стейкхолдерском подходе к управлению организацией. Доминирующий до сегодняшнего дня ресурсный подход к управлению персоналом в таких условиях трансформируется в результатный (где результат взаимодействия рассматривается с позиций всех групп стейкхолдеров). В этом контексте рассмотрение персонала как альтернативного ресурса, использование которого может быть заменено автоматами, нами рассматривается как ошибочное. Также считаем необходимым рассматривать взаимодействие стейкхолдеров как некую целостность, обладающую набором уникальных (характерных только для данной организации) свойств, качеств, специфических черт взаимодействия. Все указанное выше позволяет рассматривать персонал в рамках стейкхолдерского подхода как результат социальных отношений (социального взаимодействия) всех групп стейкхолдеров. Таким образом, нами раскрыта цель данной статьи.

В процессе решения первой задачи было определено место персонала в системе стейкхолдерского подхода, в результате чего была предложена структура стейкхолдеров по силе влияния на хозяйственные результаты, где отмечено противоречивое (исходя из интересов) взаимовлияние работников организации и ее менеджеров. При этом обе указанные группы стейкхолдеров отнесены к группе прямого сильного влияния на внутреннюю среду организации. На этом основании делается вывод о целесообразности применения к управлению персоналом логики стратегического подхода к управлению как формы сглаживания возникающих противоречий.

В рамках решения второй задачи, связанной с рассмотрением возможных подходов к оценке персонала, нами предложена логика модели оценивания деятельности персонала как одного из ключевых стейкхолдеров, в которой настаивается на необходимости одновременного анализа экономических, социальных и экологических аспектов трудовой деятельности работников. По нашему мнению, такая логика должна обеспечить более объективно раскрытие положения персонала и дать системную информацию иным стейкхолдерам о его интересах и возможной динамике их изменений.

В рамках решения третьей задачи были предложены оптимальные направления работы с персоналом как стейкхолдером. В рамках разработанных предложений отмечается, что всю совокупность ожиданий персонала от организации можно свести в пять групп. Указывается, что стратегия работы с персоналом должна коррелировать со стратегиями (интересами) других групп стейкхолдеров, а также предложены направления такого взаимодействия. Отмечается, что достижение запланированных стратегических целевых функций организации работы с персоналом как со стейкхолдером целесообразно рассматривать во взаимосвязи с хозяйственной и рыночной деятельностью предприятия.

Проблемы, рассмотренные в статье, создают методическую основу для создания в рамках системы управления персоналом направления, в функционал которого входила бы работа, направленная на согласование интересов персонала с интересами

других стейкхолдеров. При этом основная логика такой работы должна базироваться на предварительном (в рамках стратегического управления персоналом) устранении возможных противоречий.

Список литературы

1. Бунимович И. Д. К вопросу о воздействии стейкхолдеров на процесс стратегического менеджмента // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozdeystviya-steykholderov-na-protsess-strategicheskogo-menedzhmenta> (дата обращения: 16.12.2017).
2. Васильев М. А. Использование концепции стейкхолдеров в управлении промышленным предприятием // Экономика и управление (Экономические науки). 2014. № 8 (117). С. 110–113.
3. Володина В. И. Стейкхолдерский подход управления бизнесом // Новая наука: от идеи к результату: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (29 ноября 2015 г., г. Стерлитамак). / в 2 ч. Ч. 1. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. С. 78–79.
4. Ганэ В. А., Гончарук Н. А. Особенности использования корпоративной стратегии в управлении персоналом на инновационном предприятии // Новости науки и технологий. 2016. № 3 (38). С. 3–9.
5. Ефимова О. В. Анализ устойчивого развития // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 45 (348). С. 41–51.
6. Ефимова О. В. Анализ устойчивости развития компании: стейкхолдерский подход // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 45 (348). С. 41–51.
7. Короленко Ю. Н. Стратегия управления персоналом важнейшая составляющая в управлении организации // Современные технологии управления персоналом: сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов / Под науч. ред. д. э. н., доцента О. С. Резниковой. Симферополь: Аэтерна, 2016. С. 33–38.
8. Попова Н. В. Маркетинг стейкхолдерів: теоретичні аспекти та проблеми впровадження // Вісник соціально-економічних досліджень. 2016. Вип. 1 (60). С. 169–178.
9. Рошкетаяева У. Ю., Скубенко Д. В. Взаимосвязь развития персонала и стратегии управления организацией // Инновационная наука. 2017. № 3–1. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-razvitiya-personala-i-strategii-upravleniya-organizatsiey>
10. Харин А. Г., Гареев Т. Р. Стейкхолдерский подход в управлении организациями: перспективы применения теоретико-игровых моделей // TERRA ECONOMICUS. 2014. № 4, Т. 12. С. 105–113 [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/02/15/1251161515/journal12.4-9.pdf>.
11. Чугумбаев Р. Р. Верификация целей бизнеса, ориентированного на лидерство // Вести высших учебных заведений Черноземья. 2012. № 1. С. 56–60.
12. Чугумбаев Р. Р. Стратегические уровни показателей бизнеса: принципы и методы оценки: монография. Тамбов, 2010. 350 с.
13. Ядранский Д. Н. Диагностирование и контроль социально-экономической эффективности как направление современного экономического анализа // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diagnostirovanie-i-kontrol-sotsialno-ekonomicheskoy-effektivnosti-kak-napravlenie-sovremennogo-ekonomicheskogo-analiza>.
14. Freeman R. E. Strategic Managment. A Strakeholder Approach. Boston, 1984. P. 46.
15. Paul K. Stakeholder Theory, Meet Communications Theory: Media Systems Dependency and Community Infrastructure Theoty, with an Application to California's Cannabis/Marijuana Industry // Journal of Business Ethics. 2015. Vol. 129. P. 705–720.

Статья поступила в редакцию 26.04.2018

SUMMARIES

MARX AND MODERNITY: PECULIARITIES OF THE INITIAL ACCUMULATION OF CAPITAL IN THE TRANSITIONAL ECONOMY OF RUSSIA

Bezmaternykh V. G.

The paper analyzed in detail the patterns and peculiarities of initial capital accumulation occurring in the transitional economy of Russia. Substantiates the evolutionary pattern of the PAC in the conditions of post-socialist economy. Shows the following characteristics in our country. Here we have the transition from feudalism to capitalism, and from socialism to capitalism. We investigated the role of the Soviet nomenclature in building the economy of the market type. Feature of initial capital accumulation is that this process takes place in the industrial country. Unlike described by Marx era. The third feature shows a turning of public property into private property in the form of privatization. The fourth feature of. Unlike the classic examples of primitive accumulation of capital in the end of XX century this process occurs relatively quickly, ismiras for centuries and decades. The fifth feature of this process, according to the author, is that he is not surrounded by countries with a feudal economy, as it was in the classical period, and in the era of globalization, where Russia is surrounded by countries with developed market economies. The sixth feature is derived from the previous one. The initial accumulation of capital in Russia is in terms of active intervention of foreign capital. The seventh feature. The outflow of domestic capital in huge volumes abroad. It is impossible to imagine the Exodus of capital from the economy of England during the XV–XVIII centuries in the relatively same scale as it happened in post-Soviet Russia. The author examines a specific form of primitive accumulation of capital in modern Russia. This, in his opinion, the following: 1) mass privatization of former public property; 2) assignment in large scale public funds, corruption among public officials; 3) in the course of privatization has received the most widespread use of administrative resource; 4) a massive fraud, in some cases, the scale of the vast country, using the Central television, radio and other mass media; 5) the use of legislation as an instrument of redistribution of national assets (for this purpose were used the laws on arbitration, bankruptcy, various investment competitions, auctions, etc.); 6) of considerable proportions in this period, criminal enrichment; 7) with the goal of getting rich quick use of war and local conflicts; 8) in Russia in the process of primitive accumulation of capital found widespread use of this source of income as a huge gap in domestic and world prices, especially for goods of fuel-energy and extractive industries. The article examines the problems and mistakes made in the privatization policy. Privatization of state property in the conditions of transitive economy of Russia was one of the main sources of the formation of new capital and the emergence of capitalists, but also the primary means of deprivation of the direct producers (workers) are informed of the whole people of the means of production. It is shown that the privatization took place through the following stages. The first was the spontaneous privatization of state socialist property. It was the initial stage of capital accumulation in the

depths of a more socialist economy. It was the work of the so-called "entrepreneurs" who have exercised their "business" in socialist enterprises using stolen resources on them. The profits from the production went to the personal enrichment of the owners of such enterprises. In our country, those who engaged in this illegal activity, called "tsehoviki". The next stage of privatization in Russia was a voucher or voucher privatization. The timing was set from three to five years. It was carried out in 1992-1994. Form of voucher privatization was supposed to look a fair way to separate direct employee of previously public property. The challenge was to have the citizens to create the appearance of equal participation of all citizens in the responsibility of state ownership. Thus, it was necessary politically and socially to neutralize the possible displeasure of the Russian population. The article shows that the proclamation of the privatization objective, namely, the creation of an efficient owner, improving the efficiency of enterprises, the creation of a socially oriented market economy, were not implemented in practice. A significant portion of the population not knowing what to do with the vouchers, sell them to the fraudsters. The majority of Russian citizens real participation in privatization are not accepted. It resulted in a giant stratification in society. The next stage of the Russian privatization became a money privatization, which began in Russia since July 1, 1994. Since 1997, Russia began the so-called collateral investment auctions. As a result of their huge number of enterprises in the hands of a small group of people, which later popularly called "oligarchs." The article shows that the economic legacy of Marx, concerning the era of primitive accumulation of capital, important for the modern history of all former socialist countries, especially Russia, because it has a period of 90-ies – is in many ways a classic era of primitive accumulation. It surely was enriched with specific Russian practice of formation of the capitalist economy. In our country, had many distinctive features of this era, but all this does not negate the General laws of which Marx wrote in "Capital", and which fully manifested itself in Russia.

Key words: initial capital accumulation, the economic legacy of Marx, the transition economy, privatization, public ownership of the means of production, private property, the illicit economy.

WAYS TO OVERCOME THE LIMITATIONS OF THE REGION'S GROWTH POINTS AS INDEPENDENT GROWTH POINTS

Vanyushkin A. S., Druzin R. V.

12 constraints, preventing developing growth points of a region, are systematized in the article, also interconnections of these constraints with each other are discovered; it's grounded, that implementing innovations can minimize the impact of the part of these constraints to growth points of a region; the most important seven directions of innovations, aimed at reducing deficit and saving the key resources, are discovered; there are presented the conditions, keeping which can transfer these directions of innovations into independent and sustainable growth points of a region.

Key words: growth points, a region, constraints, impact, innovations

DETERMINANTS OF INITIATIVES AND CYBER-RISK MANIFESTATIONS IN INTERNATIONAL BUSINESS

Gorda A. S., Gorda O. S.

Over the past decades, the development of the Internet has revolutionized the communication area, which has become a major factor in global economic growth, but has led to cyber-risk arise.

In modern scientific literature the small number of jobs is devoted to the economic aspects of cyber-risks and methods of managing them. The pace of research on this problem in developed countries leaves significantly behind the domestic developments. This gap, on the one hand, is explained by the level of development of the financial system and the degree of its dependence on information technology. On the other hand, the issue of cyber risk combines two different areas: financial and informational, requiring an interdisciplinary approach to its study.

Private institutions play a key role in the study of the essence of cyber-risks: consulting, insurance companies and information and software companies, such as AON, PricewaterhouseCoopers, Deloitte, Ernst and Young, Society of Actuaries, International Association, Allianz, and Geneva Association. With the growing of cyber risk and the negative financial implications of its implementation, state and commercial institutions, such as the Federal Bureau of Investigation in the USA, the Bank for International Settlements, are increasingly paying attention to this threat.

The aim of the article is to study the determinants of cyber-risk and their negative impact on world and national economies.

Based on the analysis of scientific literature and normative legal acts, the causal, sequential, and instrumental approaches to understanding the definition of cyber risk are identified. It is proposed to consider the concept of cyber-risk in a narrow and broad sense. In the narrow sense, cyber-risk is associated with operational threats to information and technology assets that adversely affect the confidentiality, availability and integrity of information or information systems. Cyber-risk is an operational risk, which is to obtain direct or indirect damage by economic agents as a result of their operation in cyberspace. In the broad sense, cyber-risks are the likelihood of a threat to interactive digital networks used to transmit, modify, and store information.

To prevent cyber-risk implementation, cyberspace should be governed by certain rules of behavior. National cyber-security agencies should receive timely and accurate cyber-crime reports from national economic agents. Cybersecurity standards should include the provision of internal cyber-risk data by financial institutions that will be automated.

Keywords: cyber-risk, cyber-attack, cyber-threat, cyber-incident.

ECONOMIC ESSENCE AND CONCEPTUAL FRAMEWORK OF EFFICIENCY OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Ivanov G. I.

Theoretical approaches to essence of efficiency of agro-industrial complex are reflected in article, on the basis of studying of researches of domestic and foreign authors the interpretation of efficiency of processing industry of agrarian and industrial complex is specified. Separate components of a conceptual framework of efficiency of agrarian and industrial complex, her types and their economic essence are considered. By results of the conducted research the backbone role of economic efficiency of the agrarian sector of the economy uniting different types of efficiency of agro-industrial production is revealed.

Keywords: efficiency, efficiency of agro-industrial complex, processing industry of agrarian and industrial complex, agriculture, agrarian sector of economy, types of efficiency, economic efficiency.

MODELING AND FORECAST OF INDICATORS OF THE INTERNATIONAL TRADE IN GOODS OF THE BRICS COUNTRIES

Ilyasova J. V., Shkurina A. A.

This article discusses the main economic and mathematical methods for forecasting the international trade indicators of the BRICS countries. As a result of the research, the most significant factor influencing the volumes of world GDP was revealed. It is established that the volume of exports will grow annually by an average of \$ 70 billion. USA. Econometric models are also constructed. The forecasts of exports and GDP of the BRICS countries were created.

Keywords: international trade, BRICS countries, multiple regression, dispersion analysis, economic-mathematical model, exports, imports, GDP, forecast of indicators.

ASSESSMENT OF PROSPECTS OF INTRODUCTION OF WASTE-FREE TECHNOLOGIES IN AGRARIAN AND INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Maidanevich A. A.

Results of a research of opportunities of introduction of waste-free production technologies of agro-industrial production in the agrarian sector of economy of the Republic of Crimea are presented in article. On the basis of theoretical and settlement economic justification the role of waste-free technologies in increase in profitability and profitability of the interconnected branches of agro-industrial complex (the brewing industry and livestock production) is shown, their complex and synergetic efficiency is confirmed (social, ecological, economic).

Keywords: environmental pollution, production wastes, waste-free productions, waste-free technologies, agro-industrial complex, Republic of Crimea, brewing industry, livestock production, efficiency, synergetic effect.

THE CONCEPTUAL FIELD OF THE DEFINITION «REGION» WITHIN THE CROSS-DISCIPLINARY ANALYSIS AND SPATIAL ECONOMY

Muzyka A. S.

The article provides a complex analysis of the most frequent definitions of the notion «region» that are presented in the papers by leading scientists from a position of cross-disciplinary approach. Region main distinctive criteria are considered from the point of view of the developing research area – spatial economy. The objective need of taking into account regional identity is emphasized which includes a regional level and regional subjectivity as one of the most important differentiated factors of the term under examination.

The researchers' views on a definition of adjacent concepts to which also the definition «region» belongs vary depending on the sphere and the subject of their scientific knowledge. Currently there is no general definition of the term under consideration which could satisfy representatives of all scientific communities without emergence of a debate and disagreements between them. The existing interpretations of the concept "region" are diverse in the variability and should be analyzed in an integrated fashion in the context of cross-disciplinary approach.

The undertaken analysis of the basic and most often found in scientific literature determination of the term "region" which is offered by both Russian and foreign researchers shows that the accents placed by scientists vary depending on their specialization and object of research. From our point of view, the nature of the definition is more fully shown in those interpretations that combine geographical, economic, social, cultural, political and other scientific approaches of the matter under consideration.

Statements of investigators in the field of spatial economy arouse interest: they consider geographical, economic, territory and administrative characteristics as criteria for creation a region typology. Moreover, the researchers especially emphasize that the concept "region" includes both economic and territory structure and local community with the identity which is defined by the regional level and regional subjectivity of a given territorial unit.

Key words: region, spatial economy, regional level, regional subjectivity, regional economic structure.

THE INFLUENCE OF HISTORICAL, CULTURAL AND GEOGRAPHICAL FACTORS ON BILATERAL ECONOMIC RELATIONS OF INDIA AND RUSSIA

Naumenko R. V.

Bilateral economic relations between India and Russia occupy a special position in the study of the impact of interstate relations on the world economy. The expansion of the strategic partnership of the countries in the sphere of economy and policy provides for the need to take into account a complex of factors of economic development of the States, among which a special position is occupied by historical, cultural and geographical features of cooperation. The article presents the specification of the gravitational equation, which allows to evaluate the importance of these factors in the formation of mechanisms of optimization of bilateral Russian-Indian economic relations.

Key words: India, Russia, bilateral economic relations, gravitational equation, historical, cultural and geographical factors.

TERRITORY AND SOCIAL DEVELOPMENT: GEOECONOMIC COMPENDIUM

Nikitina M. G., Shutaieva E. A., Pobirchenko V. V., Mirankov D. B.

The team of authors under the leadership of D.Phil. in Economics, D.Phil. in Geography, Professor Nikitina M.G. completed the implementation of the RFBR research project № 16-06-00423-a. In the process of research, was formulated the system-evolution paradigm of interaction between society and territory as an objective basis for the transformation of the national socio-economic system in the context of the Russian geo-economic school. The results obtained during the implementation of the «Territory and social development» project are theoretical, methodological and applied. Some publications are still in print. The article sums up the main results and draws conclusions with respect to tactical and strategic techniques undertaken in solving this problem.

Keywords: socio-economic system, socio-economic process, territory, territory development, social development, public organization of the territory, socio-economic territorial system, socioeconomic territorial organization, socioeconomic system, territorial organization, process-temporal approach, systems genetics approach.

THE FORMATION OF CLUSTERS OF POTENTIAL DEVELOPMENT OF RESORT AND RECREATIONAL TERRITORIES ON THE BASIS OF AN ASSESSMENT OF THE LEVEL OF ECONOMIC STABILITY

Oborin M. S., Shersheva M. Yu., Kozhushkina I. V., Gvarliani T. E.

The article is devoted to the study of clusters of potential development of resort and recreational areas, taking into account the level of economic stability, allowing to group

them in accordance with the identified potential and features of its implementation. Clusters are considered on the example of territories and small towns of Perm Krai.

Keywords: clusters, resort and recreational areas, economic stability.

MODELING OF ACCOUNTING POLICIES OF CRIMEA ORGANIZATIONS IN TRANSITION PERIOD

Pozharitskaya I. M., Grechishnikov N. P.

The article presents the results of modeling the options for recalculating the value of property of Crimean enterprises in the transition period. The main research method is the modeling of the balance sheet by procedures for the recognition of tangible assets, fixed assets and capital in accordance with the norms of Russian legislation. The main result of the study - a variant of valuation of balance sheet items with a revision of the procedure for recognizing assets and liabilities in accordance with the requirements of the legislation of the Russian Federation is proposed. After the simulation, it was revealed that the first two options allow you to restore lost items in the accounts, and the assets in the accounting, but are quite laborious and, in the opinion of the authors, not correct from the point of view of the applied methodologies. In the opinion of the authors, the third method is most correct for fixing the facts of economic life during the transition period. Further research is subject to the organization of internal control of accounting policy, including the use of digital technologies.

Keywords: accounting policy, transition period, modeling, property valuation.

INDICATIVE ANALYSIS OF A DEBT SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rogatenyuk E. V.

A feature of the economy of modern Russia is the increase of state budget deficit, to cover which the government borrows resources for internal and/or external market, resulting in and formed the government debt.

Debt security is a component of economic security of the country; the underlying condition of its financial and economic sovereignty; a certain level of public domestic and external debt and the optimal ratio between them, sufficient to address the essential socio-economic problems.

The rating of a debt security is usually carried out on the results of comparative analysis of actual indicators of public debt and key indicators that can identify trends in the socio-economic stability of the state and the realization of national interests.

The article deals with theoretical approaches to the systematization of the basic absolute indicators of a debt security of the country and key performance indicators; defined requirements. Using the methods of the group of absolute indicators and indicators of a debt security, calculated and analyzed their values; the estimated level of debt the security of the

Russian Federation; the main factors (conditions) that activates borrowing of the Russian Federation and threaten its debt sustainability.

Key words: public debt, debt sustainability of the country debt security, benchmarking analysis, indicators, thresholds of indicators.

FACTORS OF GROWTH OF SOCIAL CAPITAL OF SEVASTOPOL CITY

Simchenko N. A., Piskun E. I.

The article presents the results of socio-economic studies of the essential role of social capital in ensuring the quality of economic growth. The groups of factors for the growth of the social capital of Sevastopol are proposed on the basis of the theoretical and methodological analysis of the concept of social capital. The study allows defining the affect the indicators of the economic and social progress for the development of society.

Keywords: social capital, trust, norms and values, social networks, factors of growth of social capital, Sevastopol.

ABOUT THE MEASURES OF THE STATE SUPPORT OF ENTREPRENEURSHIP FOR DEVELOPMENT OF MEDICINAL HERBS RAW MATERIALS PRODUCTION

Tsohla S. Yu., Pochupailo O. E.

The solutions of social problems of living standards, wellbeing and health of the nation are the priority directions of the State policy in modern conditions of economic and social development. The official herbs production is very important in the conditions of technical progress; socially oriented economy development is focused on a health care system improvement. New technologies have allowed the new potential of medicinal herbs in the modern word. This causes the great need for medicinal herbs raw materials

The subject of this research is the entrepreneurship processes in the sphere of medicinal herbs production. The methodological base of this research has been represented by the integrated methodical and practical approaches to the analysis of the current state of medicinal herbs raw materials production and to substantiation of state support measures for entrepreneurship in this sector.

In our country the need of the pharmaceutical, food and chemical industries processing medicinal herbs raw materials is satisfied by the wild-growing herbs collecting and also by the production of cultivated herbs by specialized farms and due to the import of medicinal herbs raw materials. The entrepreneurship of the medicinal herbs production has some peculiarities. It depends on natural and weather conditions, has uneven rhythm, it's seasonal, the workers are highly specialized.

The organization of the main technological processes includes different activities for preparation, cultivation, and selection, collecting plants, production and storage of medicinal herbs raw materials.

The regions of Russia have a great potential for domestic production development of medicinal herbs. Cultivation of medicinal herbs in specialized farms has some advantages. They are the increase in efficiency of plants and receiving medicinal herbs raw materials with higher content of biologically active agents, carrying out selection work and using various agrotechnical and agrochemical methods at cultivation of medicinal herbs.

The state support doesn't extend to farms on production of herbs as they don't treat the list of cultures cultivated by agricultural producers. At the same time both the federal, and regional authorities recognize the powerful capacity of branch of medicinal raw materials. They admit that the measures to support the entrepreneurship in this sector should be approved such as subsidies, grants and credits, projects and programs for development.

The totality of unique natural components demonstrates expediency of formation of powerful production base of medicinal herbs raw materials in Crimea. That should positively effect on social and economic development of the peninsula. Taking into account specifics of agricultural production, agrarian specialization of the Republic of Crimea further development of production of herbs of the region has to become the important direction of regional agriculture. Providing the conditions for production of medicinal herbs in the region will promote the economic growth of the agricultural companies, stimulation of introduction of innovative technologies and updating of material and technical resources, thereby solving problems not only economic, but also social character.

The managing forms of medicinal herb production companies and the specific characteristics of the activity have been defined in the research. The key technological processes of production of medicinal herbs raw materials have been analyzed. The criteria-factor justification of future branch development and the of state support of entrepreneurship in medicinal herbs production considering the main directions of social and economic development of the Republic of Crimea and the Russian Federation have been performed in this research.

The methodical statements for systematization the processes of entrepreneurship activity in the sphere of medicinal herbs production and rendering the state support offered in this research should promote the evidence-based adoption of administrative decisions when planning the development of this branch in the region.

Key words: entrepreneurship, production, medicinal herbs raw materials, state support, natural potential, agrarian production, cultivation, sustainable development, Republic of Crimea.

STAKEHOLDER APPROACH TO PERSONNEL OF THE ORGANIZATION

Yadransky D. N., Chumak E. V.

The staff of the modern organization is considered in the article as one of the key stakeholders. As the main goal, the organization of work with personnel from the positions of the stakeholder approach is considered. Methods of analysis are general scientific (analysis, synthesis, deduction) and special - logical modeling, as well as a dialectical method in describing the positions of stakeholders in the organization. Results: The position of the staff within the framework of the stakeholder approach is determined in the article,

the structure of stakeholders is proposed by the force of influence on economic results. A stakeholder matrix is proposed, in which, as a key criterion of influence, the nature of the influence on the organization's environment is determined. Dialectical contradictions among groups of stakeholders are defined. In particular, there are contradictory interests of employees of the organization and managers. The conclusion is made about the expediency of using the methods of strategic personnel management in the stakeholder approach. A graphical model for assessing the performance of personnel as one of the key stakeholders is proposed. The principles of personnel management within the framework of the stakeholder approach are defined, which include: the formation at the enterprises of a single method of system thinking about the network of stakeholders; consideration of the relationship of all stakeholders in the process of personnel management at a particular enterprise; the objective need for joint co-existence of stakeholders as an integral social system; the need for a continuous, constant search for a compromise between all stakeholders; management decisions and their consequences should be considered from three positions: economic, social and environmental; development of the ability of enterprises to interact with staff as a stakeholder, receiving feedback from him; formation of a system of open declaration of interests of all stakeholders as a basis for finding a balance of interests. A model for assessing the performance of personnel as one of the key stakeholders was developed and optimal directions of work with personnel were proposed. The whole set of staff expectations is proposed to be grouped into five groups. It is stated that the strategy of work with personnel should correlate with the strategies (interests) of other groups of stakeholders. Scientific novelty: the article proposes to consider personnel as one of the key stakeholders and substantiates the key areas of work with him in this context.

Keywords. stakeholder, staff, work, process, result, strategy, model.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безматерных В. Г., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ванюшкин А. С., доктор технических наук, профессор кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Гварлиани Т. Е., доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, кредита и мировой экономики ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Гречишников Н. П., магистрант кафедры учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Друзин Р. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Иванов Г. И., аспирант кафедры экономики агропромышленного комплекса ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Илясова Ю. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кожушкина И. В., аспирант кафедры финансов, кредита и мировой экономики ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Майданевич А. А., аспирант кафедры государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Мираньков Д. Б., старший преподаватель кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Музыка А. С., аспирант кафедры экономики предприятия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Науменко Р. В., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Оборин М. С., доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Пискун Е. И., доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Побирченко В. В., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Пожарицкая И. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Почупайло О. Е., ассистент кафедры менеджмента предпринимательской деятельности ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Рогатенюк Э. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственных финансов и банковского дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Симченко Н.А., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Цехла С. Ю., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Чумак Е. В., преподаватель Свердловского областного музыкально-эстетического педагогического колледжа

Шерешева М. Ю., доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Шкурина А. А., магистрант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Шутаева Е. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ядранский Д. Н., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

Безматерных В. Г.

К. Маркс и современность: особенности первоначального накопления капитала в переходной экономике России 3

Ванюшкин А. С., Друзин Р. В.

Пути преодоления ограничений точек роста региона как самостоятельные точки роста 14

Горда А. С., Горда О. С.

Детерминанты возникновения и проявления киберрисков в международном бизнесе 22

Иванов Г. И.

Экономическая сущность и понятийный аппарат эффективности агропромышленного комплекса 34

Илясова Ю. В., Шкурина А. А.

Моделирование и прогноз показателей международной торговли товарами стран БРИКС 43

Майданевич А. А.

Оценка перспектив внедрения безотходных технологий в АПК Республики Крым 50

Музыка А. С.

Концептуальное поле дефиниции «регион» в рамках междисциплинарного анализа и пространственной экономики 59

Науменко Р. В.

Влияние историко-культурных и географических факторов на двусторонние экономические отношения Индии и России 69

Никитина М. Г., Шутаева Е. А., Побирченко В. В., Мираньков Д. Б.

Территория и общественное развитие: геоэкономический компендиум 80

Оборин М. С., Шерешева М. Ю., Кожушкина И. В., Гварлиани Т. Е.

Формирование кластеров потенциального развития курортно-рекреационных территорий на основе оценки уровня экономической стабильности 95

Пожарицкая И. М., Гречишников Н. П.

Моделирование учетной политики организаций Крыма в переходный период 112

Рогатенюк Э. В.	
Индикативный анализ долговой безопасности Российской Федерации.....	123
Симченко Н. А., Пискун Е. И.	
Факторы роста социального капитала города Севастополя.....	135
Цехла С. Ю., Почупайло О. Е.	
О мерах государственной поддержки предпринимательства в сфере производства лекарственного сырья	142
Ядранский Д. Н., Чумак Е. В.	
Стейкхолдерский подход к персоналу организации.....	150
Summaries.....	159
Сведения об авторах.....	169
Содержание.....	172
Contents.....	174

CONTENTS

Bezmaternykh V. G.

Marx and modernity: peculiarities of the initial accumulation of capital in the transitional economy of Russia..... 3

Vanyushkin A. S., Druzin R. V.

Ways to overcome the limitations of the region's growth points as independent growth points..... 14

Gorda A. S., Gorda O. S.

Determinants of initiatives and cyber-risk manifestations in international business..... 22

Ivanov G. I.

Economic essence and conceptual framework of efficiency of agro-industrial complex.. 34

Ilyasova J. V., Shkurina A. A.

Modeling and forecast of indicators of the international trade in goods of the BRICS countries..... 43

Maidanevich A. A.

Assessment of prospects of introduction of waste-free technologies in agrarian and industrial complex of the Republic of Crimea..... 50

Muzyka A. S.

The conceptual field of the definition «region» within the cross-disciplinary analysis and spatial economy 59

Naumenko R. V.

The influence of historical, cultural and geographical factors on bilateral economic relations of India and Russia 69

Nikitina M. G., Shutaieva E. A., Pobirchenko V. V., Mirankov D. B.

Territory and social development: geoeconomic compendium 80

Oborin M. S., Shersheva M. Yu., Kozhushkina I. V., Gvarliani T. E.

The formation of clusters of potential development of resort and recreational territories on the basis of an assessment of the level of economic stability 95

Pozharitskaya I. M., Grechishnikov N. P.

Modeling of accounting policies of Crimea organizations in transition period..... 112

Rogatenyuk E. V.

Indicative analysis of a debt security of the Russian Federation 123

<i>Simchenko N. A., Piskun E. I.</i>	
Factors of growth of social capital of Sevastopol city.....	135
<i>Tsohla S. Yu., Pochupailo O. E.</i>	
About the measures of the state support of entrepreneurship for development of medicinal herbs raw materials production	142
<i>Yadransky D. N., Chumak E. V.</i>	
Stakeholder approach to personnel of the organization.....	150
Summaries	159
Authors data	169
Contents.....	174